

Индекс П8643

1
2025

РОССИЯ XXI 2025 1

РОССИЯ XXI

1. 2025 январь-март

Геоглобалистика

Вартан Эйриян

Шушинская декларация:
стратегия развития тюркского мира
и национальные интересы России _____ 6

Ярлыки и мифы

Андрей Богданов

Царевна Софья и ее фавориты _____ 30

Россия в мире

Ирина Стамова

Княгиня Дарья Ливен
и российско-европейские отношения _____ 60

Хайлова Нина

Детский мир в Китае на рубеже XIX–XX вв.
(по материалам журнала «Вестник Европы») _____ 74

Вартазарьян Даниил

Министерство иностранных дел Российской
империи и фракция кадетов в III Думе:
практики взаимодействия (1907–1912) _____ 86

Страницы истории

Сергей Новоточинов

«Он верил в свою звезду...»: А.И.Гучков и правящие круги в 1907–1911 гг. _____ 102

Мирон Малафай

«Вместе с ними Вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона...» __ 116

Национальная доктрина

Владимир Лапин

Образы лидеров национального сопротивления. Почему царевич Александр Ираклиевич Багратиони не попал в их число? _____ 134

Ресурсы нации

Евгений Пономарев

Революция в образовании: Союз учителей средней школы и трансформация системы образования в Санкт-Петербурге в начале XX века _____ 156

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Принципиальная политика –
самая практичная политика.

В. И. Ленин

План – лучший способ
добиться случайного
результата.

Амброс Гвиннет Бирс

Варган Эйриян

**ШУШИНСКАЯ
ДЕКЛАРАЦИЯ:
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
ТЮРКСКОГО МИРА
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

УДК

327

В статье анализируются положения Шушинской декларации между Азербайджаном и Турцией. Обращается внимание на ключевые декларируемые сферы взаимодействия акторов. Проводится параллель между двусторонним диалогом стран и сотрудничеством в рамках Тюркского Совета. Автор делает вывод, что Шушинская декларация является существенным шагом в сближении Азербайджана и Турции. Также высказывается предположение, что данный документ может послужить основой для дальнейшего расширения предметного поля сотрудничества всех тюркских государств. Рассматриваются возможные последствия и риски для России с учетом внешнеполитической активности Турции.

While analyzing the Shusha declaration between Azerbaijan and Turkey the author centers around the key spheres of cooperation, which are specified in the document. He draws a parallel between the bilateral dialogue of the states and the cooperation within the Turkic Council. The author concludes that for Azerbaijan and Turkey the Shusha declaration is a significant step towards each other. It is also suggested that the declaration may become a basis for the further cooperation of all Turkic states. The article reviews possible consequences and risks for Russia in the light of growing assertiveness of Turkish foreign policy.

Ключевые слова: Шушинская декларация; тюркский мир; Тюркский Совет; Великий Туран; Турция; Азербайджан; Южный Кавказ; Центральная Азия.

Key words: The Shusha Declaration; the Turkic world; the Turkic Council; the Great Turan; Turkey; Azerbaijan; the South Caucasus; Central Asia.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Последние несколько лет внимание научно-исследовательского сообщества привлекает усиление турецко-азербайджанского тандема на Южном Кавказе. Проявлениями этого тренда стали завершение в пользу Баку второй и третьей карабахских войн¹, прекращение существования Нагорно-Карабахской Республики и, соответственно, укрепление азербайджанской переговорной позиции в диалоге с армянской стороной.

На момент весны 2025 г. сохраняется неясность вокруг внешнеполитической ориентации Армении, декларировавшей свою приверженность евроинтеграции [21], а российско-азербайджанские отношения подвергаются проверке на прочность [6; 25]. В этих условиях нестабильности на Южном Кавказе актуализируется и изучение взаимодействия Баку и Анкары, расширивших за последние годы правовую базу межгосударственного сотрудничества.

15 июня 2021 г. президенты Турции и Азербайджана Р.Т.Эрдоган и И.Г.Алиев подписали Шушинскую декларацию, направленную на расширение предметного поля взаимодействия держав. Учитывая необходимость выработки полноценной стратегии действий Москвы на постсоветском пространстве, полагаем значимым провести анализ положений Шушинской декларации не только в контексте двусторонних отношений Анкары и Баку, но и сквозь призму деятельности Тюркского Совета², являющегося ключевым институтом взаимодействия тюркоязычных государственных акторов.

Задача эта тем существеннее, что на сегодняшний день столь значимому источнику посвящено малое количество исследовательской литературы. В частности, этот сюжет затронут в работах Р.И.Гузаерова [9; 10], В.Я.К.Мамедовой [18], Н.Минасян [33]. В то же время в перечисленных трудах изучение международно-правового документа обусловлено

---

¹Вторая карабахская война, также именуемая 44-дневной либо Отечественной войной, прошла 27 сентября – 9/10 ноября 2020 г. и закончилась принятием Трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении о прекращении военных действий. Третья карабахская война (согласно азербайджанским источникам, контртеррористическая операция в Нагорном Карабахе) велась 19–20 сентября 2023 г. и привела к прекращению существования самопровозглашенной Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах).

²Тюркский Совет либо Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ТС/ССТГ) – образованная в 2009 г. международная межправительственная организация, объединяющая тюркские государства, целью которой является развитие сотрудничества между ними. В ноябре 2021 г. была преобразована в Организацию Тюркских Государств (ОТГ). Членами организации являются Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Узбекистан. За Венгрией и Туркменией закреплен статус наблюдателей.

скорее необходимостью анализа эволюции турецко-азербайджанских отношений, нежели вниманием к декларации *per se*.

Безусловно, подписание Шушинской декларации стоит рассматривать и с учетом высокой внешнеполитической активности Турции, о которой принято говорить в последние годы. Не секрет, что Турция во главе с Р.Т. Эрдоганом стремится к реализации собственного потенциала на самых разных фронтах: отечественный исследователь В.А. Аватков выделяет три ключевых пространства, на которых Анкара преследует далеко идущие цели – исламское, постосманское и тюркское постсоветское [1, с. 83]. В рамках данной статьи автор концентрируется преимущественно на постсоветском измерении, указывая на корреляцию заявленных в Шушинской декларации планов с положением дел и взаимодействием Анкары с постсоветскими столицами на момент разработки международно-правового документа.

Тюркская идентичность через антагонизм?

При работе с Шушинской декларацией первое, что может привлечь внимание исследователя, – это само место принятия и подписания документа. Значение этого города сложно переоценить: Шуша (армянское наименование – Шуши) является одним из важнейших населенных пунктов, расположенных на территории Нагорного Карабаха. Именно взятие Шуши армянскими войсками в мае 1992 г. в результате операции «Свадьба в горах» считается одним из ключевых событий первой карабахской войны 1992–1994 гг. Как Армения, так и Азербайджан традиционно заявляют о своих культурных претензиях на наследие Шуши, обвиняя друг друга в манипулировании историческими фактами. Подписание декларации о союзнических отношениях между Азербайджаном и Турцией именно в этом городе направлено на придание символизма внешнеполитическим достижениям тандема.

Даже в самом источнике подписанты не смогли удержаться от дополнительного указания на историческую значимость населенного пункта: текст двустороннего документа начинается с представления Шуши в роли «древней культурной колыбели Азербайджана и тюркского мира в целом» [31]. Классическое апеллирование к историческим нарративам, которое на определенном моменте как для Баку, так и для Еревана превратилось в «карабахизацию истории» [19, с. 130], накладывается еще и на попытку построить вокруг Шуши образ тюркского города или даже центра тюркского мира. При этом данная позиция была немедленно

Вид на надпись с названием города на азербайджанском языке при въезде в Шушу (Шуши)

поддержана руководством Тюркского Совета: в заявлении Б.К. Амреева, генерального секретаря ССТГ/ОТГ в 2018–2022 гг., в отношении Шуши также звучит сравнение с «древней колыбелью» [35]. В последние годы противостояние на историческом поле, к сожалению, практически не прекращается, однако многие привыкли исчислять его лишь армяно-азербайджанским измерением. Стремление же сплотить тюркские государства вокруг Шуши хоть и несколько противоречит заявлениям турецкого лидера, ранее указывавшего на Центральную Азию как на истинную колыбель тюркской цивилизации [36, р. 17], но все же может быть расценено в качестве характерного политического приема.

В данном случае уместно задуматься о том, насколько фактор антагонизма на Южном Кавказе влияет на выстраивание тюркской идентичности. Конечно, не стоит пытаться свести всю ценностную повестку ССТГ/ОТГ и других тюркских структур лишь к поддержке Азербайджана в региональном конфликте, особенно с учетом того, что де-юре Казахстан и Киргизия являются союзниками Армении по Организации Договора о коллективной безопасности³ (ОДКБ) и Евразийскому экономическому

³ На момент весны 2025 г. Армения «заморозила» свое участие в ОДКБ, однако не вышла из организации.

союзу (ЕАЭС). Однако к такому приему Азербайджан и его тюркские партнеры прибегают не впервые.

Достаточно вспомнить то, что в 2009 г. само соглашение об образовании ССТГ было подписано именно в Нахичевани (Нахчыване), являющейся, по словам И.Г.Алиева, древней азербайджанской землей [36, р. 8]. Как известно, относительно исторической и культурной принадлежности этого города между азербайджанской и армянской сторонами также идут традиционные споры. В этом контексте показательным нам видится сам перенос политического противостояния на культурное поле, выходящее за рамки армяно-азербайджанских отношений, путем апеллирования к тюркской идентичности. В русле подобной политики следует рассматривать и решение И.Г.Алиева объявить Шушу культурной столицей Азербайджана, а также предложение генерального секретаря ССТГ/ОТГ Б.К.Амреева сделать город культурным центром тюркского мира в 2022 г.⁴ [7]. Российскими экспертами уже было замечено, что союз Анкары и Баку не в последнюю очередь строится на единении против общего врага в лице Еревана, однако активное вовлечение в эту парадигму других тюркских государств является относительно новым трендом [3, с. 106].

Дальнейший текст Шушинской декларации также убеждает в значимости антагонистического фактора. Лидеры Турции и Азербайджана подписались под словами о прекращении т. н. «армянской агрессии»: «Азербайджан выиграл 44-дневную Отечественную войну, положил конец 30-летней агрессивной политике Армении, освободил свои земли от оккупации, обеспечил торжество исторической справедливости...» [31]. Указания на несправедливый характер проводимой Арменией политики, помноженные на жесткий тон подобных заявлений, вызвали отторжение у ряда российских политиков: в частности, первый заместитель председателя Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ К.Ф.Затулин отметил, что декларация явным образом нацелена против Армении, несмотря на включенную в текст документа ремарку о том, что тандем не направлен против третьих стран [13].

Вне зависимости от того, является ли данный антагонистический фактор значимой компонентой в глазах тюркского руководства, заметим, что у тюркских народов есть культурное наследие, которое не оспаривается

---

⁴ *Культурной столицей тюркского мира в 2022 г. по итогу стал турецкий город Бурса, однако в марте 2023 г. на заседании Постоянного совета Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) Шуша была объявлена культурной столицей 2023 г.*

кем-либо, в связи с чем отсылки к нему звучат куда убедительнее. К примеру, не лишена особого шарма фраза Р.Т. Эрдогана о необходимости следовать ключевым принципам Тюркского Совета, к которым турецкий лидер в свое время отнес «терпимость Юнуса Эмре, искренность Низами Гянджеви, мудрость Чингиза Айтматова и советы Абая Кунанбаева» [36, р. 18]. Подобный культурно-ценностный базис смотрится куда гармоничнее и не вызывает вопросов, в отличие от выстраивания необходимого И.Г.Алиеву и Р.Т.Эрдогану образа вокруг древних городов Южного Кавказа.

По направлению к Турану: Шушинская декларация

Содержательно Шушинская декларация представляет собой обширный перечень сфер, в которых стороны готовы осуществлять более

тесное взаимодействие, а также мер, составляющих каркас текущего и будущего сотрудничества в каждой из упомянутых областей. Декларируемый выход на позиции стратегического союзничества подтверждается многообразием измерений, в которых Турция и Азербайджан готовы и дальше идти навстречу друг другу.

К ключевым сферам взаимодействия можно отнести политическое, оборонное и экономическое направления, конкретизации каждого из которых посвящено несколько положений декларации.

Политическая компонента во многом основывается на стремлении добиться региональной стабильности, предпосылкой чего тюркские лидеры считают победу тандема во второй карабахской войне. Основу политического сотрудничества образует общее видение таких важнейших принципов, как «независимость, суверенитет и территориальная целостность» Турции и Азербайджана [31]. Для этого союза подобные постулаты не являются пустыми словами: в 2021 г. вопрос территориальной целостности особенно остро стоял для Баку, рассматривавшего весь Нагорный Карабах в качестве азербайджанской территории и апеллировавшего для обоснования своей позиции к нормам международного публичного права. Риторика, прослеживаемая в декларации, идет в фарватере традиционных заявлений азербайджанского руководства, однако в условиях 2021 г. могла трактоваться и как желание довести начатое осенью 2020 г. до конца.

Показательно, что И.Г.Алиев с благодарностью отмечает поддержку Турции во время войны, указывая также на вовлеченность Анкары в работу Совместного мониторингового центра в Агдаме [Там же]. Кроме

того, это является единственным косвенным упоминанием российской стороны во всей декларации: дополнительное акцентирование роли России в урегулировании осеннего конфликта в двустороннем документе, вероятно, посчитали избыточным.

Важным политическим тезисом, который не расходился в первой половине 2020-х гг. с делом, является координация действий Азербайджана и Турции на международной арене: сами подписанты акцентировали внимание на том, что страны проводят независимую внешнюю политику, однако стремятся добиться единства политических линий на самых разных площадках, среди которых особый интерес представляют ССТГ/ОТГ и Организация исламского сотрудничества (ОИС) [Там же]. На наш взгляд, включение этих структур в один ряд с универсальной ООН демонстрирует значение, которое турецкие лидеры придают упомянутым институтам. Очевидно, что популярная формула «Один народ – два государства» преподносится не только внутренней, но и внешней аудитории: стороны фактически констатируют, что курс одной из турецких столиц следует рассматривать и как политическую линию второй.

Саммит Тюркского Совета в Стамбуле, ноябрь 2021 г.

Пожалуй, больше всего внимание экспертов привлекло положение о военно-политическом союзе между Турцией и Азербайджаном. Согласно документу, в случае угрозы либо агрессии третьей стороны про-

тив Анкары или Баку подписанты обязуются незамедлительно начать консультации с целью определения формы и размера помощи, которая будет оказана стороне, подвергшейся нападению. Формулировка данной нормы во многом напоминает ст. 4 Договора о коллективной безопасности 1992 г., вокруг которой де-факто строится обеспечение коллективной безопасности в рамках одноименной организации на постсоветском пространстве [12]. Однако, как и в случае с ОДКБ, принимать это положение на веру нужно аккуратно: несмотря на видимость жесткого постулата, документом не определен механизм запуска тех консультаций, результатом которых может быть вовлечение союзника пострадавшей стороны в военный конфликт. При этом даже в сравнении со ст. 4 Договора о коллективной безопасности соответствующее положение Шушинской декларации выглядит менее ультимативным.

Напомним, что нормы ОДКБ предусматривают расценивание агрессии против одного государства-члена в качестве агрессии против всех участников ОДКБ, о чем не сказано в рассматриваемом нами двустороннем соглашении, т.е. де-юре нападение на Турцию может не считаться агрессией против Азербайджана.

Сравнение же со ст. 5 Североатлантического договора 1949 г. является еще менее уместным: эта норма НАТО не содержит каких-либо сведений о необходимости запроса со стороны подвергшегося нападению государства-члена или запуске консультационного механизма – в рамках НАТО предусмотрен «автоматизм» ответа на любую агрессию [24].

Очевидно, турецко-азербайджанский военный союз лишен некоторых слабостей, характерных для той же ОДКБ. Географическая удаленность отдельных государств-членов друг от друга, фактическое существование трех «фронтов» ОДКБ (западный, кавказский и центральноазиатский) и наличие политических разногласий по частным вопросам делают один из ключевых постсоветских институтов если не колоссом на глиняных ногах, то, по крайней мере, структурой, добиться в которой реального принятия решения о вступлении всех государств-членов в военное положение достаточно непросто.

В то же время двустороннее турецко-азербайджанское взаимодействие, построенное на общности или близости многих декларируемых целей, может быть куда более гибким, что, впрочем, не отменяет необходимости четкой детализации процедуры запуска описанного нами механизма. При этом стоит акцентировать внимание на том, что прописанный в Шушинской декларации военный союз Турции и Азербайджа-

на строится не только на отражении агрессии, но и на защите от неких «угроз», список которых также не конкретизирован [31].

Развитию сотрудничества в военно-политической и оборонной сферах посвящены и другие части документа. В частности, стороны договорились о проведении «регулярных совместных заседаний по вопросам национальной безопасности», а также продолжении работы в военно-технической области, результатом которой Турция и Азербайджан видят «перестройку и модернизацию вооруженных сил двух братских стран» [Там же]. Дополнительного упоминания удостоилась деятельность сторон по расчистке ныне контролируемых Азербайджаном заминированных территорий Нагорного Карабаха.

Эмблема учений
«Анатолийский феникс» 2022 г.

Союзные столицы не забыли остановиться на важности военно-технического развития и приоритетности работы над соответствующими технологиями. Кроме того, Анкара и Баку, для диалога которых характерно проведение совместных военных учений, отметили, что заинтересованы в организации подобных мероприятий совместно с «армиями других дружественных стран» [Там же]. Прошедшие в 2021 г. учения «Анатолийский феникс» [26] и «Анатолийский орел» [5] лишь подтверждают факт активного взаимодействия вооруженных

сил двух государств, а возможность привлечения к обмену опытом Пакистана, о которой было заявлено в июне 2021 г., соответствует заложенному в Шушинской декларации курсу [38].

С одной стороны, у России нет ни поводов обвинять южных партнеров в агрессивной политике лишь на основании интерпретации положений Шушинской декларации, ни желания вступать в полноценное противостояние с тандемом, обладающим серьезным потенциалом. Прслеживается определенное сходство со второй карабахской войной, когда у Москвы были мотивы поддержать Ереван, но не было причин вступать в конфронтацию с Баку. С другой – за более тесным сотрудничеством

тюркских столиц на момент 2021 г. могло скрываться и укрепление диалога Азербайджана с НАТО.

Ожидать вступления закавказской республики в Североатлантический альянс, конечно, не стоит, однако дальнейшее размещение военной базы государства-члена НАТО у Каспия вряд ли входит в российские планы. Весьма симптоматично, что министр обороны Азербайджана З.А.Гасанов часто выступает с заявлениями расширить сотрудничество с НАТО. При этом стоит оговориться, что излишний алармизм неуместен: все же с военным блоком во главе с США сотрудничают и такие союзники Москвы, как Астана (на момент 2021 г. – Нур-Султан) или Ереван. Однако, если еще недавно специалисты говорили о лавировании и маневрировании официального Баку, связанных с нежеланием Азербайджана выбирать между Россией и Турцией и терять политические дивиденды, то теперь политика балансирования находится под вопросом [3, с. 106].

Нашлось в декларации место и для изъявления желания скооперироваться для противостояния новым вызовам и угрозам. Стороны отдельно остановились на важности популярной сегодня кибербезопасности, оговорившись, что данное измерение требует совместных усилий в области разработки военно-технической продукции, а также сделали акцент на борьбе с международным терроризмом, отмыванием денег и наркоторговлей [31]. Особого внимания заслуживает ремарка про терроризм: текст декларации гласит, что Азербайджан полностью поддерживает антитеррористическую деятельность Турции, которая порой вызывает вопросы у мировых игроков. Вкупе с замечанием о недопустимости дестабилизации обстановки в Турции и стремлением защитить ее границы это может означать публичное одобрение действий Анкары в Сирии, по решению проблем в которой у России и Турции значительно различаются позиции.

Экономическая проблематика была рассмотрена президентами двух стран сразу с нескольких позиций. Прежде всего, стоит упомянуть об анонсированных «мерах по созданию механизмов для организации свободного движения товаров», т.е., по сути, о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) [Там же]. Отсутствие детализации практических аспектов заявленного решения, как и в случае с военно-политической компонентой, вероятно, говорит о том, что этот документ во многом стоит рассматривать в качестве основополагающего акта. Его принятие является лишь отправной точкой для подписания существенного коли-

чества различных межведомственных соглашений по сотрудничеству в ряде областей.

Несмотря на маловероятность реализации подобного сценария в ближайшем будущем, теоретически создание реально функционирующей ЗСТ между Турцией и Азербайджаном могло бы выступить в качестве образца для дальнейшего экстраполирования практического опыта на все тюркское пространство. Онлайн-саммит Тюркского Совета, прошедший в первой половине 2021 г., показал, что стороны заинтересованы в обсуждении экономической повестки, однако реальных результатов в этой области пока не так много [15].

Кроме того, сторонами была рассмотрена энергетическая составляющая: в частности, президенты остановились на Южном газовом коридоре. Данный проект, нацеленный на транспортировку энергоносителей в Европу, зачастую воспринимается в качестве альтернативы российским поставкам, однако в реальности пропускная способность Южного газового коридора не позволяла говорить о высоком уровне диверсификации. Вместе с тем дополнительным фактором, способствующим диверсификации, можно назвать то, что на Трансадриатический газопровод (TAP), являющийся частью Южного газового коридора, до сих пор не распространяются положения Третьего энергопакета ЕС, что подчеркивает заинтересованность Европы в проекте [11, с.81].

Карта проекта «Южный газовый коридор»

На сегодняшний день неизвестно, насколько жизнеспособен план Анкары и Баку проложить из Нагорного Карабаха в Нахичевань проходящий по территории Армении газопровод, который в дальнейшем может

заменить газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум либо выступить в роли дополнительного маршрута доставки. Тем не менее декларируемое Р.Т.Эрдоганом и И.Г.Алиевым желание установить т.н. «Зангезурский коридор» вполне может трансформироваться в реализацию энергетических проектов на обозначенных территориях.

В рамках Шушинской декларации государственные лидеры подчеркнули, что открытие т.н. «Зангезурского коридора» и строительство железной дороги Нахичевань–Карс «внесут важный вклад в дело интенсификации транспорта и сообщения между двумя странами» [31]. Как можно заметить, армянский Сюник⁵ занимает важное место в планах двух политических деятелей, причем начинать очередной военный конфликт с Арменией ради территории, разделяющей контролируемый Баку Нагорный Карабах и Нахичеванскую (Нахчыванскую) Автономную Республику, необязательно.

Вне зависимости от занимаемой по данному вопросу позиции, руководство Республики Армения вынуждено публично придерживаться положений трехстороннего заявления от 10 ноября [14]. Этим документом предусмотрена работа по разблокировке всех экономических и транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном: таким образом Баку и Анкара, отстаивая необходимость исполнения указанного положения, вполне могут добиться получения необходимой транспортной артерии.

Стоит добавить, что в экономической и энергетической сферах сторонами декларируется возможность получения выгоды от проекта всеми государствами Южного Кавказа, т.е. противопоставления интересов тандема национальным приоритетам Еревана в тексте декларации не прослеживается. Подобная риторика не в последнюю очередь объясняется пониманием того, насколько сильна в армянском обществе поляризация по вопросам Сюника и т.н. «Зангезурского коридора»: политик, открыто поддерживающий подобные планы, рискует если не навсегда, то надолго получить клеймо предателя.

Кроме того, подчеркнем, что экономическое восстановление Южного Кавказа традиционно рассматривается еще и как способ закрепить политический мир в регионе: ни одна из сторон не будет заинтересована в начале открытого военного конфликта в случае получения значи-

---

⁵ Сюник – исторический регион на юго-востоке Армении, на территории которого расположена Сюникская область (Сюникский марз) Республики Армения. На современном этапе особая значимость Сюника связана с тем, что регион разделяет Нахичеванскую Автономную Республику и Нагорный Карабах.

тельных дивидендов от инфраструктурных проектов или торговой деятельности. Тем не менее даже это не способно перечеркнуть те риски, которые неизбежно возникают при «возрождении» открытого Южного Кавказа, по поводу чего, на наш взгляд, верно высказался английский исследователь Л.Броерс [4].

В декларации можно уловить и дух ковидной либо постковидной эпохи. Здравоохранение, ранее всегда терявшееся на фоне политики и экономики, привлекает внимание исследователей в качестве еще одного измерения, где стороны планируют проводить скоординированный курс. Возможность сопряжения спортивной и образовательной сфер во многом меркнет перед новой реальностью, в которой качественное здравоохранение является показателем того, насколько успешно государство способно отвечать на вызовы нового типа.

В этом контексте уместно вспомнить о разработанной турецкими учеными вакцине «Turkovac», в 2021 г. находившейся на третьей фазе испытаний [39]. Собственная вакцина – это не просто элемент обеспечения национальной безопасности, но еще и действенный инструмент т.н. «вакциной дипломатии». Возможно, турецкая вакцина со временем начнет поставляться в государства Тюркского Совета, что приведет к еще большему сближению акторов.

Турецкая вакцина «Turkovac» с указанием на ее производство «Т.С. Sağlık Bakanlığı», т.е. Министерством здравоохранения Турции

Вместе с тем стоит помнить о том, что в рамках ЕАЭС, членами которого являются Казахстан и Киргизия, также ведется работа по унификации всех вакцинных вопросов и формированию общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий. Маловероятно, что в ближайшем будущем мы увидим на постсоветском пространстве «войну вакцин» между Москвой и Анкарой за влияние в Центральной Азии, однако при прогнозировании географии поставок турецкой вакцины фактор ЕАЭС стоит учесть уже сейчас.

Суммируя тезисы, мы можем заметить, что Шушинская декларация стала не просто рядовым заявлением о текущем сотрудничестве в той или иной области, но относительно всеобъемлющим документом, в рамках которого подписанты постарались охватить максимальное количество открытых для сотрудничества измерений. Концепция «Великого Турана» отчасти может быть реализована путем максимального вовлечения тюркоязычных государственных акторов в сотрудничество с Анкарой. Мы вполне допускаем, что диалог Турции и Азербайджана по своей сути является для Тюркского Совета модельным: в случае удачной реализации замыслов на двустороннем уровне Р.Т.Эрдоган будет стремиться к переносу успешного опыта на тюркское поле.

**«Тюркский ренессанс»
или «мягкая сила» Анкары**

Очевидно, турецкий и азербайджанский лидеры не могли проигнорировать и столь важную в современном мире «мягкую силу». Говоря о создании привлекательного образа стран на мировой арене и привлечении сочувствующей общественности на свою сторону, мы подразумеваем в первую очередь турецкие, а не азербайджанские или тюркские структуры и институты. Потенциал Анкары в данной сфере заметно выше, нежели у ее тюркоязычных союзников, однако в рамках Шушинской декларации границы между «мягкой силой» Турции и аналогичным инструментом Азербайджана довольно размыты.

Прежде всего стоит отметить сотрудничество между турецкой и азербайджанской диаспорами. По словам председателя Государственного комитета Азербайджана по работе с диаспорой Ф.Р.Мурадова, диаспора «и есть эта мягкая сила», которая сближает Анкару и Баку [30]. В этом случае ключом к пониманию подобной политики является упомянутое азербайджанским деятелем изречение И.Г.Алиева: «У одной нации не может быть двух диаспор».

Прежде всего стоит отметить сотрудничество между турецкой и азербайджанской диаспорами. По словам председателя Государственного комитета Азербайджана по работе с диаспорой Ф.Р.Мурадова, диаспора «и есть эта мягкая сила», которая сближает Анкару и Баку [30]. В этом случае ключом к пониманию подобной политики является упомянутое азербайджанским деятелем изречение И.Г.Алиева: «У одной нации не может быть двух диаспор».

Объединение усилий турецкого и азербайджанского лобби за рубежом выглядит весомым аргументом как с точки зрения реализации потенциала «мягкой силы» стран, так и с позиции выстраивания тюркской идентичности. Основополагающими элементами подобной политики являются проведение совместной информационно-разъяснительной работы, а также популяризация тюркской культуры по всему миру. Кроме того, в контексте рассмотренного нами ранее антагонистического фактора и с учетом событий осени 2020 г. можно предположить, что тюркско-азербайджанское освещение событий вокруг Нагорного Карабаха и южнокавказских реалий вообще может стать тем фактором, который способен убедить многих не вовлеченных в проблематику людей в справедливости и оправданности тюркского курса в регионе.

В инструментарии тандема можно найти и работу с политикой памяти. Р.Т.Эрдоган и И.Г.Алиев указали на необходимость сохранить «историческое и культурное наследие», по поводу принадлежности которого на Южном Кавказе всегда ведутся жаркие споры [31]. Однако более симптоматичным выглядит характерное для Турции и Азербайджана указание на позицию государств по геноциду армянского народа: избегая подобной формулировки, тюркские лидеры смогли найти взаимосвязь между дестабилизацией обстановки на Южном Кавказе и «необоснованными претензиями Армении к Турции, искажением истории и попытками политизации путем искажения исторических фактов» [Там же]. Не вдаваясь в детали дискуссии сторон относительно этой трагедии, заметим, что словесная эквилибристика двух президентов нужна для убеждения сомневающийся в правоте Анкары, что должно ударить по имиджу Еревана и, в меньшей степени, его союзников, а также для устрашения самих армянских властей.

В акцентированной в Шушинской декларации корреляции между «искажением истории» и проблемами на Южном Кавказе можно усмотреть прямой намек: если Ереван продолжит отстаивать свою «историческую правду», это может привести к очередному витку дестабилизации. На наш взгляд, вопрос, насколько читаемые в этом «намек» угрозы реализуемы, вторичен. Ключевым является само стремление добиться полного обеления образа Анкары при демонизации облика Еревана и демонстрации последнему того, что тюркский мир планирует одержать победу на всех полях сражений.

Заявляя в декларации о более тесном сотрудничестве между двумя странами в области публичной дипломатии, Р.Т.Эрдоган и И.Г.Алиев во многом прокладывают мостик еще и к укреплению соответствующих связей с тюркоязычными государствами Центральной Азии. В 2019 г.

экс-президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев, занимающий должность почетного председателя Тюркского Совета, заметил, что тюркская цивилизация переживает ренессанс [36, р. 6]. Не в последнюю очередь эти слова объясняются активным проецированием «мягкой силы» Анкары на Центральную Азию, вследствие чего создается впечатление повсеместной вовлеченности в совместные проекты и бурной работы по реализации общетюркских замыслов.

Исследователями было справедливо отмечено то, что «мягкая сила» Анкары стала довольно агрессивной: Турция уже фактически убеждает своих тюркоязычных союзников в том, что тюрки – это и есть турки [2, с. 117]. С одной стороны, подобный подход всецело способствует объединению усилий в области публичной дипломатии: общие ценностные установки, помноженные на этнолингвистическую близость, позволяют гораздо быстрее выработать устраивающий всех государств-членов ССТП/ОТГ курс. С другой – за подобной политикой Анкары может скрываться и размывание собственной идентичности стран Центральной Азии.

Как нам кажется, верно на причину действенности политической линии Анкары в регионе указал А. В. Грозин, заметивший, что постсоветская Азия во многом ищет альтернативу Москве, в лице которой она зачастую видит «колониальное прошлое» [8, с. 26]. В России могут считать, что подобное видение не имеет ничего общего с реальностью, однако уместно будет обратиться к одному показательному эпизоду последней четверти XIX в.: после присоединения большей части центральноазиатских территорий к Российской империи (Хивинское ханство, Кокандское ханство и Бухарский эмират) российские власти делили все местное население лишь на две категории – сначала на киргизов и сартов, а затем на оседлое и кочевое [29, с. 95].

В глазах российских властей идентичность местных народов долгое время сливалась в один плавильный котел, вследствие чего отдельные претензии представителей центральноазиатских республик если не обоснованы, то хотя бы понятны. Это не означает, что России нечего предложить постсоветской Азии на взаимовыгодной основе, однако это приводит к тому, что Москва вынуждена проявлять немалые тактичность и гибкость для продвижения своей повестки. В то же время Турция лишена ряда тех проблем, с которыми в Центральной Азии сталкивается Россия, в связи с чем ее исторические и культурные нарративы, как бы спорно они порой ни звучали, воспринимаются легче и быстрее российских.

В контексте «мягкой силы» и публичной дипломатии важно подчеркнуть и то, что одним из наиболее эффективных инструментов Анкары является

образовательная составляющая, которая, по словам А.В.Грозина, частично заменила советское образование [8, с.34]. Наиболее показательно в данном случае то, что в зону влияния турецкой образовательной системы попали даже не относящиеся к тюркоязычным народам таджики, что показывает успешность турецкой политики [Там же, с.35]. Заинтересованный в поддержке Москвы Душанбе, вынужденный всегда оглядываться на происходящее в соседнем Афганистане, частично попал в турецкую орбиту, даже не являясь государством-членом Тюркского Совета. Это должно стать еще одним «маркером» для Москвы: вакуум силы в постсоветской Азии наблюдается в самых разных измерениях, а чрезмерное проникновение третьих игроков в регион вряд ли отвечает интересам Кремля [22, с.188].

Можно заключить, что ранее произнесенная И.Г.Алиевым фраза «Сила Турции – это и наша сила» (“Turkey's power is our power”) теперь релевантна и в отношении «мягких» инструментов давления [37, р.19]. В зависимости от того, насколько сложно будет различить дипломатию Анкары от дипломатии Баку, можно будет понять, насколько подобный опыт переносим на общетюркское пространство. Как нам кажется, проведение просветительских мероприятий, посвященных культуре и идентичности, вполне может быть реализовано на уровне Тюркского Совета, ТЮРКСОЙ и других профильных организаций, в то время как государственные структуры могут сконцентрироваться на более традиционных подходах.

Новый сосед на южном фланге?

России стоит внимательнее присмотреться к происходящему на подступах к ее южной границе. Безусловно, как Азербайджан, так и Турция являются партнерами Кремля, о чем неоднократно повторяли президент России В.В.Путин и министр иностранных дел С.В.Лавров. Помимо сотрудничества в различных измерениях, связи Москвы с южными соседями отличаются еще и наличием особой «химии» в отношениях между государственными лидерами. И.Г.Алиева часто воспринимают в качестве не просто наследника позднесоветского функционера Г.А.Алиева, но и близкого российскому руководству своими ценностными установками деятеля. Р.Т.Эрдоган, в свою очередь, нередко рассматривается как антипод западной либеральной модели, что в глазах отдельных исследователей роднит его с российским президентом. Тем не менее активное сближение Анкары и Баку не может не вызывать подозрений Москвы. Еще во время второй карабахской войны С.М.Маркедонов отмечал: «Если на Кавказе Турция усилится до каких-то значимых величин, Запад будет

делать все для того, чтобы минимизировать ее влияние и подключиться более активно. Поэтому задача России минимизировать турецкое влияние, потому что за турецким придет западное, и не в пользу России» [23].

Европейские специалисты отметили важную деталь: бурная деятельность Турции четко прослеживается даже в тех странах, патроном которых себя позиционирует Москва [34, р.31]. В качестве примера исследователями приводится анализ взаимодействия Анкары с абхазскими деловыми кругами, результатом чего является расширение торгового сотрудничества с Сухумом (Сухуми). После событий 2008 г. Абхазия традиционно рассматривается в качестве зоны влияния Москвы, однако препятствием для Турции это, судя по всему, не является. Ситуация же со странами Центральной Азии у Кремля должна вызывать еще большую настороженность.

Внешнеполитические действия Турции отчасти воспринимаются и в контексте стратегии недопущения очередного потепления отношений Запада и Анкары. Можно вспомнить, как перед второй карабахской войной звучали разговоры о том, что отношения Р.Т. Эрдогана с западными лидерами окончательно испортились.

Последние месяцы перед военным конфликтом были отмечены как ужесточением риторики Анкары и Афин [27], так и столкновением позиций президентов Турции и Франции по ситуации, сложившейся у берегов Ливии [20]. В Европе стремительно росла обеспокоенность действиями турецкого руководства на фоне того, как быстро Анкара продуцировала новую напряженность [32]. При этом кардинального дрейфа турецкого курса в сторону Москвы это не вызвало, в связи с чем надежды подобного характера, по мнению автора, выглядят неоправданными.

Более того, отношения Турции с Западом на протяжении последних пятнадцати лет во многом представляют собой бесконечные «качели» от демонстративного братания союзников по Североатлантическому альянсу до оперирования утрированно жесткой риторикой и обещаниями едва ли не разорвать партнерские узы. В свое время Ф.А. Лукьянов, рассуждавший о возможности преобразования «стратегической глубины» А.Давутоглу в «стратегическую бездну», указал на то, что, даже отвернувшись от Запада в попытке обратить свой взор на Восток, Турция, тем не менее, вспомнила о своих союзниках по НАТО, как только обстановка для Анкары значительно усложнилась [17]. Это указывает на то, что и сейчас не следует лелеять сомнительную надежду, якобы Р.Т. Эрдоган полностью откажется от диалога с Европой и США.

Вероятно, Москве стоит принять за факт поступательное усиление тандема Анкары и Баку, выстраивая партнерские отношения со всеми

южными соседями. Отчасти в этом же контексте можно рассматривать стратегию балансирования России между Арменией и Азербайджаном, несмотря на наблюдающиеся и в 2024–2025 гг. кризисные ситуации в отношениях между российской и южнокавказскими столицами.

Демонстративная дружба с Ереваном, как считают российские политики, может лишь оттолкнуть стратегических партнеров от России. У некоторых сложилось ощущение, что Москва смирится с потерей ключевого значения на Южном Кавказе при том условии, что она получит фору на других направлениях [34, р.32], что ныне приобрело особое значение на фоне проведения специальной военной операции (СВО) на Украине. В контексте Шушинской декларации также следует задуматься над тем, как не допустить ослабления российского влияния в Центральной Азии, государства которой все прочнее вращаются в турецкую орбиту. Однако это требует четкой стратегии поведения в регионе, которой у Кремля пока не наблюдается.

Российская политика в Центральной Азии базируется на двух столпах – на экономическом и оборонном либо военном сотрудничестве. Однако оба столпа подвержены серьезным колебаниям. Экономически Центральная Азия интересна и Китаю, занятого реализацией проекта «Один пояс – один путь», и Турции, которой, как считают европейские специалисты, легче добиться «состыковки» своих планов с китайскими, нежели России [Там же, р.37]. Оборонное же измерение вызывает двойные чувства: безопасность Центральной Азии, о чем нами упоминалось ранее, во многом обеспечивается Москвой, однако региональные игроки стремятся диверсифицировать свои связи в том, что касается закупок вооружения и военно-технического сотрудничества.

В начале 2020-х гг. участились визиты в Центральную Азию занимавшего на тот момент пост министра обороны Турции Х.Акара, результатом чего можно считать интенсификацию военных связей между Анкарой и местными столицами. В частности, стоит упомянуть как крепнувший союз с Астаной [16], так и активный диалог с Ташкентом [28]. Москве следует провести «красные линии», чтобы ее партнеры понимали, какую грань каждая из держав переходить в регионе не должна. Либо же признать, что отсутствие интересной для местного населения ценностной повестки значительно ослабляет ее позиции, и начать разрабатывать соответствующую стратегию.

Подводя итоги, заметим, что Шушинская декларация стала еще одним шагом Турции и Азербайджана навстречу друг другу. Стороны активно расширяют предметное поле сотрудничества, вследствие чего на Южном Кавказе продолжает укрепляться потенциал тюркского тандема.

Россия не может оставить без внимания ни направленность подобной политики против третьих стран, что ныне опровергается тюркскими лидерами, ни теоретическую интенсификацию военных связей с НАТО, чреватую появлением военной инфраструктуры альянса на Каспии. Не стоит забывать и о возможности дальнейшего привлечения государств-членов Тюркского Совета к сотрудничеству в областях, обозначенных в Шушинской декларации. В противном случае Москва рискует столкнуться с появлением «единого» соседа не только на Южном Кавказе, но и на всем южном фронтире.

Библиографический список

1. Аватков В.А. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020 г. // Свободная мысль. 2021. №1. С. 81–90.
2. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. №4. С. 113–129.
3. Аватков В.А. Специфика геополитики Азербайджанской Республики // Постсоветские исследования. 2021. Т.4. №2. С. 104–108.
4. Броерс Л. Заложники вражды: региональные связи после Второй карабахской войны // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 12.07.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zalozhniki-vrazhdy/> (дата обращения: 03.03.2025)
5. Военные пилоты BBC AR уничтожили наземные цели противника // Sputnik Азербайджан. 01.07.2021. URL: <https://az.sputniknews.ru/world/20210701/427351007/Piloty-VVS-AR-unichtozhili-PVO-uslovnogo-protivnika-v-Turtsii.html> (дата обращения: 03.03.2025).
6. В Русском доме в Баку рассказали о приостановке деятельности // РИА Новости. 11.02.2025. URL: <https://ria.ru/20250211/baku-1998623849.html> (дата обращения: 13.03.2025).
7. Город Шуша предложили объявить культурной столицей тюркского мира // РИА Новости. 19.01.2021. URL: <https://ria.ru/20210119/shusha-1593699341.html> (дата обращения: 03.03.2025).
8. Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты и перспективы // Постсоветский материк. 2021. №2(30). С. 25–48.
9. Гузаеров Р.И. Военно-техническое сотрудничество Турции и Азербайджана: дорога к интеграции? // Россия и новые государства Евразии. 2023. №3(60). С. 55–67.
10. Гузаеров Р.И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг. // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. №8. С. 860–870.
11. Давтян В.С. Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении: Монография / В.С. Давтян. Ереван: Изд-во ЕГЛУ, 2019. 389 с.

12. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасnosti/ (дата обращения: 03.03.2025).
13. Затулин: «Шушинская декларация» явным образом направлена против Армении // News.am. 24.06.2021. URL: <https://news.am/rus/news/650749.html> (дата обращения: 03.03.2025).
14. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. 10.11.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 03.03.2025).
15. Исаев А. Еще один саммит Тюркского совета – итоги // Международная жизнь. 02.04.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29615> (дата обращения: 03.03.2025).
16. Казахстан и Турция подписали план военного сотрудничества // Forbes. 05.05.2021. URL: https://forbes.kz/news/2021/05/05/newsid_249234 (дата обращения: 03.03.2025).
17. Лукьянов Ф.А. Стратегическая бездна // Россия в глобальной политике. 18.10.2012. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-bezdna/> (дата обращения: 03.03.2025).
18. Мамедова В.Я. Историческое значение Шушинской декларации как документа мира, дружбы и взаимопомощи // Право и практика. 2022. №2. С. 215–219.
19. Маркедонов С.М. Тридцать лет урегулирования нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т.1. №2. С. 129–138.
20. НАТО подтвердила инцидент между фрегатами Франции и Турции у берегов Ливии // ТАСС. 18.06.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8762947> (дата обращения: 03.03.2025).
21. Пашинян заявил, что вступление в ЕС соответствует политике кабмина Армении // РИА Новости. 12.02.2025. URL: <https://ria.ru/20250212/armenija-1998920900.html> (дата обращения: 03.03.2025).
22. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Коллективная монография / Отв. ред. Э.Г.Соловьев, Г.И.Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 276 с.
23. «России следует в позиции по Нагорному Карабаху добавить стали в голос» // International Studies. 03.10.2020. URL: <https://internationalstudies.ru/rossii-sleduet-v-pozitsii-rogor-nagornomu-karabahu-dobavit-stali-v-golos/> (дата обращения: 03.03.2025).
24. Североатлантический договор от 4 апреля 1949 года // Официальный сайт Организации Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 03.03.2025).
25. Трагедии с самолетом в Актау можно было избежать, заявил Алиев // РИА Новости. 06.01.2025. URL: <https://ria.ru/20250106/samolet-1992658498.html> (дата обращения: 03.03.2025).

26. Турция запустит «Анатолийского феникса»: с азербайджанцами, но без грузин // Eurasia Daily. 24.05.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/05/24/turciya-zapustit-anatoliyskogo-feniksa-s-azerbaydzhancami-no-bez-gruzin> (дата обращения: 03.03.2025).

27. Турция и Греция на пороге полномасштабной войны в Эгейском море // ИноСМИ. 01.09.2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200901/248035325.html> (дата обращения: 03.03.2025).

28. Узбекистан и Турция подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве // Kun. 28.10.2020. URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/10/28/uzbekistan-i-tursiya-podpisali-soglasheniye-o-voenno-texnicheskom-sotrudnichestve> (дата обращения: 03.03.2025).

29. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с., ил.

30. Шушинская декларация заложила важные правовые основы для совместной работы азербайджанской и турецкой диаспор – Фуад Мурадов (интервью). // Trend. 19.06.2021. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3442486.html> (дата обращения: 03.03.2025).

31. Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 16.06.2021. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122> (дата обращения: 03.03.2025).

32. Эрдоган – против всех. Турция ставит геополитический эксперимент // РИА Новости. 07.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201007/turtsiya-1578489851.html> (дата обращения: 03.03.2025).

33. Minasyan N. Pan-Turkism Manifestations of Turkey-Azerbaijan Military-Political Cooperation // Scientific Artsakh. 2021. №4(11). P.44–53.

34. Secieru S., Sinikukka S., Bechev D. Fire and Ice. The Russian-Turkish Partnership. European Union Institute for Security Studies (EUISS., 2021). Chaillot Paper №168. June 2021. 66 p.

35. Statement of the Secretary General of the Turkic Council // The official website of the Organization of Turkic States. 16.06.2021. URL: <https://turkicstates.org/en/news/statement-of-the-secretary-general-of-the-turkic-council-2> (дата обращения: 03.03.2025).

36. Turkic Council. 10th Anniversary of the Nakhchivan Agreement. Baku, 2019. 134 p. 25th Anniversary of Independence of Azerbaijan, Kazakhstan and Kyrgyzstan and Turkey's Contribution to Development and Cooperation in Turkic Region // Center for Strategic Research. The Ministry of Foreign Affairs of Turkey, 2017. 102 p.

37. İlham Əliyev Pakistanın Quru Qoşunlarının komandanını qəbul edib // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 21.06.2021. URL: <https://president.az/articles/52196> (дата обращения: 03.03.2025).

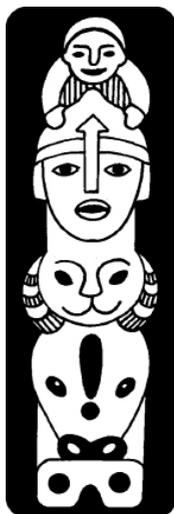
38. Yerli Kovid-19 aşısını adı 'TURKOVAC' oldu // Anadolu. 22.06.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/koronavirus/yerli-kovid-19-asisinin-adi-turkovac-oldu/2281817> (дата обращения: 03.03.2025).

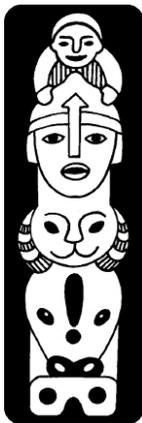
Судьба все устраивает
к выгоде тех, кому она
покровительствует.

Франсуа де Ларошфуко

Какое бы высокое положение ни занимал честолюбец, он желает подняться еще выше.

Пьер Буаст

ЦАРЕВНА СОФЬЯ И ЕЕ ФАВОРИТЫ

УДК
94 (47) 08

Царевна Софья Алексеевна (1657–1704) правила Россией семь лет (1682–1689). Современник уверял, что «никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было»: страна обогатилась, просветилась науками и украсилась правосудием. Царевна опиралась на реформы просвещенного брата Федора, которые шли тоже семь лет (1676–1682). Но между их правлениями пролегло мощное восстание стрельцов и солдат в Москве с весны до осени 1682 г., едва не сокрушившее дворянское государство. В его ходе бунт сторонников старой веры чуть не снес официальную Церковь. Казалось чудом, что царевна смогла все это одолеть и вернуть державу к мирной жизни. Она защитила экономику и развила русскую торговлю, навечно отобрала у поляков Киев, а у Константинополя – православную Церковь Малой Руси, Польши и Литвы.

Tsarevna Sophia Alekseevna (1657–1704) ruled Russia for seven years (1682–1689). A contemporary assured that "there had never been such a wise rule in the Russian state": the country was enriched, enlightened with sciences and decorated with justice. The tsarevna relied on the reforms of her enlightened brother Fyodor, which went also seven years (1676–1682). But between their reigns lay a powerful uprising of Streltsy and soldiers in Moscow from the spring to the autumn of 1682, which almost crushed the noble state. In the course of it, a revolt of supporters of the old faith nearly brought down the official Church. It seemed a miracle that the tsarevna was able to overcome all this and return the state to peaceful life. She protected the economy and developed Russian trade, forever took away Kiev from the Poles, and from Constantinople – the Orthodox Church of Little Russia, Poland and Lithuania.

Ключевые слова: Фаворитизм; царевна Софья; Василий Голицын; Федор Шакловитый; Борис Куракин; Сильвестр Медведев.

Key words: Favoritism; Princess Sophia; Vasily Golitsyn; Fyodor Shaklovity; Boris Kurakin Sylvester Medvedev.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

Фавориты и фаворитки

Фавориты правительниц отличаются от фавориток содержательностью. Дам привлекала в мужчинах сила характера, ум и яркие способности,

а не красивые ножки. Хотя и последние могли играть роль, например, в отношениях стареющей, укрепившей государство и решившей отдохнуть Екатериной Великой с графом Дмитриевым-Мамоновым. И наоборот, мудрая мадам де Ментенон, не блиставшая ни ножками, ни бюстом, стала на излете жизни опорой побиваемому всюду Людовику XIV, а маркиза де Помпадур два десятилетия поддерживала на плаву политику Людовика XV. Исключения были и будут, но факт, что женщины, как правило, выбирали фаворитов, полезных для управления государством, а не только для облегчения его казны.

На Руси единственной правящей дамой, не имевшей сердечного друга, была княгиня Ольга. Видные мужи того времени, когда она формировала территорию Руси, устанавливала законы и налоги, строила пути сообщения и создавала армию¹, Свенельд и Асмунд, были воспитателями ее сына Святослава и скорее соперниками, чем друзьями княгини. Но это была Ольга, строительница Русского государства, признанная в Романской и Германской империях, святая равноапостольная, ставшая в ряд с императрицей Ириной, крестительницей империи, матерью Константина Великого.

До появления самостоятельно правящей великой княгини прошли века. Разумеется, Ярослав Мудрый не просветил бы Русь и не облагодетельствовал светом культуры страны Западной Европы, не поддерживай его твердостоятельная жена Ингигерда Олафовна. А Иван III не стал бы Великим, если бы, согласно *официальному* летописному своду, его не заставила сбросить ордынское иго София Фоминична Палеолог, которая построила все, что мы видим на Соборной площади Кремля, включая сам Кремль.

Стати Ингигерды нам неизвестны, зато мы точно знаем, что Софья Фоминична и ее властная невестка Елена Глинская были дамами высокими, сильными и громогласными достаточно, чтобы вразумлять при необходимости Ивана III и Василия III. Но одно дело – справляться с мужем, совсем другое – с буйными боярами, с которыми Василий, скончавшись, оставил супругу один на один. Тут великой княгине Елене и понадобился милый друг, богатырь Иван Федорович Телепнев-Оболенский по прозвищу Овчина, – герой, который на вершине карьеры командовал Передовым полком и лично крушил врага, а не шествовал степенно во главе Большого полка. Ума Елене Глинской, которая обла-

---

¹ *Всех этих признаков государства при «князьях-разбойниках» до Ольги не было [9].*

годетельствовала Русь единой монетой, хватало; ей нужна была сила и верность, которыми Овчина обладал в избытке.

Для историков, которых впечатлял буйный и веселый XVIII в., было логично поставить в ряд с великими императрицами Анной Иоанновной, Елизаветой Петровной и Екатериной Алексеевной царевну Софью Алексеевну как их предшественницу. Не может женщина править сама, считали историки, это же очевидно! Чтобы руководить мужчиной и доверять ему, дама обязана делить с ним постель. Этот вековечный постулат был низвергнут советским XX веком. Но не для всех, потому что повторять исторические легенды проще, чем проверять их.

Парсуна царевны Софьи Алексеевны на груди двуглавого орла.
Неизвестный художник. 1700 г. ГИМ, копия в Эрмитаже

Историографическая легенда

Наполняющие историческую литературу рассказы о фаворитах царевны Софьи: боярине князе В.В.Голицыне и окольничем

Ф.Л.Шакловитом, – классическая легенда. Современники при власти Софьи Алексеевны и после свержения и заточения царевны о ее интим-

ных отношениях с кем бы то ни было не упоминают. Когда лондонский профессор Линдси Хьюз писала самое подробное на сегодняшний день исследование жизни Софьи Алексеевны, она смогла дать лишь одну ссылку на источник о близких отношениях царевны с Голицыным: это были «Любопытные и новые известия о Московии», впервые изданные в Париже в 1698 г. [57, с. 76]. Их автор, французский авантюрист Фуа де ла Невилль, загадочен настолько, что есть сомнения в его существовании [34, с. 72–242]. Но главное, что этот фантастический трактат сообщает об интимной жизни царевны такие басни². Хьюз это знала, поскольку сама издала его английский перевод. Только ей было не на что сослаться для подкрепления легенды о фаворитах царевны, отсутствующей в русских или сколь-нибудь достоверных сочинениях XVII в.

Красочный рассказ о фаворитах царевны Софьи существует, но относится к другой эпохе. Он принадлежит перу русского дипломата князя Бориса Ивановича Куракина (1676–1727). Его «Гистория о царевне Софье и Петре» была написана в Гааге и Париже в 1723–1727 гг., в конце царствования Петра I, а скорее – после кончины императора [4, с. 43–332]. Князь, с одной стороны, был посвящен в слухи, ходившие в его юности среди русских аристократов, с другой, обрел в двадцатилетних зарубежных службах французский взгляд на изображение политических событий. Он не стеснялся домысливать, рисуя «живые картины» по обрывкам воспоминаний или своему толкованию формулировок в документах. Так, Куракин описал яркую сцену «розыска» о заговоре князей Хованских, о котором осенью 1682 г. объявляли грамоты правительства Софьи, со сценами допроса князей в застенке и их очных ставок со стрельцами, отталкиваясь от упоминания розыска в царской грамоте, сделанного как дань приличиям, хотя на деле розыска и в помине не было: схвачен-

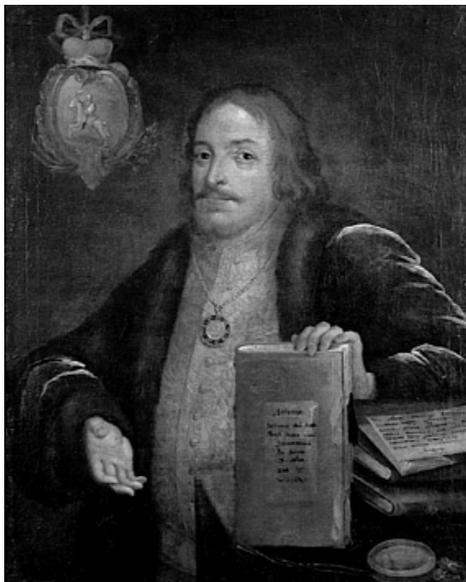
² *Якобы Софья покинула монастырь, куда заточают всех русских царевен, под предлогом ухода за умирающим братом Федором, и только затем «стать полной повелительницей государства» спасла ее от возвращения в монастырь. Для этого она устроила через заговор Хованского стрелецкий бунт. Сделав Голицына главой своей «партии», а затем канцлером, царевна уговорила его спровадить жену в монастырь, чтобы выйти за него замуж и убить двух царей. Но канцлер предложил лучше женить царя Ивана и дать его жене любовника, чтобы та родила царевича, что заставило бы Петра в отчаянии уйти в монастырь. Тогда-то, раскрыв эту любовную связь и вторично женив Ивана, который будет бездетным, за него можно было спокойно править и наследовать царство. Но на самом деле Голицын собирался сделать патриархом Сильвестра, «по рождению поляка», пережить царевну Софью и присоединить Россию «к римской церкви», чтобы «папа назначил его законного сына наследником престола вместо тех детей, которых он прижил с царевной» [34, с. 136–142, 200–207]. Здесь причудливо смешались с французской фантазией петровские слетни о Софье 1682 и 1689 гг. [4, с. 19–40].*

ным с боем обвиняемым зачли приговор на сельской площади и тут же казнили [4, с.28; 21].

Куракин объяснил тесное сотрудничество царевны с Голицыным и Шакловитым по-французски, смешав дела амурные с политическими. На взгляд современного нам читателя его рассказ вполне логичен. «Понеже царевна Софья Алексеевна была великаго ума и великий политик», она хотела укрепить свое регентство «вечно в правлении под именем своего брата, царя Иоанна Алексеевича», который царствовал с 1682 г. вместе с Петром. Для этого ей надо было женить Ивана и объявить наследниками престола его детей. Поэтому царевна женила брата на красавице Прасковье Федоровне Салтыковой, но, увы, «достигнуть пожеланного не могла». Она, видя, что у Ивана и Прасковьи только «дочери родятся, тогда начала план свой делать, чтоб ей самой корону получить и выйти б замуж за князя Василия Васильевича Голицына. О сем упомяну, – усомнился в этом слухе Куракин, – токмо как разглашение было народное, но в самом деле сомневаюсь, ежели такое намерение было справедливое. Правда ж, – продолжает князь, – подозрение взято в сем на нее, царевну Софью, от ея самых поступок» [4, с.292].

Этих поступков правительницы Куракин описал два. Первое, она стала демонстрировать свои права на власть: ходила в церковных и публичных процессиях вместе с братьями-царями, чеканила золотые монеты со своим портретом в короне, велела писать свое имя в царском титуле, давала аудиенции послам в Золотой палате [4, с.293]. Все это чистая правда, подтвержденная предметами, документами и записями современников: царевна после заключения Вечного мира 1686 г. официально была «соцарствующей» [48]. А «во-вторых, что прина(дле)жит до женитьбы с князем Василием Голицыным, то понимали все для того, что оный князь Голицын был ее весьма голант; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено» [4, с.294].

В галантности канцлеру Голицыну, по внешности, языку, манере держаться и домашней обстановке едва ли не первому вельможе Европы, было не отказать, не считая того, что его новейший роскошный дворец был семейным домом, а модные наряды заказывала и шила ему жена [5, с.180–184]. Но каким образом брак с канцлером и дворовым воеводой (главнокомандующим) Голицыным мог приблизить Софью к престолу при живых царях, или закрепить ее регентство, когда Петр Алексеевич повзрослеет, Куракин не поясняет. Для его повествования это не требовалось: целью было показать, что русские еще до правления Петра были вполне европейцами.

Парсуна канцлера (1682–1689) боярина князя Василия Васильевича Голицына.
Мастер Оружейной палаты. Около 1688 г. ГИМ

Поэтому вместо политических рассуждений в тексте «Гистории» появляются певчие: «По вступлении в правление царевна Софья для своих плезиров (удовольствий. – *А.Б.*) завела певчих из поляков, из черкас (украинцев. – *А.Б.*). Также и сестры ее по комнатам, как царевны: Екатерина, Марфа и другие. Между которыми певчими избирали своих голантов (возлюбленных. – *А.Б.*) и оных набогащали, которые явно от всех признаны были» [4, с.294].

Станицы (хоры) певчих, по «Домашнему быту» и «Материалам» И.Е.Забелина, держали во второй половине XVII в. цари, царицы, царевичи и царевны, соревнуясь в красоте их пения и одеяний [43; 44; 45]. Нет только сведений об экстраординарных пожалованиях, обогащении или признании кого-то из певчих, «поляков» и «черкас» в обществе, как случилось в XVIII в. с певчим казаком Алексеем Разумовским, фаворитом Елизаветы Петровны, графом и фельдмаршалом, или поляком Станиславом Понятовским, получившим от Екатерины II корону за приватные утехи ее юности. Хотя обращение царевен к личным услугам людей не высшего общества, своего рода кучерам, во все времена было понятно: особенностью XVIII в. стало признание таких связей.

За певчими, по Куракину, последовал Шакловитый, вытеснивший из постели Софьи поляков, черкас и самого Голицына: «Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Шакловитый весьма в амуре при царевне Софьи пропитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софьи еще продолжалось, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах бы был помянутой Шакловитый» [4, с. 294].

Историки в большинстве не помнили, откуда пришла на страницы их трудов версия о «галантах» царевны Софьи, но это не отменяет свидетельства Куракина об их наличии. Отвергать не поддающиеся проверке свидетельства трудно, хотя и сегодня мы знакомы с ложными «фактами», озвученными с трибун и распространенными авторитетными изданиями.

Для оценки заявлений князя Бориса Ивановича следует лишь знать политический контекст. Идея брака Софьи с Голицыным не работает в принципе, поскольку царевны дома Романовых в XVII в. не выходили замуж за подданных, а последние проблески мысли о браке царевны с иноземным государем, которую выдвинул еще Борис Годунов, относятся к 1630-м гг. Нарушение традиции не было путем к упрочению положения Софьи: никто из представителей 17-ти (не исключая Голицыных) аристократических родов России такого бы не одобрил. В.В. Голицын был в 1682–1689 гг. первым в Боярской думе по своим должностям, но не по знатности и влиянию рода. Брак с ним низвел бы Софью до уровня Голицыных, а не укреплял ее положение мудрой представительницы царской семьи, говорящей от имени двух царей. Эта русская очевидность была отброшена Куракиным, мыслящим в этом случае даже не по-французски (и в Париже такой номер не прошел бы), а в духе его английского современника Джонатана Свифта, чьи «Путешествия Гулливера» вышли в Лондоне в 1726 г., когда князь дописывал свою «Гисторию» в Париже.

Куракин благоразумно не приводит дат, потому что они ослабляют его схему. Первая красавица двора царица Прасковья, вышедшая замуж за Ивана Алексеевича 9 января 1684 г., к моменту свержения Софьи в августе 1689 г. имела только одну дочь, Марию Ивановну. Что у царственной семьи будут рождаться только дочери (числом пять) знал постфактум Куракин, но не могла предполагать царевна Софья. Победа

Шакловитого над Голицыным «в тех плезирах ночных», приуроченная к отбытию князя в Крымский поход, может быть отнесена только к первому из Крымских походов, 1687 г.: почти сразу после второго, 1689 г., Шакловитый был казнен, а Голицын сослан, и ни у кого из них уже не было времени с Софьей «профитовать». Но именно в финале первого Крымского похода Шакловитый прискакал на лихом коне в лагерь Голицына, чтобы низвергнуть гетмана Самойловича, обвинить его в неудаче кампании и спасти репутацию князя как главнокомандующего³.

Почему царевне так уж требовался для пути к трону Голицын, когда в ее правительстве были более знатные и влиятельные кланы аристократов, те же князья Одоевские: Рюриковичи от славных князей Черниговских, а не Гедиминовичи, как Голицыны?⁴ Отчего она вдруг отказалась делить постель с женатым аристократом, предпочтя ему худородного, хотя и холостого дворянина Шакловитого, не имевшего вообще никакого влияния среди знати Боярской думы?! Имел ли значение тот факт, что Голицын на протяжении регентства Софьи был счастлив в браке с боярыней Евдокией Ивановной Стрешневой и имел с ней взрослого сына Алексея (род. 1665), бывшего с самого прихода канцлера к власти его помощником (а заодно спальником, с 1686 г. комнатным стольником соперника Софьи царя Петра [46, с. 192]), не считая двух дочерей и еще трех сыновей, младший из которых родился в 1689 г. [42, с. 121]?

Понятно, что в контексте домислов Куракина все это мелочи, раз он решил показать в «Гистории» вольность нравов царского двора, не уступающую разгулу регентства во Франции (1715–1723), по окончании которого князь взялся за перо. Борис Иванович и сам, если верить его автобиографии, в этой вольности сразу после свержения Софьи поучаствовал. Этот толстый, неповоротливый, болезненный юноша, по его словам, целый год тайно жил как «муж с женой» с 13-летней боярыней Ксенией Федоровной Лопухиной, родной сестрой царицы Прасковьи, жены Петра I, пока перед Масленицей 1691 г. не была объявлена их помолвка, а после Петрова дня не состоялась свадьба с участием Петра, князей Одоевских, Долгоруковых, Голицыных, Прозоровского и Черкасского, бояр Пушкина, Салтыкова и др. Куракину при венчании было 16, Анне – 14 лет. Правда, писал все это князь в автобиографии за границей с 1705 г., а закончил после 1709 г., отметившись уже и в Венеции как предтеча Казановы [2, с. 241–287].

³ Миссия Шакловитого 1687 г.: РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Кн. 78. Ч. VI; св. 1687 г. № 2; ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 703. Св. 3.

⁴ Состав и динамика правительств 1682 г. изучены С. К. Богоявленским [38].

Амурные приключения этого русского француза, возглавлявшего из Парижа петровскую дипломатию в Западной Европе (1722–1727), не поддаются проверке за годы правления суровой матери Петра I, царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной (1689–1694), точно так же, как его рассказы о «плезирах ночных» царевны Софьи Алексеевны. Однако, оттолкнувшись от сообщений князя Куракина, мы можем решить существенный вопрос: помогают ли домьслы об амурных связях правительницы России с ее министрами иностранных дел Голицыным и внутренних дел Шакловитым (переводя их функции на современный язык) разобраться в карьере и мотивации видных политических деятелей регентства Софьи, а заодно и в том, как на самом деле была устроена государственная «кухня» предпетровской России? Не менее важен, если не первичен, вопрос о личных свойствах Софьи Алексеевны, ответ на который подскажет нам, какие черты характера сделали девушку, не имеющую никаких формальных прав на власть, великой правительницей и насколько эти свойства необычны для России.

Поставив этот вопрос, мы ничем не рискуем. При любом его решении мы узнаем о выдающихся людях России, ее проблемах и государственной власти больше, чем знали прежде. И знание это будет отличаться от представлений о нашей стране накануне реформ Петра I, сформированных в пропетровской исторической литературе, рассказывающей, что все хорошее вообще, и вручение власти по заслугам в частности, началось с реформ Преобразователя.

Куракин к такому объективному взгляду в «Гистории» и призывает, рассказав, как «правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножились коммерция и всякия ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польского – и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах. И торжествовала тогда довольность народная» [34, с.295].

Зато после свержения царевны, когда князь удачно женился и был в фаворе, началось правление «весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которое доныне продолжается с умножением, и вывезть сию язву трудно» [34,

с. 309–310]. – Сильное заявление от видного «петровца», разделяемое, впрочем, и А. Д. Меншиковым, озвучившим на заседании Верховного тайного совета свое мнение о масштабах разорения России, приведенной грабежом властей «в непоправляемое бедствие» [37, с. 468].

Политику царевны Софьи мы уже рассматривали [34, с. 10–71], равно как государственную, дипломатическую и общественную деятельность князя В. В. Голицына [5; 13] и творческие затеи Ф. Л. Шакловитого [18; 8]. А вот о *характерах* главных действующих лиц регентства и их мотивах стоит рассказать особо, начав, разумеется, с дамы, вокруг которой и по воле которой все происходило.

Премудрая царевна

Царевна Софья Алексеевна (1657–1704) стоит в историческом сознании особняком от представительниц знати Российского царства

как девушка свободолюбивая. Правда, не она вывела русских царевен из «теремного заточения», как полагали авторы XIX в. Выдающийся историк Москвы и дворцового быта Иван Егорович Забелин, исследовавший реальную жизнь женщин в царских палатах XVI и XVII вв., убедительно показал, что мотивированный приступ паранойи, заставивший царя Алексея Михайловича в 1648–1669 гг. спрятать тихую царицу Марию Ильиничну Милославскую и ее дочерей от всех, кроме узкого круга приближенных, запретив даже стольникам на них смотреть, лишь временно нарушил обычное течение жизни. После второй женитьбы, на Наталии Кирилловне Нарышкиной в 1671 г., у государя этот психоз начисто прошел. Вместе с молодой царицей, царевны получили такую же свободу (лишь по нашим меркам относительную), как девушки в других аристократических домах и царевны до первого брака их брата Алексея [44, с. 225–266]. Но что характер царевна Софья имела для своего круга нетипичный, мы можем заявить смело.

Возможно, Софья была лучше образована, чем ее тетки и сестры, хотя их обучение было весьма творческим [28, с. 255–291; 30], да и окружавшие их аристократки получали неплохое образование [50, с. 384–429, 534–581] и интересовались книжностью, причем весьма сложной [7]. То, что царевна училась у просветителя Симеона Полоцкого, преподававшего ее родным братьям Алексею и Федору, лишь предположение. О ее фактической образованности мы судим по косвенным фактам, например, по тому, что ей адресовали, подносили и посвящали ученые книги, написанные смесью церковнославянского языка с греческим, латынью

и польским [6, с. 162, 206, 238, 254]. Правда, сохранившиеся экземпляры ее книг (в основном в Петровском собрании Библиотеки Академии Наук) не имеют на страницах помет царевны. Но ведь и панегиристы, желавшие получить личное одобрение Софьи, посвящали ей сочинения со сложным символизмом, бессмысленным, если он не понимался адресатом [26; 33]. А в разгар Московского восстания 1682 г. Сильвестр Медведев давал ей советы таким хитрым эзоповым языком, понять который мог лишь человек с высоким для того времени образованием [25].

Не была закрыта для царевен и общественная деятельность. Достаточно вспомнить тетку Софьи, царевну Татьяну Михайловну, прославленную как меценат и строитель [28, с. 193–194; 29, с. 256–258]. Конечно, открыто править государством женщины на Руси не пытались со времен регентства Елены Глинской (1533–1538), совсем юной дамы, скончавшейся в 30 лет. Хотя, если внимательно посмотреть на показанную Забелиным роль «мамок» и «старых боярынь» (матерей взрослых сыновей), как в царском дворце, так и, добавлю, в домах знати⁵, могут возникнуть сомнения, кто реально управлял общественной жизнью. При этом и Софья, даже если имела намерение улучшить свое положение во дворце, никак не стремилась взять на себя государственную власть. Сказки о ее «заговоре» с дядей, боярином И. М. Милославским, для свержения Нарышкиных в мае 1682 г. – не более чем легенда [4].

Царевна, как создательница Русского государства княгиня Ольга и мать русской единой валюты Елена Глинская, была *вынуждена* взять власть, чтобы спасти семью. Разница в том, что у внезапно и страшно овдовевшей Ольги, как и у Елены, был сын, а у царевны – большой дом, в котором не только родственники, но многочисленные бояре и боярыни, окольные и думные дворяне, их дети, служившие с малолетства в стольниках, были настоящими членами семьи. В семье этой нередко случались ссоры, как у Милославских с Нарышкиными, родственниками первой и второй жен Алексея Михайловича. Но когда 15 мая 1682 г. в Кремлевский дворец ворвались стрельцы и солдаты, потрясая окровавленным оружием и безжалостно убивая всех, в ком увидели врага⁶, все царицы и царевны, забыв дрязги, бросились, обливаясь слезами, отмаливать царедворцев: не «своих», а всех, кого искали и хватали восставшие.

⁵ Во времена царевны Софьи показателен пример княгини Ирины Васильевны Трубецкой, урожденной княжны Голицыной, матери взрослых женатых сыновей, полновластно правившей их домом до своей кончины в 1690 г. [28, с. 38–39].

⁶ Убивали «изменников бояр и думных людей» как по заранее составленным спискам, так и всех, в ком видели неприязнь или помеху штурму дворца, а заодно рубили в Кремле и случайных людей, «обознавшись» [22].

Портрет Марфы Матвеевны Апраксиной, второй жены царя Федора.
Иоганн Вальтер, декабрь 1681–14 февраля 1682. ГРМ

Летописи и повременные записки современников рисуют поведение цариц (Наталии Кирилловны и Марфы Матвеевны, вдовы царя Федора Алексеевича) и царевен по-разному. Все были страшно перепуганы, но кто-то был активнее, кто-то, впав в шок от кровавой драмы, вел себя более пассивно [39, с. 161–179]. Не чуралась слез и царевна Софья: девушкам в таких случаях *положено* было плакать. Однако, среди потоков крови и «в мелочь» изрубленных домашних⁷, она одна начала говорить с восставшими, как единственный способный что-то сообразать и разумно действовать член царской семьи.

Большинство знатнейших бояр и дворян, включая героических военных⁸, в этот момент бежало и пряталось в дальних поместьях. Их можно понять: рисковали они намного больше девушки, царевны, которую даже озверевшие от крови служивые вряд ли могли убить. Но ведь и Софья, в отличие от них, не переплывала озеро с саблей в зубах, чтобы

⁷ *Современники подчеркивают, что восставшие не просто бросали своих врагов во дворе из окон на копы, но рубили «в мелочь», на кусочки не больше ладони [32; 17, с. 35–36].*

⁸ *Исключая, разве что, бестрепетного князя Ю.А. Долгорукова, победителя поляков и рязинцев, главу всех военных ведомств, убитого за угрозы в адрес восставших.*

вырубить польский гарнизон, не врывалась с малым отрядом в Перекоп, заставив бежать хана и всю Крымскую орду, не форсировала Днепр на виду армии турок и татар и не штурмовала Чигиринские высоты под огнем янычар, идя перед строем солдат, надев шляпу на шпагу⁹. Она и пороха не нюхала, и казни-то ни одной в жизни не видела. Однако, когда царевна, осушив слезы, мудрыми словами уламывала восставших и добилась не только прекращения бессудных казней, но и установления тишины во всей столице, рядом с ней не было *ни одного* славного воеводы и генерала, каких в Москве вообще-то было множество. Да что там, рядом с ней даже юных отважных стольников, по неопытности готовых на безрассудные подвиги, и то не было. Софья в одиночку шла на восставших своей белой грудью, защищенной не сталью, а шелками и верой в свою правду.

Я не думаю бросать камень в прославленных воевод и генералов, заслуженных стольников и полковников¹⁰, которые не пытались остановить лучшие полки регулярной армии [49], московских стрельцов и выборных солдат, которыми прежде командовали, разнося в пух и прах отборные воинские части самой сильной в то время Османской империи¹¹ в тяжелейшей войне 1673–1681 гг. [35, с. 146–199]. Пишущие современники обратили внимание на подчеркнутое «стройство», с которым полки восставших, с музыкой, развернутыми знаменами и пушками, заняли 15 мая 1682 г. Кремль (охранявшийся стрельцами же), дружными залпами снесли с его площадей толпившихся там боярских и дворянских слуг и военных холопов, а затем уже, строем окружив царский дворец, отрядили бойцов ловить в нем «изменников», якобы отравивших доброго царя Федора Алексеевича и точно посадивших на престол 10-летнего Петра вместо 16-летнего Ивана, чтобы завладеть государством, не имея на себя упрасы в лице царя, «людьми мять, и обидети бедных, и про-

⁹ Перечислены некоторые из подвигов боярина князя Г.Г. Ромодановского, думных генералов Г.И. Косагова, А.А. Шепелева и М.О. Кровкова. Из них только первый был убит восставшими, остальные благополучно скрылись.

¹⁰ Стольник, как правило, был высшим придворным чином, который дворянин мог выслужить, поднявшись в ходе безупречной службы до командира полка. Даже генерал был по придворному рангу стольником, а думный генерал, высший чин регулярной армии, созданной царем Федором Алексеевичем в ходе военно-окружной реформы 1679 г. и составившей 4/5 русского войска, писался в Боярских списках в конце перечня думных дворян [35, с. 200–226].

¹¹ Достаточно сказать, что с османами в это время могла в одиночку воевать, перенапрягая все свои силы, только Россия. На Западе даже Священная Римская империя германской нации не могла без посторонней помощи спасти от турецкой армии свою столицу Вену, едва не взятую в 1683 г.

давать», «яко волки... нас, бедственных овец, во свое утешение и насыщение пожирати» [12]. Люди противоположных взглядов: составитель нового патриаршего Хронографа и идейный противник патриарха Иоакима Сильвестр Медведев – в один голос рассказывали, как стрельцы и солдаты, избрав на полковых собраниях командиров и агитаторов, пустили последних в народ разъяснять, почему они выступили для спасения Российского государства от «измены» коварных «бояр и думных людей», в защиту взрослого царя Ивана и ради справедливости ко всем служилым по прибору [51, с. 187–190; 52, с. 80–85].

Парсуна царицы Наталии Кирилловны. Неизвестный художник конца XVII в. ГИМ

Все сама, все сама

В том, что 24-летняя царевна взялась за дело сама, удивительного нет. В России женщины занимались не свойственным им делом, когда больше некому было построить государство, освободить его от ордынского ига, навести в нем порядок и превратить в мировую державу, как сделали княгиня Ольга, София Палеолог, Елена Глинская, Анна Иоан-

новна, Елизавета Петровна и Екатерина Великая. В мае 1682 г. не было никаких сил ни в Москве, ни по всей России, чтобы противостоять лучшим в стране и прекрасно организованным гвардейским войскам. Люди военные это прекрасно понимали. Поэтому и предпочли спасительное бегство в загородные имения верной и бессмысленной гибели за призрачные интересы мальчика-царя и реальную власть стоявших за его спиной канцлера Матвеева, Нарышкиных, патриарха Иоакима и прочих участников переворота в пользу 10-летнего Петра, которые противозаконно посадили его на трон вместо 16-летнего Ивана 27 апреля 1682 г. «в тот же час» после внезапной смерти царя Федора Алексеевича [10]. В отличие от этих могучих телом и умом мужей царевне Софье некуда было бежать из дворца и незачем понимать бессмысленность сопротивления превосходящей силе. Она должна была выходить с уговорами к покрытым свежей кровью служивым потому, что других кандидатур на эту роль в царской семье не оказалось. Только Софье хватило силы духа, чтобы разумно говорить со стрельцами и солдатами, признавая справедливость их требований, но упирая на их же явную склонность к порядку.

Современники отмечали, что восставшие закрыли Кружечный двор, с которого развозили по кабакам спиртные напитки, и пресекли начавшиеся в Москве грабежи. Выступив против захвата власти боярами, стрельцы выполняли свои обычные полицейские функции, уверяя народ,

Стрелецкий бунт. Дмитриев-Оренбургский Н.Д., 1862. Таганрогский художественный музей

что спасают государство, а не разрушают его. Это и было самым опасным: служилые люди по прибору, в противовес дворянам, служившим по отечеству, вознамерились стать в России постоянным гарантом «правды», «тщажуся безумнии и глупии государством управляти», – горестно констатировал Сильвестр Медведев [52, с. 85]. Пока царица не могла ничего этому противопоставить, но ей удалось обещанием перемен упротить стрельцов помиловать недобитых «изменников» и покинуть дворец.

Кажется, царице невозможно было действовать иначе. Но только на первый взгляд. Как и у ее предшественниц, у Софьи Алексеевны был выбор. Княгиня Ольга могла забыть об интересах своего сына Святослава и выйти замуж за победителя ее мужа, князя Мала, а не закапывать, имея лишь дворовых слуг, древлянских послов в ладье и не сжигать лучших мужей Деревской земли в бане. Ингигерда, располагая собственными землями и дружиной, могла бы не держать в ежовых рукавицах Ярослава, помогая мужу заслужить прозвание Мудрого. София Палеолог не обязана была требовать от супруга отказать послам хана Ахмата и тем паче приказывать народу разнести татарский двор в Кремле. Елена Глинская была способна удовлетвориться почетной ролью вдовы великого князя, оставив правление боярам. Софья Алексеевна видела, что восставшие убивают в основном (за редкими исключениями «обознатушек») ее противников из партии мачехи, царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной (сама царица была по матери Милославской), и могла бы просто поплакать в своих покоях, благо дамам восставшие не обижали. Все эти женщины могли остаться вне истории, если бы в ситуации горящей хаты решали, что их дело сторона.

Тут в духе славянофилов уместно было бы вывести *moralité* об особом характере русской женщины, хотя Ингигерда, Софья и Елена были по происхождению такими же русскими, как Екатерина Великая. На деле их, со строительницы Русского государства святой равноапостольной княгини Ольги до матушки Екатерины, объединяет личная ответственность за судьбу державы, проявленная в моменты, когда призванные править мужи о ней забывали.

Критики царицы могли бы заметить, что 15–17 мая 1682 г., до формирования нового правительства России вместо порубленного «в мелочь», она лишь сдавала позиции дворянского государства, предоставляя восставшим служивым по прибору и вооружившимся посадским людям¹²

¹² *О вооружении в Москве «купцов и иных нижних чинов людей», охранявших порядок вместе со стрельцами, помимо записей современников, говорит царский указ от 25 октября 1682 г. о запрете им носить оружие [41, с. 220].*

все, что они требовали. На самом деле это не вполне так: не потерявшая головы Софья сумела спасти немало жизней и, главное, сохранить правящие структуры дворянского государства. К тому же как раз уступки она делала не одна.

Именно созданное 17–18 мая правительство князей В.В.Голицына, Одоевских, И.А.Хованского и др. [41, с. 18], изученное С.К.Богоявленским [38], удовлетворило основные требования восставших и допустило их выборных представителей для контроля в центральные ведомства-приказы. Это правительство венчало на царство двух царей, Ивана и Петра (восстановив попранные в день кончины царя Федора 27 апреля права Ивана Алексеевича). Оно признало восстание против «изменников бояр» спасительным для государства, а 23 июня переименовало стрельцов и солдат в «надворную пехоту», в противовес дворянству [41, с. 50–51]. Оно же выдало во все полки и слободы служилых по прибору (стрельцы, солдаты, ямщики, воротники, загинщики и др.) опечатанные в Верхней типографии Сильвестра Медведева жалованные грамоты как спасителям России и воздвигло на Красной площади памятник их победе над изменой с кратким текстом этих грамот¹³.

Софья не возглавляла это правительство открыто: «разрядная запись» о «всенародном избрании» ее регентшей 24 мая 1682 г. и назначении решением Боярской думы 19 мая была подделана много лет спустя, когда правительство пыталось легализовать фактическое регентство, введя имя царевны в царский титул [8, с. 126–130]. Тонкость состояла в том, что противники Софьи при дворе, группировавшиеся вокруг юного царя Петра, не могли опровергнуть грамоту о ее «избрании», не поставив под сомнение «всенародное и единогласное избрание» самого Петра таким же выдуманным Земским собором [10]. Не случайно верный сторонник царевны с самого начала ее правления Сильвестр Медведев, сочинивший одну из первых русских исторических монографий для оправдания и прославления власти Софьи, включил в текст *оба* поддельных документа¹⁴. Имя Софьи в царских указах появлялось в 1682 г. частенько, а с 1683 до 1685 г. лишь иногда, в основном, в ситуациях критических [48]. Но, судя по переписке государственных деятелей, в российском госаппарате уже летом 1682 г. никто не сомневался, что все цар-

¹³Текст Жалованной грамоты [41, с.40–46]. О памятнике на Красной площади [28, с.122–138].

¹⁴Оубл. [52, с. 14–120]. О работе Медведева над текстом [14, с. 286–351].

ские дела решает царевна [41, с. 60–69], а в октябре–ноябре это поняли массы дворян [41, с. 232–233] и иностранные дипломаты¹⁵.

Высочайшее мужество царевны, ее способность не терять голову в реальной опасности подтвердил бунт староверов 3–5 июля 1682 г. Мы можем счесть преувеличенной хладнокровную отвагу и мудрость Софьи во время майских событий. Они красноречиво описаны Сильвестром Медведевым, а остальные свидетели, даже присутствовавшие в Кремле, лишь подтверждают его суждения [12]: они либо не слышали, что говорила Софья стрельцам с Постельного крыльца¹⁶, либо сами не видели происходившего внутри стен дворца, либо, как сын убитого восставшими канцлера А.С.Матвеева и его единомышленники, пытались представить поразительную и невероятную победу Софьи результатом ее же заговора со стрельцами [23]. На мой взгляд, рассказ Медведева достоверен, и лишь при большом желании можно сомневаться в оценке им поведения царевны в мае. А относительно ее подвигов в июле сомнений быть не может в принципе.

Сцена из истории Стрелецкого бунта. Иван Нарышкин попадает в руки мятежников.
Корзухин А.И., 1882. Частное собрание

¹⁵ «Старшая принцесса Софья Алексеевна в общем-то всем управляет, хотя и находится в тени», констатировал датский посол Гидьдебрандт фон Горн в октябре 1682 г. [36, с. 88].

¹⁶ «И царевна стрельцам говорила многое время, а что – не слышать издали», записал патриарший летописец Сидор Сназин [51, с. 175].

Поведение царевны в дни, когда в Кремль ворвались, во главе несметных толп народа, пламенные сторонники старой веры, а жизнь патриарха Иоакима и других архиереев-никониан висела на волоске, нам помогли реконструировать представители противоборствующих сил [24, с.316–323]. С одной стороны, это были строитель Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев, верный сторонник Софьи [52, с. 104–120], и крестовый иеромонах патриарха Афанасий Любимов, только что, в марте, возведенный в сан архиепископа Холмогорского, пламенно выступавший в Грановитой палате от имени Иоакима и избитый староверами. Именно он, согласно его грамоте архангельским стрельцам от 23 апреля 1683 г., за 50 дней сформулировал официальный взгляд Церкви на события в прокламации, изданной огромным тиражом 1200 экземпляров от имени святейшего патриарха [54]. А с противоположной позиции события подробно описал их участник, убежденный старовер Савва Романов [47]. Афанасий от описания роли Софьи постарался уклониться. Но Савва, не разделяя мнение Медведева, изобразившего царевну боговдохновенной «Новой Деворой», спасшей Русскую Православную Церковь от гибели, а патриарха Иоакима от «возмущенного народа, иже готов бе на его убиение» [52, с. 110], был солидарен с ним в том, что именно Софья, сама и одна, нанесла поражение «правому делу» староверов.

Удаляясь от ярких деталей и пламенных речей героев, которыми завлекают нас источники, можно констатировать, что, по *общему* мнению современников, судьба официальной Церкви висела на волоске. Прежде всего, староверов в Москве после 15 мая 1682 г. вдруг оказалось очень много. И это не было результатом успешной пропаганды их вождей: священников Аввакума Петрова и Лазаря, инока Епифания и дьякона Федора Иванова, сожженных царем-реформатором Федором Алексеевичем в Пустозерске 14 апреля 1682 г. [27], за 10 дней до кончины царя¹⁷, или Никиты Добрынина, которому 11 июля 1682 г. отрубили голову на Лобном месте по приказу царевны Софьи Алексеевны [53]. Просто народу, включая дворян и бояр, было непонятно, как исконное русское благочестие, благодаря которому Великая Россия, согласно неоспоримому авторитету Хронографа Русского, выступает во вселенной наследницей держав прошлого [31], оказа-

¹⁷ *Молодой государь повторил этим деяние отца, перед смертью зверски казнившего не принявших реформу Никона иноков Соловецкого монастыря [40, с. 229–368; 11, с. 349–454].*

лось ложным по принятому Никоном мнению «греческих учителей», благочестие которых еще в середине XVII в. никто не признавал [19]. Не ведая перипетий греко-русской борьбы за власть в Церкви, которая силами всех участников привела к Расколу [16, с.125–230; 11, с.95–176; 15, с.129–233], православные недоумевали, отчего им подобает креститься тремя перстами, коли их предки испокон веков крестились двумя?

Народ и знать, как ученейший Арсений Суханов, автор «Прений с греками о вере», приняли реформу Никона потому, что ее одобрил царь православный, гарант благочестия в России и мире. Федор Алексеевич на том же основании утвердил при венчании на царство в 1676 г. хронографическую идею священности Российского православного самодержавного царства¹⁸. А 15–17 мая 1682 г., «в мелочь» рубя «изменников-бояр и думных людей» в Кремле, стрельцы и солдаты убедили общество, что царя-то истинного на Москве нет, что бояре изменой отстранили от власти старшего царевича Ивана и посадили на трон мальчика, который не может их контролировать. Получалось, что традиционная правда народа, смиравшегося с церковными нововведениями из-за царя, столкнулась с волей архиереев, которые во главе с патриархом Иоакимом поддержали государственный переворот, вызвавший восстание. Без дееспособного государя у официальной Церкви не было преимуществ перед активными массами выходящих из тени сторонников «отцепданного благочестия». Теоретически спасти Церковь мог только взрослый царь Иван.

Требовать восстановления прав царевича Ивана Алексеевича на царство восставшим было необходимо, чтобы придать легитимность своим действиям. Устраивало это и царевну Софью, для которой Иван был родным, а Петр только сводным братом, и тех бояр и чиновников, которые в страхе перед резней не разбежались из Москвы. Из них лишь дядя Софьи Алексеевны, боярин князь И. А. Милославский, во второй половине мая, когда восставшие заставили посадить на трон вместе с Петром Ивана, по-родственному нахватавший себе в управление кучу центральных ведомств, с делами не справился и летом власть растерял. Остальные, включая нового канцлера князя В. В. Голицына, взявшего на себя Стрелецкий приказ боярина князя И. А. Хованского и незаметного пока среди массы чиновников дья-

¹⁸ О реформе обряда чина царского венчания на основе идей Хронографа Русского и по образу греческого чина коронации XIV в. рассказано [35, с. 294–364; 20].

ка Ф. Л. Шакловитого, упорно «тянули ляжку» за себя и сбежавших из Москвы, в том числе с ответственных постов, товарищей¹⁹.

Никита Пустосвят. Спор о вере. Перов В. Г., 1881. ГТГ

Стрельцы и солдаты, даже по рассказу склонного преувеличивать влияние своих вождей Саввы Романова, не были озабочены вопросом восстановления старого обряда. Просто вернувшиеся в столицу и успешно распалывшие народ борцы за родную старину находили и в рядах служивых отклик, достаточный, чтобы вызвать патриарха и архиереев на спор, публично «препреть» и, подняв волну народного гнева, по выражению протопопа Аввакума «перепластать», т. е. порубить своих противников. Без разрешения стрельцов и солдат, само собой, никаких сборищ в Москве быть не могло. Примером было собрание боярских холопов, пытавшихся выдвинуть свои требования и разогнанных служивыми, казвившими непокорных на месте [39, с. 197–210].

Убедив, с помощью группы сочувствующих старой вере стрельцов, князя И. А. Хованского в том, что восставшие поддерживают затею с «прениями», старoverы, по рассказу Саввы Романова, были им обма-

¹⁹ Об этом рассказывает Богоявленский [38, с. 180–221], а примеры того, как виднейших бояр правительство летом не могло разыскать и вытащить из имений, приведены в моем исследовании [21, с. 13–53].

нуты. Хитроумный старик, много лет командовавший на войне Новгородским полком (по-нашему армейским корпусом) нищих, а потому особо буйных городских дворян и детей боярских (низшие слои дворянства), легко объяснил простакам, что до венчания двух царей на царство 25 июня никаким волнениям в городе не место, стрельцы этого не потерпят [47]. После венчания Церковь мог защитить законный государь Иван Алексеевич.

Этого не случилось: «бунт» староверов 5 июля 1682 г. оказался слишком страшен, чтобы рисковать психикой не слишком сильного духом государя. Однако сам факт его наличия на троне повлиял на служивых по прибору, которые добились всего, чего хотели, восстановив права старшего царевича, получив недоплаченное за прошлые годы жалование, вернув украденное у них начальством [39, с. 179–196] и, главное, став «надворной пехотой», официальными гарантами порядка в государстве, как было написано в жалованных грамотах полкам [41, с. 40–46] и для общего обозрения на памятнике, воздвигнутом на Красной площади [28, с. 126–128].

У Сильвестра Медведева, писавшего через три года после того, как царевна Софья казнила князя И. А. Хованского 17 сентября 1682 г., объявив его инициатором всех «буйств» Московского восстания и обелив таким образом восставших [21], именно князь выступает тайным вождем староверов, мечтающим истребить патриарха и архиереев²⁰. У Саввы Романова он, напротив, их тайный противник. Оба сходятся на том, что царевна Софья единолично спасла патриарха и Церковь. Причем не ограничилась отважным выступлением в их защиту, хотя ее слова о готовности умереть за Церковь, патриарха и освященный собор были красноречивы [52, с. 112], а реально сделала все для победы над староверами.

Именно царевна добилась, чтобы прения происходили не на Красной площади, где патриарх с иными архиереями был бы разорван толпой, а в Грановитой палате. Народ таким образом лишался участия в прениях. Не слыша, что происходит за дворцовыми стенами, толпа должна была к вечеру остыть. Для этого царевне надо было преодолеть немалый страх бояр, что восставшие снова, как 15 мая, ворвутся во дворец и порубят их всех. На троны, предназначенные царям, Софье посадить их не удалось. Тогда она сама заняла трон, посадив рядом знаменитую меценатку царевну Татьяну Михайловну, а ниже в креслах – царицу Наталью Кирилловну, царевну Марию Алексеевну и патриарха Иоакима. Но и женского

²⁰ Согласно 9 статье приведенного Сильвестром Медведевым (и по его тексту переиздаваемого) приговора князю [52, с. 135–140; 41, с. 130–133].

прикрытия святейшего, вероятно, не было бы достаточно, если бы Софья пустила прения на самотек.

Расчет на то, что буйство и ругань староверов при женщинах царской семьи покажет надворной пехоте, что поборники «отцепеданного благочестия» суть нарушители порядка, не оправдался. Легко выведя староверов из себя, царевна обратилась к служивым: «Что таким невеждам попускаете? Что их от такого мятежа не унимаете?».

Но ее угроза, что царская семья от такого позора покинет Москву, не подействовала. По Медведеву, представители восставших ответили, что служат царям верно, а из столицы царская семья никуда не уйдет. По Романову, эта фраза звучала язвительней: «Пора, государыня, давно вам в монастырь; полно царством мутить; нам бы здоровы государи были, а без вас место пусто не будет!» Наивный старовер уверяет, что Софья, проиграв прения, попросту одарила представителей восставших чинами и деньгами, а служивым попроще велела выкатить из погребов бочки с вином. Медведев, писавший свое «Созерцание» в сотрудничестве с предоставившим ему документы Шакловитым [8], рассказал, что царевна выяснила настроение выборных заранее, а в ходе прений лишь укрепила их решимость ликвидировать мятежников, только не на глазах у заполнившей Кремль и Красную площадь огромной толпы.

Так и произошло. «Вы де бунтовщики и возмутили всем царством», заявили староверам представители надворной пехоты. Ночью их лидеры были схвачены, Никита Добрынин казнен 11 июля, его товарищи сосланы²¹, а сторонники старой веры из стрельцов были Софьей прощены [39, с.210–235; 53, с.271–277; 55; 56]. Не время было царевне зверствовать в духе доброго батюшки и добрейшего брата Федора. Стрелецкие выборные, как показал Буганов, большей частью не одобряли выступление против патриарха, но в основном были за то, чтобы не позволить староверов «по-старому... жечь да мучить» [39, с.210–235]. Только в 1685 г. Софья утвердит ужасающие жестокостью «12 статей» [1, с.419–422], по которым староверов станут казнить массово: мера, на которую не решились ее отец и брат. И сделает это открыто, а не как князь В.В. Голицын, взявшийся лишь в 1689 г. за исполнение приговора о сожжении заезжих «коммунистов» К.Кульмана и К.Нордермана, вынесенный с его

---

²¹ В приговоре Хованскому 17 сентября сказано, что князь «тех воров и мятежников Церкве святыя и всего государства от казни оберегал и хотел оных единомысленных твоих учинить свободных». Поэтому только Никита «по прошению выборных служивыя пехоты добрых людей казнен», а товарищей его Хованский «велел» отправить «в сылку на Терек, а смертию их казнити не велел» [52, с.138].

подачи представителями католического и протестантского духовенства [24, с. 343–364].

Парсуна патриарха Иоакима. Карп Золотарев, 1678.
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

Насколько сам патриарх Иоаким был убежден, что ему с архиереями «от народа не быти живым», что народ «готов бе на его убиение», как уверяет Медведев, неведомо. Думаю, что после прений 5 июля 1682 г. святейший со товарищи четко уяснили, что без стрелецкой охраны их власть и жизни висят на волоске. Они сами к этому шли, требуя еще у царя Федора «стрелецкий караул» вместо предлагаемых царем мер просвещения и убеждения [35, с. 464–466]. «В верхах» тоже не было готовых умирать, защищая их от староверов, с которыми даже царица Наталия Кирилловна заигрывала [39, с. 221]. Зачем же Софье Алексеевне

понадобилось прилагать такие усилия, чтобы спасти Иоакима, который уже выступил против интересов ее родного брата Ивана, а в будущем будет мешать ей, отлучит ее от Церкви и только перед самой своей в 1690 г. кончиной простит [3, с. 63–64]?

Ответ дает концепция «горящего дома», которую мы уже упомянули. Даже в условиях установившегося в Москве двоевластия, когда надворная пехота диктовала условия правительству, а ее выборные представители контролировали работу центральных ведомств-приказов [39, с. 245–260], церковь оставалась столпом государства. Историки, за исключением В.И. Буганова, не задавались вопросом, к чему вело утверждение двоевластия надворной пехоты, служившей за жалование и тесно связанной с торгово-промышленным посадом, и дворянства, которое от бояр до уездных детей боярских жило в основном за счет землевладения (как монастыри и церковные власти). А царевна Софья Алексеевна, не ведая позднейших социально-экономических теорий, понимала это очень хорошо. Укрепление власти служилых по прибору в перспективе означало крушение того государства, в котором ее семья была главным хозяином. Она снова не считала себя вправе отсидеться и, успокоив надворную пехоту словесными и фактическими (в виде денег и привилегий) уступками, вступила с ней в решительную борьбу.

Для этого ей потребовалась организационная помощь мужей, наиболее активных из которых, Голицына и Шакловитого, князь Куракин объявит позже любовниками царевны. Сотрудничество Софьи с ними и станет предметом второй части нашей статьи.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т.4. СПб., Типография II Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. [4], 500, [2], 2, 19, [1] с.
2. Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый им под редакцией М.И. Семевского. Кн.1. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. XXVI.
3. Барсуков Н.П. Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1879. 169 с.
4. Богданов А.П. Баснословие о заговоре Милославского и Софьи во время «Хованщины» // Историческое обозрение. Вып.21. М., НП «Историко-просветительское общество «Радетель»», 2020. С. 19–40.
5. Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М.: Международные отношения, 1989. С. 179–228, 237–239.

6. Богданов А.П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М. – Берлин, Директ-Медиа, 2018. 482 с.
7. Богданов А.П. Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия за 1987 г. Л.: Наука, 1987. С.105–114.
8. Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Институт истории СССР АН СССР 1987. С.114–146.
9. Богданов А.П. Княгиня Ольга // Вопросы истории. 2005. №2. С.57–72.
10. Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М., 1981. С.197–206.
11. Богданов А.П. Мятежное православие. М., Вече, 2008. 480 с.
12. Богданов А.П. Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сборник статей за 1984 г. М.: Наука, 1984. С.131–146.
13. Богданов А.П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып.VIII. М.: Магнитогорск, 2007. С.221–248.
14. Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.–Берлин, Директ-Медиа, 2020. 642 с.
15. Богданов А.П. Патриарх Никон и раскол Русской церкви. М.: Вече, 2018. 304 с.
16. Богданов А.П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., Политиздат, 1990. 480 с.
17. Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // Советские архивы. 1979. №2. С.34–37.
18. Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1981 г. М.: Наука, 1981. С.225–246.
19. Богданов А.П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церковей в XI–XVII вв. М.: Академический проект, Директ-Медиа, 2020. 563 с.
20. Богданов А.П. Псевдо-Кодин и таинство венчания русских царей // Каптеревские чтения – 22. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024. С.110–141.
21. Богданов А.П. Рождение Хованщины // Историческое обозрение. М.: Историко-просветительное общество Радетель, 2022. Вып.23. С.13–53.
22. Богданов А.П. Роспись «изменников – бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоеды Москвы – Ленинскому юбилею. Материалы III-й Московской городской конференции молодых ученых по общественным наукам, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина. М.: Наука, 1982. С.113–118.
23. Богданов А.П. Россия и Запад в информационном обмене конца XVII в. // Genesis: исторические исследования. 2021. №5. С.71–124.

24. Богданов А.П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., Академический проект, 2015. 548 с.
25. Богданов А.П. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1982 г. Л., Наука, 1984. С.45–52.
26. Богданов А.П. София-Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Институт мировой литературы РАН, 1994. Вып.7. С.399–428.
27. Богданов А.П. Старообрядцы // Старообрядчество: история, традиции, современность. 1994. Вып.1. С.5–30; 1995. Вып.2. С.2–21.
28. Богданов А.П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII в. Изд. 2-е, доп. и испр. М. – Берлин, Директ-Медиа, 2019. 427 с.
29. Богданов А.П. Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. 2-е изд., испр. и доп. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2020. 595 с.
30. Богданов А.П. Учеба царских детей XVII в. и издания государевых типографий // Федоровские чтения. 2003. М.: Наука, 2003. С.224–256.
31. Богданов А.П. Хронограф Великой России // Россия XXI. 2024. №4. С.6–53.
32. Богданов А.П. Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1988. С.101–108.
33. Богданов А.П. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, 1999. С.305–325.
34. Богданов А.П. Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М.: Вече, 2008. 352 с.
35. Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., Академический проект, 2018. 760 с.
36. Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. №3. С.78–91.
37. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого (провинция 1719–27 гг.). М.: ОИДР, 1902. XVI, 521, [1], 44, [1] с.
38. Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. Т.10. М.: Изд. Академии наук СССР, 1941. С.180–221.
39. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., Наука, 1969. 440 с.
40. Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М.: Политгиздат, 1991. 526 с.
41. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., Наука, 1976. 348 с.
42. Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Материалы родословные. Т.1. СПб., тип. И.Н.Скорородова, 1892. [2], XXVIII, 611 с.
43. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: тип. Грачева и комп., 1862. 528 с.

44. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: тип. Грачева и комп., 1869. 857 с.
45. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1–2. М.: Московская городская дума, 1884–1891. 1484, 1644 стб.
46. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М.: тип. С.Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
47. История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.Тихонравовым. М., 1863. Т.5. Отд.II. С.111–210.
48. Лермонтова Е.Д. Самодержавие царевны Софьи Алексеевны, по неизданным документам (Из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина. 1912. Т. 149. №2. С.425–445; №3. С.539–547.
49. Малов А.В. Основные проблемы строительства Вооруженных сил России. 1613–1689. М.: Квадрига, 2023. 324 с.
50. Очерки демографической истории России XI–XXI века. Т.2. XVI–XVII века. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 624 с.
51. Полное собрание русских летописей. Т.31. М.: Наука, 1968. 264 с.
52. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ ст., коммент. и указ. А.П.Богданов. М.: Современник, 1990. 445 с.
53. Румянцев И.И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»): Историко-критический очерк. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. 1088 с.
54. Увет духовный. М.: Государев печатный двор, 1682. 32 с.
55. Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. СПб., 1999. Т.51. С.385–395.
56. Усенко О.Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестник Московского университета. 1990. Сер.8: История. №2. С.92–98.
57. Хьюз, Линдси. Царевна Софья. 1657–1704. СПб.: Гранд, 2001. 416 с.

(Окончание следует)

Форма общества всегда определялась скорее природой средств человеческой коммуникации, нежели ее содержанием.

Маршалл Маклюэн

Если женщина не сдается, она побеждает. Если сдается, диктует условия победителю.

Карел Чапек

Литература – явление общественное.

Генрих Манн

Драка в парламенте столь же
нелепа, как словесная
дискуссия боксеров.

Саша Черный

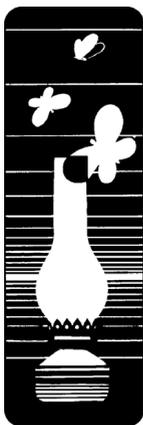
Мужчина очень долго
остается под впечатлением,
которое произвел на
женщину.

Юлиан Тувим

Правильным мы называем
представление, которое
направлено на свой предмет.

Мартин Хайдеггер

Ирина Стамова

**КНЯГИНЯ
ДАРЬЯ ЛИВЕН
И РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
63.3(2)522

Статья посвящена памяти княгини Дарьи Ливен, которую многие называют первой русской женщиной-дипломатом. Не официальным дипломатом, а скорее тайным или закулисным, однако невероятно искусным и незаурядным. Сопровождая мужа Христофора Андреевича Ливена, русского дипломата в Берлине и Лондоне, она, благодаря своему природному женскому обаянию, изысканным светским манерам и остроумию, очень быстро оказывалась в центре внимания представителей высшего европейского света. А с помощью яркой харизмы, острой наблюдательности и по-мужски холодного и рассудительного ума получала важные сведения о политике европейских держав. Дарья Ливен, по собственному признанию, верой и правдой служила своему российскому Отечеству.

This article is dedicated to the memory of Princess Daria Lieven, who is called the first Russian female diplomat. Not an official diplomat, but rather a secret or behind-the-scenes diplomat, still an incredibly skillful and outstanding one. Accompanying her husband, Khristofor Andreyevich Lieven, a Russian diplomat in Berlin and London, she, thanks to her natural feminine charm, refined manners and wit, very quickly found herself in the center of attention of representatives of high European society. While with the help of outstanding charisma, acute observation and a masculine, cold and judicious mind, she received important information about the politics of European powers. Darya Lieven, by her own admission, served her Russian fatherland faithfully.

Ключевые слова: неофициальная дипломатия; Российская империя; русофобия; европейская дипломатия; российско-британские отношения; российско-французские отношения; российско-европейские отношения; Аахенский конгресс.

Key words: unofficial diplomacy; the Russian empire; Russophobia; European diplomacy; Russo-British relations; Russo-French relations; Russo-European relations; the Aix-la-Chapelle Congress.

E-mail: stamirina@mail.ru

*В 2025 году исполняется 240 лет
со дня рождения княгини Дарьи Ливен*

Испокон веков считалось, что женщине не место в политике и дипломатии. Сами слова «политик и дипломат» мужского рода, а значит, обе сферы всегда являлись исключительно прерогативами мужчин. Женщине же от веку была уготована роль матери и жены, хранительницы домашнего очага, которой серьезные, «мужские» проблемы никак не касались.

Безусловно, мир изменился, и теперь женщина-политик или женщина-дипломат – не исключение, а вполне ординарное явление. Разрушились стереотипы о физической, психологической и интеллектуальной неспособности женщины участвовать в политической жизни общества. Появилось даже понятие «феминизация власти», означающее не только процесс постепенного увеличения численности женщин во власти, но и их глубокую вовлеченность в решение проблем, важных для всех наций и стран мира.

В старые времена представительницы «слабого пола» едва ли помышляли об активном участии в жизни общества. В лучшем случае, единицы интересовались политикой, да и то скорее, чтобы обратить на себя внимание и прослыть образованными и прогрессивными. Тем не менее история знает имена женщин-дипломатов, если не по профессии, то по духу и складу ума. К примеру, древнерусская княгиня Ольга, которая в середине X века отправилась с дипломатической миссией в Константинополь, а затем довольно успешно осуществляла многоходовые политические комбинации на Западе. Все это великая княгиня делала с одной целью: содействовать укреплению внешнеполитических связей Руси и повышению ее международного престижа.

Другой пример – легендарная грузинская царица Тамара, чей образ воспел Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре». Период ее правления (1178–1213) назван «золотым веком» грузинской государственности, поскольку именно в это время Грузия добилась серьезных военно-политических успехов.

Европа также не осталась в стороне: в британском Форин офисе до сих пор хранится документ, свидетельствующий, что первой женщиной-дипломатом была испанка. В 1507 году Фердинанд Арагонский отправил свою овдовевшую дочь Катерину в Англию в качестве посла, чтобы договориться с Генрихом VII об отсрочке свадьбы. Вскоре Франция переняла эту традицию, и в 1529 году Луиза Савойская, мать короля

Франциска I, и Маргарита Бургундская, тетка императора Карла V, провели в Камбре переговоры, в результате которых был подписан трактат, известный как «Мирный договор дам» или «Дамский мир».

Этот список можно пополнить именами многих русских женщин из разных сфер власти. Однако среди них никогда не затеряется представительница XIX века княгиня Дарья (или Доротея) Ливен, чьи поразительные дипломатические способности приводили в восхищение выдающихся профессиональных политиков Европы.

Свои таланты Дарья Христофоровна поставила на службу интересам России, защищая их далеко за ее пределами, в Берлине, Лондоне, и Париже, в каждом из которых содержала собственный светский салон. Используя свое неотразимое обаяние и связи в верхах общества, она положила немало усилий, чтобы люди, входившие в круг ее общения, смогли преодолеть закоренелую русофобию и воспитать в себе уважение к России, ее культуре и внешнеполитическим интересам. В их глазах Россия заслуживала этого хотя бы потому, что способна рождать таких ослепительно незаурядных женщин, как княгиня Дарья.

Сейчас подобную форму дипломатии принято называть «мягкой силой». Наша героиня, конечно, не знала такого выражения, но то, что она делала, являлось блестящим образчиком применения именно этого вида суггестивной техники. Не претендуя на роль дипломата, она видела свое предназначение в служении Отечеству. Ее патриотизм был абсолютно искренним и бескорыстным.

За способность предсказывать ход событий, а порой и влиять на них, княгиню называли «русской Сивиллой» («прорицательницей»). Некоторые историки уверены, что в России роль Дарьи Ливен в неофициальной дипломатии XIX века во многом еще недооценена, поскольку до недавнего времени о ней можно было узнать либо из публицистических статей, либо из заметок сенсационно-интригующего или разоблачительного характера. Но на Западе ее имя привлекало внимание исследователей уже с конца XIX века, особенно, когда открылись архивы и стало общедоступным богатое эпистолярное наследие княгини Ливен, в частности, ее переписка с выдающимися политиками и дипломатами той эпохи. Кроме этого, много достоверных и любопытных фактов о жизни княгини открыли мемуары, воспоминания и дневниковые записи ее современников. Отраден тот факт, что в последние годы в отечественной историографии стали появляться серьезные научные статьи и монографии, посвященные этой яркой, талантливой и истово любящей свое отечество женщине.

Кто она – Дарья Ливен?

Ее биография чрезвычайно необычна. Чистокровная немка (урожденная Катарина Александра Доротея фон Бенкендорф (нем. *Katharina Alexandra Dorothea von Benckendorff*)), лютеранка, принадлежавшая к древнему прибалтийскому дворянству, супруга Христофора Андреевича Ливена, посла Российской империи в Пруссии, затем на протяжении двадцати двух лет – в Великобритании, родная сестра знаменитого шефа Третьего отделения Александра Бенкендорфа, она была личностью невероятно харизматичной и незаурядной.

В нее влюблялись крупные европейские политики и дипломаты, августейшие особы, как например, король Англии Георг IV и австрийский канцлер К.Меттерних. Она находилась в дружеских отношениях и постоянной переписке с английскими политиками лордом Ч.Греем и лордом Дж.Г.Эбердином. На протяжении последних двадцати лет своей жизни Дарья Ливен была спутницей известного французского политика, министра иностранных дел Ф.Гизо, который о ней писал: «Мужчины и женщины, тори и виги, важные персоны и светские денди все стремились заполучить ее для украшения и престижа своих салонов, все высоко ценили честь быть принятыми ею».

Дарья Ливен, портрет Томаса Лоуренса, около 1813 г.

Ее портрет кисти знаменитого английского художника Томаса Лоуренса висел в покоях короля Англии Георга IV. Она же стала прообразом героинь нескольких романов Оноре де Бальзака. Как только не называли Дарью Христофоровну Ливен современники: и «светской львицей», и «агентом влияния русского двора» в Лондоне и Париже, и «дипломатической прорицательницей». Всеми этими «титулами», а главное – результатами своей активной деятельности во имя отечества княгиня Ливен заслужила одно из самых почетных мест в истории русской дипломатии.

Факты биографии

Дарья Бенкендорф родилась 28 декабря 1785 года в Риге, в семье обрусевшего остзейского немца Христофора Ивановича фон Бенкендорфа, ставшего впоследствии военным губернатором Риги в чине генерал-лейтенанта. Он происходил из дворянского рода, а его предки служили российской короне со времен присоединения Прибалтики в 1721 году.

После смерти матери в 1797 г., урожденной Шиллинг фон Канштадт, Дарья осталась при дворе на попечении императрицы Марии Федоровны, с которой покойная баронесса Анна-Юлиана Бенкендорф дружила с детских лет – еще в немецком Вюртемберге, а позже стала статс-дамой и воспитательницей детей императора Павла I. По меркам того времени, Дарья Христофоровна получила лучшее образование: она окончила

Смольный институт, знала четыре языка, прекрасно танцевала и разбиралась в музыке. В 1800 г. при активном участии императрицы Марии Федоровны Дарья вышла замуж за 26-летнего военного министра графа Христофора Андреевича Ливена.

Первые годы замужества молодая графиня Ливен вела беспечную светскую жизнь в богатом на события Петербурге, практически повсюду сопровождая императорскую семью в качестве фрейлины. Пока муж делал военную карьеру, она блистала на ба-

Фамильный герб Ливенов

лах и в салонах столицы, много танцевала и флиртовала с молодыми царскими придворными.

Однако со временем Дарья стала находить салонные разговоры скучными и пустыми и постепенно начала питать интерес к «большой политике». Будучи с самой юности близкой к императорскому двору, она имела возможность общаться с видными российскими и европейскими политиками и дипломатами и считала разговоры с людьми старшего возраста гораздо более значимыми для собственного развития. Она была прекрасно осведомлена о государственных делах и придворных интригах, отличалась острым умом, наблюдательностью и склонностью к анализу, что совсем скоро позволило ей проявить свои дипломатические способности [7, с.25].

Далекий друг детства, а ныне император

В конце июля 1807 года в Большом Екатерининском дворце в Царском Селе состоялся бал в честь окончания переговоров между Александром I и Наполеоном в Тильзите. Политика сближения с Францией и вражды с Англией, навязанная французским императором, вызывала неодобрение русского дворянства. Устраивая балы и пышные празднества в ознаменование заключенного союза с Наполеоном, Александр I пытался убедить свое окружение, что Россия не только не проиграла от достигнутых договоренностей, но, наоборот, получила серьезные преимущества. Однако высший свет воспринимал эту ситуацию с настороженностью. Русский царь, конечно, достаточно изощрен – не зря слывет «византийским мудрецом» – но все же недостаточно опытен в политике, чтобы провести хитрого и коварного Наполеона.

На этом балу все великосветские дамы замерли в надежде быть приглашенными на танец императором, который не просто любил танцевать, но был общепризнанным виртуозом вальса. И вдруг, к явному огорчению и нескрываемой зависти женской половины зала, приглашения удостоилась молодая графиня Ливен, с которой Александр I воспитывался в детстве. С их последней встречи прошло, без малого, лет семь, и приглашение на танец должно было продемонстрировать Дарье, что, став императором, ее друг детства Алекс о ней не забыл.

Во время танца, когда они обменивались банально вежливыми репликами, молодая особа неожиданно для императора заговорила о политике, моля об осторожности с Бонапартом, союз с которым, по ее мнению, нельзя было считать «продолжительным и прочным». Александр был

крайне удивлен и попытался настаивать на обратном. «О нет, ваше величество! вспомните мои слова через пять лет...». Государь помрачнел, но признался, что ценит ее решительность, ибо не каждый министр посмел бы сказать ему в лицо столь дерзкие слова.

Все вокруг внимали каждому слову императора и его партнерши, но не придали серьезного значения мнению графини Ливен о Тильзитском мире. Однако спустя 5 лет (!) вспомнили это предсказание, когда 24 июня 1812 года армия Наполеона, форсировав Неман, вторглась в пределы России. Именно тогда в свете Дарью Ливен прозвали «Сивиллой».

Следующая встреча Дарьи и Александра I была сугубо официальной. Она произошла в 1809 году, когда царь напутствовал нового посла в Берлине Христофора Андреевича Ливена. При виде стоящей рядом Дарьи император вспомнил происшедшую между ними пикировку, и, слегка улыбнувшись, многозначительно произнес: «Надеюсь, граф, что ваша отважная супруга будет вам надежной помощницей все время вашей миссии в Пруссии!».

Дипломатический дебют

Берлин стал для Дарьи Ливен дипломатическим дебютом. Поначалу прусская столица показалась ей скучной и неинтересной. Первое время она в основном занималась детьми, уделяя серьезное внимание их воспитанию. Однако Дарье хотелось большего, и вскоре она открыла при посольстве светский литературно-политический салон, который быстро приобрел популярность среди берлинской знати.

Постепенно завязывались знакомства, в том числе с проезжавшими через Берлин из разных стран Европы дипломатами. От них можно было получить много полезной информации. В отличие от мужа, чьей обязанностью это было по долгу службы, графиня Ливен умела очень быстро разговорить своих гостей и заполучить немало важных сведений. Молодая хорошенькая графиня, с виду легкомысленная аристократка, действовала гипнотически, перед ее очарованием не могли устоять даже опытные политики. Многие, пытаясь произвести на нее впечатление и завоевать расположение, бравовировали своей близостью с сильными мира сего, а также осведомленностью в государственных секретах. Дарья умела слушать и запоминать, она живо вела диалог, задавала собеседнику наводящие вопросы и без проблем получала исчерпывающие ответы на интересующие ее темы.

Светский литературно-политический салон

Так, в 1810 году Дарья Христофоровна от гостей своего салона узнала много крайне важного об антироссийской направленности прусско-французских и австро-французских переговоров; о замысле Наполеона напасть на Россию; о планах австрийского канцлера Меттерниха вопреки союзническому договору с Россией прекратить с Бонапартом войну и заключить с ним сепаратный мир. Ливен незамедлительно сообщала обо всем Александру I в письмах, которые в целях конспирации подписывала «Сивилла».

Как ни тяготилась Дарья Христофоровна пребыванием в «унылом» Берлине, но именно там у нее укрепился интерес к международным делам. Там же она совершила первые шаги в роли личного тайного агента русского императора.

Со временем для все более деятельной графини Ливен Пруссия стала тесноватой, и она надеялась, что ее муж получит более просторное дипломатическое поприще, что вскоре и произошло.

Новое назначение

В конце октября 1812 года супруги Ливен отбыли к новому месту службы графа – в Англию. Дарья была безмерно счастлива. Оказавшись в Лондоне, первое время она с увлечением знакомилась с новой реальностью и пыталась добиться успеха в английском высшем обществе. Не будучи красавицей в классическом смысле слова, Ливен об-

ладада неотразимым шармом, безукоризненными манерами и тонким, гипнотическим обаянием. Она была очень музыкальна, знала наизусть многие оперы и великолепно исполняла их на рояле, танцевала и даже ввела в Лондоне моду на вальс. Как подметил британский историк Гарольд Темперли, «она вводила моду на все... и была крайне талантлива не только в музыке или в разговоре, но и в том маленьком искусстве, которое оживляло и делало запоминающимися ее визиты в графства» [5, с.11, 42–43].

В своих воспоминаниях видный английский политик Ральф Снейд заметил: «Она обладала несравненным умом, умом мужским, серьезным и логичным, так редко встречающимся у женщин, умом, смягченным изяществом, грациозностью и гибкостью, которые встретишь только у них» [цит. по 7, с.38].

Дж. Крукшенк. Карикатура на графиню Ливен и князя Козловского (Almacks Longitude and Latitude)

В итоге довольно быстро графиня Ливен (или Дороти, как называли ее англичане) стала общепризнанной «светской львицей» и законодательницей мод. Она часто гостила у короля Георга IV в Брайтоне, регулярно отправлялась с визитами в разные графства, куда по окончании сессии

Парламента и столичного светского сезона разъезжались ее высокопоставленные знакомые.

Следуя моде того времени, Дарья Христофоровна открыла в Лондоне светский салон, где собирался весь бомонд. Развлекая гостей и поддерживая галантные беседы, русская графиня мастерски извлекала для себя нужную информацию. Очень скоро Ливен стала разбираться в дипломатических делах лучше своего мужа. Она обсуждала с ним то, что ей удалось услышать от гостей или в гостях или то, о чем она могла только догадываться. Дарья держала Христофора Андреевича в курсе всех новостей и сплетен, будораживших английское высшее общество. В свою очередь, Ливен использовал ценные наблюдения и замечания, сделанные его женой, в своих докладах российскому двору. Как-то граф поручил ей написать вместо себя донесение, и постепенно это стало привычным делом. Разницу в сообщениях из Лондона почувствовал и министр иностранных дел К.В.Нессельроде: теперь вместо прежних кратких и скупых на детали реляций Х.А.Ливена он получал донесения, насыщенные описанием различных фактов и глубокими личными размышлениями. Вскоре стало известно имя настоящего их автора. Российский министр не замедлил вступить с графиней Ливен в частную переписку. Он даже шутил: теперь у него в Лондоне два посла. Именно тогда, по словам самой Дарьи Ливен, «она начала свои дипломатические занятия» [Цит. по: 6, л. 14].

Неофициальный дипломат

Ливен обожала дипломатию, многие современники сравнивали ее с женщиной-офицером, выступавшей в качестве посредника между

политическими группами единомышленников в различных европейских столицах [3, р. XV].

Репутация Ливен как неофициального дипломата закрепилась за ней после Аахенского конгресса 1818 г., когда начался ее роман с главой австрийского министерства иностранных дел Клеменсом фон Меттернихом. Корифей европейской политики явно затеял свою игру, тем самым мешая Александру I занять место ушедшего с политической сцены Наполеона и играть в Европе главенствующую роль. После безуспешных попыток подкупа Меттерниха было решено поручить Дарье Ливен войти к нему в доверие и выведать его планы. Этот «роман по переписке» продолжался целых 10 лет. Помимо романтических признаний, в посланиях содержалась информация о политических взглядах канцлера на отноше-

ния между Англией и Россией, а также на обстановку в Европе в целом. Канал переписки контролировался Нессельроде и самим царем.

Итак, Дарья Ливен превратилась в одну из центральных фигур в европейской закулисной дипломатии. Ей неоднократно поручали важнейшие дипломатические миссии, с которыми она превосходно справлялась. Это не один раз позволило русскому правительству воспользоваться услугами Ливен для получения нужных сведений и использования их в политической конкуренции с Англией.

«Английский период» жизни Дарьи Ливен, связанный с пребыванием в Лондоне в 1812–1834 гг., можно в целом оценить как апогей ее карьеры и влияния. По мнению Гарольда Темперли, «она была признанным лидером в английском обществе в течение почти двадцати лет, никогда еще иностранка не получала сведения об английском обществе из первых рук и не обладала бы большим влиянием в нем». Так постепенно из типичной, пусть и блистательной, светской львицы, Дороти Ливен превратилась в серьезного, хотя и закулисного политика [цит. по: 7, с.56]. В своих оценках Г.Темперли опирается на широкий круг источников, чтобы выяснить степень влияния Ливен на политические дела и внешнюю политику в Европе с 1820-х годов [цит. по: 4, р. 112].

Дипломатическая деятельность графини Дарьи Христововны Ливен в течение английского периода получила на родине высокую оценку: 12 января 1816 г. она была удостоена ордена Св.Екатерины 2-й степени, а 29 февраля 1828 г. пожалована в статс-дамы. В 1826 г., по случаю восшествия на престол Николая I, Дарья Ливен «возведена вместе с супругом в княжеское Российской Империи достоинство».

Вынужденный отъезд

В 1834 г. князь Ливен вынужден был покинуть пост российского посла в Лондоне. Поводом послужил конфликт из-за намечавшегося назначения на должность посла Великобритании в России Стрэтфорда Каннинга, который по ряду причин не устраивал российское внешнеполитическое ведомство. Однако истинные причины заключались в противоречиях между двумя странами по широкому кругу вопросов, в том числе восточному, польскому и португальскому. Ливена обвиняли в том, что он чуть ли не намеренно усугубил эти противоречия.

Княгиня Ливен крайне тяжело переживала свой отъезд из Англии. Полностью менялся образ жизни, к которому она привыкла за 22 года пребывания в Лондоне. Она всем сердцем полюбила эту страну, мяг-

кий климат, прекрасное общественное положение, комфорт и роскошь, а главное – друзей. При этом важно отметить, что, несмотря на столь продолжительное пребывание в Англии, Дарья Христофоровна осталась русской по духу, и, как свидетельствуют ее многочисленные письма, была безгранично предана интересам России.

Многие исследователи отмечали, что беззаветная любовь Ливен к России превращала в ее личных врагов всех, чьи взгляды вступали в противоречие с российскими интересами [1, р.ЛIII].

Новый русский император Николай I высоко ценил заслуги князя Христофора Андреевича Ливена и после возвращения в Санкт-Петербург в 1834 году назначил его попечителем 16-летнего наследника престола цесаревича Александра, а также членом Государственного Совета. Однако Дарья Христофоровна, лишившись активного общественного поприща, быстро заскучала на родине. В 1835 г. ситуацию усугубила смерть от скарлатины двух ее младших сыновей. Трагедия подорвала и без того слабое здоровье княгини, поэтому врачи порекомендовали на время сменить обстановку и уехать из России. К.Нессельроде, хорошо знавший дипломатический талант Дарьи Ливен, посоветовал ей совместить приятное с полезным и отправиться во Францию, которая на тот момент представляла для России большой интерес.

Французская миссия

Во Франции у постаревшей, но сохранившей неотразимый шарм русской княгини завязались дружеские отношения со многими французскими политиками разной ориентации, среди которых были Ф.Гизо, П.Берье, А.Тьер, Л.Моле. Ее парижский литературно-политический салон пользовался необыкновенной популярностью и очень скоро превратился в один из центров общественной жизни столицы. Современники в шутку называли его «дозорной вышкой Европы».

Встреча Дарьи Ливен с Франсуа Гизо – на тот момент министром образования – оказалась судьбоносной для обоих. В первую очередь, их сблизили тяжелые потери близких людей. Кроме того, очень скоро у них обнаружились общие интересы в разных сферах, главным образом, в политической.

Многие считают, что именно встреча с княгиней Ливен превратила Гизо в настоящего политика, поскольку он теперь заполучил не только парламентскую трибуну, но и популярный салон – пространство, в те времена необходимое для восхождения по карьерной лестнице.

Дарья Ливен, поздние годы

Ф.Гизо

Что касается Дарьи Ливен, то для нее союз с Ф.Гизо, длившийся двадцать лет, также играл большую роль. Фактически находясь в то время в опале – из-за недовольства императора Николая I ее нежеланием возвращаться в Россию и служить ему на родине – княгиня Ливен нашла в лице Гизо прежде всего близкого друга, которому она могла доверить свои переживания и страхи. Вдобавок, нисколько не потерявшая интерес к политике и дипломатии Дарья Христофоровна получала от своего нового друга конфиденциальную информацию, которую она регулярно переправляла в Петербург.

Этой многолетней дружбе было суждено сыграть заметную роль в нормализации русско-французских отношений в годы Июльской монархии. С 1840 по 1847 год Гизо возглавлял министерство иностранных дел, затем недолгое время занимал пост премьер-министра Франции. Приобретенные с его помощью широкие связи дали княгине Ливен возможность предупредить К.Нессельроде – теперь уже канцлера Российской империи – о приближающейся Крымской войне. Николай I представлял сложившуюся ситуацию иначе, поэтому не придавал особого значения предостережениям «прорицательницы». Когда же война все-таки «неожиданно» грянула, русский царь попросил Дарью Христофо-

ровну использовать свою близость с Гизо и стать негласным посредником между враждующими сторонами.

Еще одним серьезным дипломатическим вкладом Дарьи Христофоровны Ливен стала бесценная информация о планах Франции на Парижском конгрессе, состоявшемся в 1856 году. Эти сведения позволили России после неудач в Крымской войне добиться достойных условий при заключении мирного договора.

Эпилог

Княгиня Дарья Ливен скончалась в январе 1857 года. В одном из некрологов, опубликованном в английском журнале “Edinburgh Review”, о ней написано: «Отличаясь мужским умом и женской чувствительностью, она держала под своей властью монархов и государственных людей и благодаря этому имела политическое влияние, редко доступное женщинам». Действительно, авторитет княгини Ливен в европейской дипломатии и политике был невероятно высок. Его, как и все свои щедрые таланты, «Сивилла» поставила на службу своему Отечеству.

Библиографический список

1. Hanoteau J. Preface // *Lettres du Prince Metternich à la comtesse Lieven*. 1818–1819. P.1909.
2. *Letters of Dorothea, Princess Lieven during her Residence in London*. 1812–1834. Ed. By L.Robinson. London: New York, 1902.
3. *The Private Letters of Princess Liven to Prince Metternich 1810–1826*. Ed. By Peter Quennell. – London, 1st edition 1937.
4. Sluga G. *Women, diplomacy and international politics before and after the Congress of Vienna // Women, diplomacy and international politics since 1500*. Ed. By Glenda Sluga and Carolyn James. Rountledge. London and New York, 2016.
5. Temperley H. *The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven together with some of her letters*. Lnd. 1925.
6. Ташьшина Н.П. Дарья Христофоровна Ливен: Исторические портреты // *Вопросы истории*. – 2007. №11.
7. Ташьшина Н.П. Княгиня Ливен. Нетитулованная королева европейской дипломатии. – СПб.: Евразия, 2021.

Нина Хайлова

**ДЕТСКИЙ МИР
В КИТАЕ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ.**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»)**

УДК
94(4+7)

В статье рассматривается отражение на страницах журнала «Вестник Европы» темы детства в Китае на рубеже XIX–XX вв. как попытка современников понять национальный характер китайцев. Отмечаются перемены в «детском мире» в связи с процессом европеизации. При этом подчеркивается, что в ходе реформ сохранились традиционные государственно-общественные устои и духовно-нравственные ориентиры. Это обеспечивало живучесть сложившейся веками модели семейного воспитания, основанной на неразрывном единстве поколений.

The article examines the reflection of the theme of childhood in China at the turn of the 19th and 20th centuries in the pages of the journal «Vestnik Evropy» as an attempt by contemporaries to understand the national character of the Chinese. Changes in the “children’s world” in connection with the process of Europeanization are noted. At the same time, it is emphasized that traditional state and social foundations and spiritual and moral guidelines were preserved during the reforms. This ensured the viability of the centuries-old model of family education, based on the inseparable unity of generations.

Ключевые слова: «Вестник Европы»; детский мир в Китае на рубеже XIX–XX вв.; европеизация; национальный характер китайцев.

Key words: «Vestnik Evropy»; children's world in China at the turn of the 19th and 20th centuries; Europeanization; national character of the Chinese.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Тема детства и юности всегда занимала важное место в старейшем российском либеральном журнале «Вестник Европы» (1866–1917). Проблемы воспитания и образования рассматривались в широком страноведческом контексте. Это отражало позицию основателя издания, профессора всеобщей истории М.М. Стасюлевича, чьи заслуги на ниве просвещения были высоко оценены еще современниками [8]. Убеденный в том, что «народное образование есть одно из самых надежных средств к защите страны и к охране ее интересов», ученый заявлял: «Даже и в минуты кровавых столкновений между народностями, когда решение международных вопросов предоставляется жребия войны, – даже и в такие минуты господства случая окончательный исход борьбы зависит от внутреннего развития страны, от ее экономического быта и качеств хозяйства и администрации» [6, с.12].

На рубеже XIX–XX вв. особый интерес к Китаю диктовало само время. В ситуации обострения противостояния великих держав на Дальнем Востоке России необходимо было укреплять свои позиции в регионе, развивать взаимодействие с соседним государством. При этом даже к началу XX в. для внешнего мира Китай продолжал оставаться «неразгаданным сфинксом» [9, с.174]. Редакция «Вестника Европы» последовательно стремилась к тому, чтобы представить читателям достоверную и многосложную картину жизни этой страны. Журнал знакомил свою аудиторию с экспертными мнениями, размещал информацию, поступавшую в редакцию непосредственно из Поднебесной империи (корреспонденции, статистические сведения, тексты документов, публикации периодической печати и т. д.).

«Неразгаданный сфинкс»

Китайская тематика освещалась в издании Стасюлевича под углом зрения европейца. Но европеец – европейцу рознь. С одной стороны, это тот «культурный и цивилизованный Запад», который высказывал «твердое намерение задавить окровавленными руками обесиленный Восток» [4, с.217]. Неприязненное отношение к Китаю существовало и в России. В частности, Н.М. Пржевальский настаивал на том, что это – «страна полудикая, закосневшая в своей полудикости и неспособная вступить на путь европейского прогресса» [2, с.793]. В 1887 г. вокруг его публикации разгорелась полемика, отраженная и на страницах «Вестника Европы». Оппонентом знаменитого путешественника выступил китаевед С.Георгиевский, который разделял мнение француза Ж.Симо-

на о том, что Китай – это «высокоцивилизованное государство» и что якобы «не Европа должна служить образцом для Китая, а Китай для Европы» [2, с.792]. Что касается позиции «Вестника Европы», то журнал прокладывал свою колею между упомянутыми крайностями. Непредвзято акцентируя исключительное своеобразие китайской жизни, он приветствовал приметы обновления и с оптимизмом оценивал перспективы этой страны.

Редакционная политика прослеживается и в освещении темы «Детский мир в Китае». Одноименная статья появилась в журнале в 1901 г. Ее автор, В.В.Корсаков (1854–1932), к тому времени пять лет прожил в Китае, выполняя обязанности врача русской дипломатической миссии в Пекине. Задаваясь вопросами, «с какими понятиями пришла в Китай Европа и каким мировоззрением, какими верованиями и знаниями жизни ответит европейцам китайский народ», Корсаков убежденно заявлял: «Одною мерой мерить духовную природу китайца и европейца нельзя. ... У китайца все свое: и детство, и отрочество, и старчество. У китайца – свое мышление и свое чувство, совершенно самобытное» [4, с.217–218]. Задавшись целью выяснить «хотя бы некоторые только черты народного характера», россиянин прежде всего заинтересовался жизнью и воспитанием детей в Китае, поскольку дети «составляют у всех народов их радость, их гордость, их надежду, веру в лучшее и стремление к этому лучшему». Корсаков подчеркивал, что именно особенности детской жизни в решающей мере определяли последующий характер взрослых, «так как детская жизнь в Китае тесно связана с жизнью взрослых и идет при одних и тех же самых бытовых, умственных, нравственных условиях и влияниях веками сложившегося и окрепшего склада народного мирозерцания». По убеждению русского исследователя, тесная духовная связь детей с родителями («застывшая в известных рамках») и создала тот «определенный и резко очерченный тип китайца», который представлялся европейцам «интересной загадкой» [4, с.218].

Олицетворением неразрывного единства поколений был культ семьи и почитания предков. Наряду с Корсаковым, этой стороне китайской жизни уделяли внимание и другие исследователи. По словам доктора медицины, автора публикаций на этнографические темы Э.В.Эриксона, «высшее счастье китайца – это "семейный очаг и близость праха предков"». Его не страшит преклонный возраст: «Чем меньше осталось жизни, тем больше почета и прав. Старик, оставляя многочисленное потомство, знает, что цель жизни достигнута, – у него есть семья, которая не разбредется по всем концам света, а будет из поколения в по-

Бог домашнего очага

коление у оставляемого им очага оберегать традиции предков, имя же его занесется в родовую табличку и будет предметом поклонения» [9, с.185, 190]. Приобщение детей к семейным ритуалам с раннего возраста формировало характерную черту китайца – «послушание младших старшим» [9, с.190].

В журнале указывалось, что именно атмосфера семьи определяла и такие черты национального характера, как «незлобивость, веселое добродушие, спокойствие». «Особенно симпатичны свою склонностью к юмору их дети», – замечал Эриксон [9, с.191]. При этом ученый подчеркивал разительные отличия китайской детворы от сверстников в Западной Европе и России: «В Китае шумных игр не встретишь ни в проулках, ни на дворах. ... В противоположность нашим детям, они не любят бегать и лазать, – душевное свойство, как будто передаваемое по наследству. И в детских не слышно громкого смеха и крика, как и отчаянных капризов, до топания о пол ногами включительно, что так обычно у нас, когда и няньки, и мамки, и родители унимают разбушевавшихся ребят». Эриксона поразило в китайских городах отсутствие плачущих и дерущихся на улице детей – именно той картины, которая сразу предстала перед его глазами по возвращении в Европу [9, с.191–192].

Авторы журнала, знатоки Китая, утверждали: уже в детском возрасте проявлялись зримые плоды нравственного и трудового воспитания в семье. «У китайцев в поразительно молодых годах разворачивается

самосознание, способность к критике и анализу окружающих явлений и к активному участию в борьбе за существование, – писал Эриксон. – В лавках 7–10-летние мальчики, под руководством отца или деда, тщательно выводят иероглифы и рисунки тушью на ящиках или посуде, ведут счет деньгам и прочее. Мальчик десяти лет уже может жить совершенно самостоятельно, в то время как у нас человек в двадцать три года сплошь да рядом все еще, "как учащийся", ... а предоставленный самому себе – по неприспособленности, слишком часто не в состоянии идти без помочей и легко падает "на дно" народного моря, превращаясь в тип "бывших людей"» [9, с.203].

**«В детстве давней,
седой старины...»**

В материалах «Вестника Европы» предлагался своего рода ключ к пониманию китайского народного характера, который формировался как бы в двух плоскостях: «духовно – китайский народ, живет, если можно так выразиться, в детстве давней, седой старины, а телесно, всеми своими помыслами, он ведет упорную и тяжелую борьбу за существование» [4, с.218]. В связи с этим особенное внимание обращалось на то, что вся жизнь китайца проходила в страхе перед многочисленными злыми демонами, которые, по народным поверьям, населяют не только воздух и воду, но и держат в своей власти все окружающие человека

предметы. Хотя, в противовес злым демонам, народ нашел себе защитников в добрых духах, однако, считалось, что злые демоны все-таки сильнее, а, значит, их необходимо всячески умилостивлять.

Корсаков подробно и красочно описывал некоторые ритуалы, связанные непосредственно с детьми. Так, например, он отмечал, что «с особенными предосторожностями совершается выход ребенка в первый раз из дому на улицу. Бабушка или мать, вынося ребенка, проходя мимо храма, или мимо колодца, или через мост, бросают в них деньги, дабы задобрить духов, хранителей храмовых ворот, духов, охраняющих колодцы и мосты». Сообщалось и об обычае китайцев надевать детям на шею глиняные и тростниковые свистульки, «чтобы в них собирать зловредный воздух и предохранять от его влияния детей». С этой же целью, по словам автора, в двери жилища втыкали ветки полыни. Определенные действия, освященные традицией, призваны были защитить ребенка и от «сглаза» [4, с.218–219, 221]. Авторы журнала констатировали широкое распространение у китайцев оберегов, в том числе детских (ладанки с пахучими лекарственными травами, амулеты в виде минерала и т. д.).

Разнообразные магические практики отражали тесную связь человека с окружающей природой. В мае, например, предпринимались меры предосторожности для защиты от ядовитых насекомых и пресмыкающихся: особым составом детям мазали уши и нос. «А на лбу делают водкой знак», – добавлял Корсаков, – которого якобы боится "даже тигр"». Особое значение для китайского народа как земледельческого имели обряды, направленные на предотвращение засухи, наводнений. «По верованиям китайцев, – упоминал тот же автор, – дождь и снег посылает на землю дракон». Вместе со взрослыми стараясь снискать расположение этого всемогущего существа, дети лепили из глины его изображения, били в барабаны и гонги, жгли жертвенные курения в храме, посвященном Владыке драконов, распевали посвященные ему гимны [4, с.220].

«Первый гром, молния, первый снег, все это полно значения для ребенка вообще, а для всякого китайца, в частности», – отмечал

Корсаков, фиксируя еще ряд поверий. Например, при виде молнии «следует остерегаться указывать на нее пальцем, иначе пойдут на пальце нарывы. Первый снег считается ядовитым, поэтому следует особенно стараться, чтобы он не попал в рот. Но второй снег считается хорошим, его собирают и на нем заваривают чай» [4, с.221].

В публикациях журнала отразилась и очевидная для китайца зависимость его жизни и хозяйства от космических тел и процессов во Вселенной. Взрослые и дети обращались к небесным силам (планетам, созвездиям), сопровождая просьбы земными поклонами, песнопениями. Напротив, падающая (т.н. «разбойничья») звезда, вселяя страх, побуждала китайца к иным действиям («при виде ее следует плюнуть»). Считалось также, что Луна оказывает влияние не только непосредственно на детей, но и на их одежду. В связи с этим «ночью не следует класть платье мальчиков и девочек на такое место, на котором падал бы на них свет луны или звезд» [4, с.220–221].

Подчеркивалось исключительное значение Нового года для китайцев («праздникам праздник»), особенно для детей, потому что с этого времени, в предчувствии весны, они покидали свое «домашнее заточение» и начинались игры на воздухе¹. «Снег в Китае, как и повсюду, доставляет детям большую радость: они играют им, собирают в комья и лепят разные фигурки». «Дети принимают самое широкое участие во всех празднествах новогодних» [4, с.221], – писал Корсаков. Приводя множество ярких подробностей этой традиции, он, в частности, сообщал, что «девочки вырезают из бумаги бабочек и одевают их на себя; мальчики играют на дудках, на глиняных трубах, жгут ракеты, гремят на трещотках, начинают пускать змей, катаются на коньках». Дети вносили свою лепту и в подготовку праздничной иллюминации, расставляя перед домами чашки с маслом и фитилями, которые зажигались вечером («плошки горят среди темноты ночи, как светляки»). На Новый год принято было дарить детям деньги как «талисман для дальнейшей жизни» [4, с.222].

Многообразие и разноцветье древних обычаев, которые пронизывали жизнь китайцев, не раз отмечалось в «Вестнике Европы». Общее мнение авторов сводилось к тому, что у китайцев «все – другое», свой «заколдованный мир». Встречалась и такая характеристика китайцев – «как дети» [1, с.579]. Мировосприятие взрослых, по сути, ничем не отличалось

¹ *В холодную же, ветреную погоду в начале зимы детворе приходилось «просиживать в домах, так как сама одежда китайская, состоящая из многочисленных, на вате стеганых одеяний, крайне тяжела, неуклюжа и мешает движению» [4, с.221].*

Дети запускают петарды

от детского взгляда на окружающее². Грань между старшими и младшими поколениями в семье была не особо ощутима в силу единства ритуалов, нацеленных, прежде всего, на практические нужды людей. Игровой элемент детских развлечений также был связан с реальной действительностью, помогая участникам различных забав осваивать окружающий мир и вступать в общий поток жизни. «У бедных дети с четырехлетнего возраста уже живут общими со взрослыми интересами, принимают участие и в домашних делах с повседневными заботами, и в народных празднествах» [9, с.191].

² В «Вестнике Европы» был приведен текст циркуляра китайского правительства, изданный зимой 1902 г., накануне лунного затмения. Этот документ, направленный во все европейские посольства (в том числе и российское), содержал следующее извещение: «Так как небесная собака собирается проглотить луну, то министерство церемоний получило предписание помешать этому злодейству. Поэтому приказано: бить в барабаны и бубны, стрелять, пускать петарды и ракеты, словом – стараться шумом напугать небесную собаку. Европейские посольства приглашаются не пугаться шума и не думать, что происходит опять восстание. Это только будет исполняться приказание министерства церемоний с целью помешать покушению небесной собаки» [11, с.486–487].

**Европеизация по-китайски
и «детский мир»**

В журнале Стасюлевича отражались и приметы новой жизни в Китае. Речь шла, прежде всего, о реформе образования в русле европеизации.

Стартовавшая в 1898 г., эта реформа затронула все слои населения³. Стартовым явлением в разных городах стали крупные пожертвования богатых китайцев на открытие низших школ. Дипломат и глубокий знаток Китая П. С. Попов писал тогда: «Едва ли какая-либо нация в мире начала коренные преобразования учебного дела с таким сравнительно значительным числом учебных заведений» [5, с.193]. А уже в 1910 г. сообщалось о значительном росте грамотности в стране (прежде всего, среди подрастающего поколения). Подчеркивалось, что несмотря на скромный уровень образования, оно «доступно всем и ценится всеми» [7, с.318]. В материалах «Вестника Европы» освещались успехи развития не только общего, но и специального образования в Китае. Больше всего желающих устремлялось тогда в земледельческие, технические, коммерческие училища, а также железнодорожные, топографические, ремесленные школы. Поощрением ремесел занималось не только государство, но и частные благотворители.

В 1907 г. один из авторов журнала, делаясь впечатлениями о пребывании в Китае, указывал на ярко выраженную особенность модернизации в этой стране: китайцы, заимствуя европейский опыт, сохраняли свою самобытность. Осматривая предновогоднюю ярмарочную торговлю в одном из городов, приезжий из России дивился «той приспособленности к европейским новшествам, из которых многие уже сами собой усвоены китайским народом и вошли спокойно в обиход его жизни». Наглядным примером служила бойкая торговля детскими фуражками и шапочками европейского образца: «Большинство подростков-детей уже щеголяют в европейского покроя картузиках, но этот европейский покрой переработан китайским вкусом. Картузики и шапочки все яркоцветные, с различными украшениями и вышивкой стеклярусов. Взяв образец европейца, китаец обратил его в свой» [3, с.596–597].

³ В Китае (как и в России) создавались учебные заведения двух типов (общеобразовательные и специальные), каждый из которых был представлен тремя уровнями образования (начальное, среднее, высшее). Обучение в низших школах первого разряда и учительских семинариях было бесплатным. Основой всего учебного дела считалась нравственность, выражением которой служили «преданность и сыновняя почтительность». Для воспитания этих качеств использовались, как и прежде, китайские классические книги, а в дополнение к ним шло преподавание западных наук («для развития ума и способностей»).

По поводу ассортимента игрушек сообщалось, что добрая половина из них – это поделки пекинских кустарей в подражание европейским образцам. Отмечая, что «продажа европейских игрушек идет бойко», автор обращал внимание на то, что большинство их носит технический характер. «Это – заводные из жести пароходы, лодки, вагоны, паровозы, велосипеды с ездоками, кареты и коляски с разодетыми европейскими дамами. Видны также в лавках европейские игрушечные ружья, барабаны, жестяные сабли» [3, с.597].

Путешественник приводил и подробности своего случайного общения с китайцем-продавцом, который буквально за рукав подвел его к шкафчику, где за стеклом находился «железнодорожный поезд с паровозом впереди, из трубы которого клубами валил дым». «"Хао бу хао? – хорошо? не хорошо?" – слышу вопрос торговца. "Хао", – отвечаю я. Надо было видеть, – вспоминал россиянин, – довольную улыбку, которая покрыла лицо торговца, быть может, самого кустаря, сделавшего этот поезд. "Хао", – повторил он, довольный. "Хао", – ответила окружившая нас толпа китайцев, столь же общительная и довольная». Итог размышлений автора сводился к следующему: «Всматриваясь в новую жизнь, которая мощно прорастает, заглушая обессиленный дряхлый Китай прожитых веков, я прихожу к убеждению, что Китай переработа-

ет и усвоит по-своему все то, что возьмет от Европы, оставшись все тем же вековым самобытным Китаем, который не отдаст себя ни под иго Японии, ни под власть Европы» [3, с.597].

Примечательно еще одно наблюдение посетителя ярмарки, связанное с предпочтениями китайцев при выборе игрушек. Он отмечал, что главный интерес как взрослых, так и детей, был сосредоточен не на игрушках в виде военных атрибутов, а на предметах детских развлечений, связанных с мирной жизнью и трудом. Отсюда следовал вывод: «В игрушке китаец оценил интерес, созидающий жизнь, а не разрушающий ее»; европейская мирная игрушка оказалась ближе уму и чувству китайца, нежели европейская модель ружья, сабли и пушки [3, с.598]. На страницах «Вестника Европы» не раз отмечалась особенность жителей этой страны – отсутствие благоговения перед военной силой⁴. Акцентировался вынужденный характер военной реформы в государстве: «Китай создал для себя вооруженный кулак, столь ему необходимый в данное время, чтобы отстоять свою самостоятельность в жизни бок о бок с Европой, но души народной он не вложил в этот кулак, а сохранил ее для мирного развития своих духовных сил» [3, с.597].

Таким образом, публикации «Вестника Европы» не подтверждали мнение о якобы неисправимом консерватизме китайцев. Наряду с дисциплинированностью и трудолюбием, подчеркивались их практический ум и деловая хватка. Не раз упоминалось о такой черте национального характера китайцев, как «жажда нового знания» [7, с.312], восприимчивость к новшествам⁵. На рубеже XIX–XX вв. под влиянием европейского опыта постепенно менялся и «детский мир» в Китае. Однако в ходе ре-

---

⁴Так, Э.В. Эриксон, отмечал, что «у китайцев нет песен, прославляющих военные подвиги, которыми полна вся история европейцев. Военачальники – в малом почете, слабо олицетворяют собою силу и власть и не пользуются нравственным влиянием на толпу. Заслуживает также упоминания, что у детей не наблюдается игр в солдатки или лошадки. ... Забавы китайцев – всегда мирного характера: пускание бумажных змеев, доставляющее величайшее удовольствие не только детям, но и взрослым, устройство боев сверчков, разные фокусы, пантомимы, обеды». По словам ученого, постройка Великой Китайской стены – свидетельство не только «замечательной трудоспособности» китайцев, но и «отсутствия воинственности» у этого народа [9, с.183–184, 192]. Мнение о том, что «китайцы не любят воевать», а «военное звание в их глазах – что-то позорное», подтверждали и русские боевые офицеры [10, с.443].

⁵«Жажда реформ и знакомства с успехами европейских культур охватила уже в Китае лучшие слои общества», – отмечалось в журнале в начале 1905 г. Автор статьи выступил с предвидением: «Когда волна естественно-научных завоеваний и построенных на них технических изобретений проникнет в недра страны, Китай без сомнения развернет колоссальную рабочую и умственную силу, с которой нам, как ближайшим соседям, придется считаться прежде всего» [9, с.211].

форм сохранялись вековые государственно-общественные устои и духовно-нравственные ориентиры. Это обеспечивало живучесть традиционной модели семейного воспитания.

Библиографический список

1. Верещагин А.И. По Манчжурии. 1900–1901. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902. №2. С. 573–627.
2. Георгиевский С. Два исследователя Китайской империи. По поводу статьи г. Пржевальского «Современное положение Центральной Азии» и книги Ж.Симона «Срединное царство» // Вестник Европы. 1887. №8. С. 777–806.
3. Иовль В. Пекин зимою // Вестник Европы. 1907. №12. С. 585–599.
4. Корсаков В.В. Детский мир в Китае // Вестник Европы. 1901. №5. С. 217–226.
5. Попов П.С. Проблески пробуждения Китая. Письмо из Пекина // Вестник Европы. 1899. №1. С. 186–206.
6. Стасюлевич М.М. Педагогическая хроника // Вестник Европы. 1866. Т.3 (сент.). С. 1–28.
7. [Т.] Новое образование в Китае // Вестник Европы. 1910. №4. С. 312–328.
8. Хайлова Н.Б. Либерал-центрист М.М.Стасюлевич и народное просвещение в России в конце XIX – начале XX в. // Мыслящие миры российского либерализма: Графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956). Материалы Международного научного colloquiuma. Москва, 29–31 мая 2011 г. М.: «Белый Ветер», 2012. С. 173–186.
9. Эриксон Э.В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям // Вестник Европы. 1905. №1. С. 174–211.
10. [W.] Из жизни на Дальнем Востоке. Июнь 1900 г. – март 1903 г. // Вестник Европы. 1904. №4. С. 433–478.
11. [W.] Из жизни на Дальнем Востоке. Июнь 1900 г. – март 1903 г. // Вестник Европы. 1904. №6. С. 466–491.

Даниил Вартазарьян

**МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
И ФРАКЦИЯ КАДЕТОВ
В III ДУМЕ:
ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(1907–1912)**

УДК

94(47)“1907/1912”:[329.12:328.18]

В статье рассматривается конструирование стратегий взаимодействия Министерства иностранных дел и Конституционно-демократической фракции в период работы III Государственной думы (1907–1912). В эти годы особенно заметно стремление сотрудников дипломатического ведомства к сотрудничеству с парламентариями, в том числе и с оппозицией. При этом автор уделяет внимание не только контактам упомянутых акторов в рамках повседневной работы нижней палаты парламента, но и неформальным практикам сотрудничества – важному каналу взаимоотношений чиновников с представителями общественности. Обоснован вывод о том, что именно в исследуемый период общественное мнение начинает играть заметную роль и в формировании курса внешней политики Российской империи.

This article examines the development of the strategies of interaction between the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire and the Constitutional-Democratic faction during the period of the III State Duma (1907–1912). The desire of the diplomatic staff to cooperate with the deputies, including the oppositional ones, is especially evident during these years. Whereby, the article focuses not only on their interaction during the formal work of the lower chamber of parliament, but also on informal practices of cooperation, that had become an important channel of communication between the government officials and the public representatives. Thus, during these years public opinion begins to play a significant role in shaping the course of foreign policy of the Russian Empire.

Ключевые слова: Государственная дума; Министерство иностранных дел; Конституционно-демократическая партия; внешняя политика; политическая повседневность.

Key words: State Duma; Ministry of Foreign Affairs; Constitutional-Democratic party; international relations; political everyday life.

E-mail: typedanya@gmail.com

С периодом деятельности Государственной думы третьего созыва связан новый этап в отношениях между депутатами и Министерством иностранных дел. Кадеты тогда утратили позицию думского большинства и перешли к более умеренной стратегии. В ее рамках конституционные демократы были готовы к сотрудничеству с правительством. При этом и чиновники дипломатического ведомства стремились к взаимодействию с парламентариями и общественностью [33, с.284]. В связи с этим не только хозяйственные вопросы, но и общие проблемы внешнеполитического курса Российской империи становились объектом многочисленных парламентских дискуссий. Важным элементом разработки и реализации внешней политики была признана опора на общественность. Вопросы международных отношений в 1907–1914 гг. приковывали внимание всего общества, особенно представителей либеральных партий. Поражение в Русско-японской войне в определенной степени послужило поводом для выработки кадетами теоретических представлений о внешнеполитическом курсе России. Особый интерес к вопросам международных отношений проявлял лидер партии кадетов П. Н. Милюков. Многие его однопартийцы обладали широкой сетью связей с зарубежными политиками и общественными деятелями [23, с.309], что, в свою очередь, повышало интерес Министерства иностранных дел к сотрудничеству с кадетами.

Первые проблематика механизмов взаимодействия исполнительной и законодательной власти в Российской империи начала XX в. была комплексно проанализирована в работе К. А. Соловьева. Он отметил интерес руководителей Министерства иностранных дел А. П. Извольского и С. Д. Сазонова к развитию контактов с широкой общественностью, настрой на ее регулярное информирование о деятельности ведомства [33, с.470]. К такому же выводу пришел и Д. Ливен, который указал на особое значение проблем внешней политики для представителей Конституционно-демократической партии. В кадетской среде он выделил П. Н. Милюкова и П. Б. Струве, которые обладали разветвленной сетью связей как в российском дипломатическом ведомстве, так и за рубежом [22, с.191]. Упомянутые сюжеты встречаются и в исследованиях других авторов [36, р. XIV; 6, с.365; 7]. Однако в этих публикациях не затрагиваются механизмы повседневного взаимодействия сотрудников МИДа и членов думской фракции кадетов как в стенах Таврического дворца, так и за его пределами. Даже в обстоятельных трудах Е. Г. Костриковой вопросы сотрудничества дипломатического ведомства с общественностью рассматриваются

без конкретизации применительно к каким-либо определенным политическим силам [19; 20; 21]. Автор обосновывает лишь суммарный вывод о том, что общественное мнение в изучаемый период занимает особое место в вопросе формирования внешнеполитической доктрины [19; с. 61]. Таким образом, очевидно, что вопрос взаимодействия парламентской оппозиции и одного из ключевых правительственных ведомств требует дальнейшей разработки.

Заметим, что стенографические отчеты Государственной думы отражают лишь формальную (причем зачастую ограниченную цензурой, а также самоцензурой ораторов) сторону отношений МИДа и конституционно-демократической фракции. В связи с этим особенно важны источники личного происхождения – письма, дневники, заметки, которые позволяют проследить неформальные контакты упомянутых участников политического процесса. Ценные сведения содержатся также в мемуарах кадетов и чиновников министерства.

На пути к взаимопониманию

Взаимодействие сотрудников Министерства иностранных дел с кадетской фракцией прослеживается еще на начальном этапе работы III Думы.

Внимание депутатов привлекло выступление министра А.П.Извольского (27 февраля 1908 г.), приуроченное к обсуждению законопроекта о преобразовании российской дипломатической миссии в Токио в посольство. Оратор сконцентрировал свое внимание на ключевых претензиях общественности к работе дипломатического ведомства в предыдущие годы. Он признал «архаичность» прежнего уклада в министерстве и отметил необходимость коренных преобразований в системе управления учреждением, а также в организации заграничных дипломатических миссий [12, стб.113]. Извольский прокомментировал и обвинения министерства в развязывании войны между Россией и Японией, которые, по его словам, не соответствовали действительности. По его мнению, следовало наладить тесные политические и экономические связи с этой страной, что позволило бы обеспечить мир на Дальнем Востоке [12, стб.114–115].

Примечательна в связи с этим реакция П.Н.Милюкова. Лидер кадетов, прежде всего, обратил внимание на позитивные изменения в Министерстве иностранных дел. Он отметил, что опора на общественное мнение и сотрудничество с депутатами не только будут способствовать эффективной реорганизации дипломатического ведомства, но также

Зал заседаний Государственной думы
Российской империи в Таврическом дворце

«спасут впредь страну от вмешательства неответственных дипломатов в регулярную деятельность ведомства» [12, стб.120]. Однако Милюков скептически оценил перспективы российской политики на Дальнем Востоке и идею сближения с Японией, указав на «излишний оптимизм» министра [26; 27; 28].

Обсуждение внешнеполитических вопросов продолжилось на заседании 4 апреля 1908 г., на котором Извольский осветил проблемы ближневосточной политики Российской империи. Примечательно, что оратор особенно подчеркнул значимость темы не только для депутатов, но и для «широких кругов русского общества» [12, стб.1763]. По словам руководителя ведомства, России следовало придерживаться принципа «здорового эгоизма» при осуществлении балканской политики.

С комментарием по поводу выступления министра вновь выступил Милюков. Он призвал Извольского к более решительному и активному вовлечению в дела Ближнего Востока, особенно в контексте двадцатилетнего «ухода» России из этого региона. Лидер оппозиционной фракции также подверг сомнению «оптимизм» министра по поводу отношений с Австро-Венгрией [12, стб.1787]. Другой кадет, М.С.Аджемов, поставил в заслугу Извольскому положительные изменения внутри Министерства иностранных дел, в том числе в его структуре. Оратор обратил внимание на тот факт, что сотрудники ведомства учли замечания депутатов касательно хозяйственных вопросов работы министерства, высказанные членами нижней палаты еще при обсуждении сметы во II Государственной думе. Более того, под конец своего выступления Аджемов подчеркнул

важность сотрудничества дипломатии и общественности, заявив следующее: «Министерство иностранных дел должно ясно сознавать, что только то государство сильно в международных отношениях, которое имеет в виду внутренний голос страны» [12, стб.1763].

П.Н.Миллюков

А.П.Извольский

Таким образом, в первые месяцы работы III Государственной думы отчетливо прослеживаются характерные черты взаимодействия Министерства иностранных дел и фракции кадетов. Извольский демонстрировал готовность к тесному сотрудничеству с общественностью и депутатским корпусом. Что касается кадетов, то, несмотря на публичную поддержку министра, соратники Миллюкова со скептицизмом отнеслись к внешней политике Российской империи на Дальнем Востоке и Балканах. В целом, настрой кадетов выразил их лидер: «Несогласие оппозиции со взглядами некоторых ведомств очень часто возрастает до размера принципиального и резкого противоречия. Но я должен сказать, что такого разногласия не имеется по отношению к представителю нашего ведомства иностранных дел...» [12, стб.119–120].

От согласия к противоречиям: реакция на аннексию Боснии и Герцеговины В условиях, когда большинство депутатов Государственной думы выступило в поддержку курса Министерства иностранных дел,

А. П. Извольский предпринял попытку пересмотра ограничений в проходе российских военных кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы (согласно Лондонской конвенции 1871 г.). Путем заключения соглашения с Австро-Венгрией (которое предполагало признание Боснии и Герцеговины российским правительством) он надеялся найти международную поддержку в этом вопросе. Министр осознавал, что любые политические изменения на Балканах в пользу Австро-Венгрии могут вызвать резкую критику со стороны российского общества. Об этом говорилось в его письме к товарищу министра иностранных дел Н. В. Чарыкову, где подчеркивалась необходимость работы с прессой и общественностью, которые в противном случае могут «пойти по ложному пути» [5, с. 124].

В октябре 1908 г. австро-венгерское правительство объявило об аннексии Боснии и Герцеговины, отметив при этом поддержку Российской империи, что вполне закономерно вызвало негодование и критику дипломатического ведомства. В «Новом времени» заявляли о том, что «невозможно же, чтобы Россия осталась равнодушной свидетельницей того, как немцы поджигают Балканы... и распоряжаются славянами как бессловесным стадом» [24]. В октябрьском «Голосе Москвы» указывали на нарушение Австро-Венгрией условий Берлинского трактата, а саму аннексию называли «великой ошибкой» [9]. При этом авторы публикаций призывали Извольского воспользоваться текущей ситуацией и потребовать пересмотра некоторых негативных для России положений трактата [8]. Кадетская «Речь» обрушилась с критикой на министра иностранных дел, так как тот, зная о готовящейся аннексии, не предотвратил ее. Однако авторы заметки поддержали заявление Извольского о компенсациях¹. По их словам, изменившийся баланс сил на Балканах требовал и пересмотра существующих конвенций в пользу России [29].

---

¹ *Соглашение А. П. Извольского с австро-венгерским министром иностранных дел бароном Эренталем, подписанное в результате встречи в Бухлау в сентябре 1908 г., предполагало признание со стороны Российской империи аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на поддержку Австро-Венгрией пересмотра Лондонской конвенции 1871 г., запрещавшей проход российских военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы (см. Кострикова Е. Г. Государственная Дума России и реформирование Министерства иностранных дел // Отечественная история. 2007. № 1. С. 47–48).*

Уже на первом заседании 2-й сессии Государственной думы депутаты подвергали критике действия правительства. Представитель конституционно-демократической фракции В.А.Маклаков отметил, что защита национальных интересов России и, в целом, «русского национального достоинства» требует участия широких кругов общественности, которая призвана стать «опорой и поддержкой в его (правительства. – В.Г.) дальнейшей работе» [13, стб.22–23].

В сложившейся ситуации А.П.Извольский стремился заручиться поддержкой Государственной думы несмотря на то, что Совет министров препятствовал его появлению в парламенте [19, с. 49]. 12 декабря 1908 г. глава дипломатического ведомства выступил в Таврическом дворце. В его речи был затронут вопрос аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Отметив ключевую роль Российской империи на Балканах (поддержку и отстаивание прав славянских государств), министр предпринял попытку убедить депутатов в необходимости дипломатического разрешения этого конфликта [13, стб.2624]. В связи с этим он признал насущной потребностью ведение в депутатской среде разъяснительной работы по вопросам международной политики.

Милюков вновь ответил министру с трибуны парламента. Приветствуя стремление Извольского к информированию общественности и выстраиванию «истинной национальной политики» [13, стб.2678], кадетский оратор критически высказался относительно общего курса российской дипломатии на Ближнем Востоке и реакции на аннексию Боснии и Герцеговины. Примерно в таком же ключе вышла и заметка в кадетской «Речи». Выступление главы внешнеполитического ведомства характеризовалось как «единственное светлое пятно на сером и грязном фоне дневного заседания», но при этом акцентировалось несоответствие «теории и практики» в заявлениях Извольского [30].

Кризис в отношениях кадетов и МИДа

Дальнейшее развитие событий на Балканах, которое привело к закреплению международных позиций Австро-Венгрии и принятию

Сербией ультиматума Вены, вызвало критику действий министерства иностранных дел. Так, кадет Ф.И.Родичев на заседании ЦК партии, комментируя положение на Балканах, заявил, что «плохая политика Извольского есть прямое следствие общей беспринципности русской политики» [25, с.336]. Подобные претензии высказывали и другие члены

партии. Это указывает на то, что поражение дипломатии на Балканах нанесло серьезный удар прежним взаимоотношениям конституционных демократов и сотрудников Министерства иностранных дел. Именно поэтому на последующих заседаниях Государственной думы соратники П. Н. Милюкова перешли к активной критике МИДа. 20 октября 1909 г. на заседании Бюджетной комиссии они поставили вопрос о необходимости форсирования затянувшейся реформы центрального управления внешнеполитического ведомства [10, с. 3–10].

Кризис во взаимодействии кадетов и чиновников министерства отчетливо проявился на заседании 2 марта 1910 г. Кадетские ораторы, комментируя речь А. П. Извольского, ответственность за дипломатические неудачи в значительной мере возлагали на руководителя ведомства и его ключевых сотрудников [14, стб. 2756–2761]. К этому времени сам Извольский уже изменил свой подход к общению с думской оппозицией, перейдя от достаточно тесного сотрудничества с парламентом к редкому осведомлению депутатов по вопросам внешнеполитического курса. Кадеты же после аннексии Боснии стали гораздо критичнее относиться как к политике министерства, так и к личности его руководителя. В их риторике акцентировалось внимание на неспособности министра проводить политику в соответствии с «национальными интересами», что, по убеждению кадетов, и стало причиной неудач русской дипломатии.

Осенью 1910 г. Извольский подал в отставку и был назначен послом в Париж, а ведомство возглавил С. Д. Сазонов. В определенной степени эти кадровые перемены можно связать с широкой общественной критикой. Вероятно, сказался также конфликт отставного министра с главой правительства П. А. Столыпиным, вызванный тем, что Извольский не поставил в известность Совет министров о тайных переговорах с австрийским министром иностранных дел бароном Эренталем летом–осенью 1908 г.).

Что изменилось при новом министре?

При Сазонове сам министр иностранных дел и его сотрудники гораздо реже стали появляться в Государственной думе с разъяснениями по вопросам внешней политики, что ограничивало возможность депутатов влиять на решения МИДа. На заседании 2 марта 1911 г., на котором отсутствовали ключевые представители ведомства, П. Н. Милюков призвал к возобновлению заведенной А. П. Извольским

традиции «излагать перед Государственной думой итоги внешней политики, обмениваться мнениями с парламентом, искать поддержки общественного мнения» [15, стб.3301]. В кадетской прессе от дипломатии требовали следования «определенной национальной доктрине» [32]. Критика дипломатического ведомства звучала на заседании думской Бюджетной комиссии при обсуждении сметы расходов на 1912 г. [11, стб.5–16].

С.Д.Сазонов

Реакцией на выступления общественности стала речь Сазонова в Таврическом дворце в апреле 1912 г., в которой он осветил некоторые вопросы ближневосточной политики и отношений России с государствами Европы, реагируя на высказанные ранее вопросы и претензии депутатов [16, стб.2154]. К примеру, его заявления относительно

франко-русского союза призваны были развеять тревожные слухи о переориентации российской дипломатии на союз с Германией.

Комментируя речь министра, Милюков, в целом, критически оценил работу МИДа. По его словам, русское общество лицемерило «полный развал ведомства» [16, стб.2185]. Кадетский лидер характеризовал положение России на международной арене как нестабильное, не исключив высокую вероятность войны на Балканах на фоне сербско-болгарских противоречий. Он выразил недоверие Сазонову, который говорил о возможности «сохранения мира» в этом регионе.

Заканчивая свое выступление, глава думских кадетов выразил сожаление, что российская дипломатия, характеризующаяся отсутствием единой доктринальной основы, базируется не на национальных интересах, а на сиюминутных «капризах безответственных дипломатов» [16, стб.2242].

Действующие лица и площадки неформальных контактов

При А. П. Извольском Министерство иностранных дел начинает активно сотрудничать с представителями общественности и искать поддержку в их среде. Так, в октябре 1908 г. глава ведомства поручил товарищу министра Н. В. Чарькову (лично знакомому с П. Н. Милюковым) подготовить общественное мнение к готовящейся аннексии Боснии и Герцеговины [5, с. 124]. Этот факт во многом объясняет умеренную реакцию конституционных демократов в Государственной думе и отсутствие критики действий Министерства иностранных дел в начальный период этого кризиса.

В свою очередь, связи Милюкова с дипломатическим ведомством не ограничивались упомянутым контактом. Среди его знакомых был, в частности, Г. Н. Трубецкой, издатель журнала «Московский еженедельник», летом 1912 г. назначенный главой Ближневосточного департамента [23, с. 385]. Трубецкой, в свою очередь, состоял в переписке с чиновником МИДа А. А. Гирсом, призывая его к более тесному взаимодействию министерства с общественностью [3, лл. 8–12]. Милюков нередко виделся и с Извольским, в том числе на совещаниях, организованных П. А. Столыпиным [23, с. 305; 18, с. 140]. Известно, что и после отставки министра и назначения его на пост посланника в Париже кадетский лидер обращался к нему по различным вопросам [1, л. 1].

Одной из ключевых площадок для неформального общения чиновников с представителями общественности являлись различные

общественные организации. Среди них был Петербургский клуб общественных деятелей, учрежденный в середине 1905 г. преимущественно членами «Союза 17 октября». Нередко в его мероприятиях участвовали сотрудники Министерства иностранных дел. Так, Ю. Я. Соловьев встречался в клубе с «новыми народными представителями» [34, с. 175], М. А. Таубе читал лекции по вопросам международных отношений, а А. А. Гирс состоял членом ученой комиссии. Представители Клуба не декларировали партийную принадлежность своего объединения. Несмотря на преобладание там октябристов, заседания посещали и кадеты, к примеру, А. А. Мануйлов и И. В. Гессен [4, лл. 29–30]. Таким образом, площадка Петербургского клуба общественных деятелей предоставляла возможность неформальных встреч как конституционным демократам, так и сотрудникам министерства.

Еще одним примером подобных организаций может служить «Общество мира», учрежденное в 1909 г. в Москве. Ключевые позиции в нем занимали кадеты, председателем был П. Д. Долгоруков, а назначаем – А. Р. Ледницкий [17, с. 183]. Примечательно, что именно соратники Милюкова играли заметную роль в пацифистском движении России, которое привлекало и многих чиновников. Среди них – сотрудник Министерства иностранных дел М. А. Таубе, имя которого связано с подготовкой второй Гаагской конференции. В конце 1909 г. по приглашению Долгорукова он прочитал в Обществе доклад [2, лл. 1–3; 31]. Таубе был членом-учредителем Петербургского отдела «Общества мира», в деятельности которого участвовали многие представители кадетской партии, в том числе Милюков.

Представители Министерства иностранных дел уделяли особое внимание сотрудничеству с периодическими изданиями. Так, при Извольском был создан в ведомстве Отдел печати (вместо Газетной экспедиции, в которой начинал карьеру сам министр). Организация этого Отдела была поручена А. А. Гирсу, тесно связанному с многими общественными деятелями [3, лл. 1–7]. Чиновники МИДа нередко обращались к прессе (в том числе либеральной) за публичной поддержкой. К примеру, в преддверии Боснийского кризиса Извольский, предполагая негативную реакцию общественности, поручил Н. В. Чарыкову «подготовить общественное мнение и печать». Министр рассчитывал, в частности, на содействие кадетской «Речи» [5, с. 125].

Немаловажную роль отводили печати и кадеты. П. Н. Милюков регулярно помещал в «Речи» статьи и заметки по вопросам международных отношений [23, с. 186]. По словам А. В. Тырковой, он

был убежден в том, что не только его выступления в парламенте, но и публикации в партийной газете оказывают влияние на Извольского и, в свою очередь, на общий курс внешней политики Российской империи [35, л. 72].

Таким образом, очевидно, что изучение практики взаимодействия Министерства иностранных дел с фракцией кадетов в III Государственной думе позволяет углубить понимание сущности политического процесса на очередном переломе российской истории. Неформальные контакты чиновников и общественных деятелей объективно открывали «окно возможностей» для оптимального решения вопросов внешней политики России с учетом ее национальных интересов.

Библиографический список

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.579. Оп.1. Д.4490. Письмо Извольского-посла во Франции П.Н.Милокову.
2. ГА РФ. Ф.596. Оп.1. Д.171. Письма Долгорукова Павла Дмитриевича к Таубе Михаилу Александровичу.
3. ГА РФ. Ф.892. Оп.1. Д.245. Письма кн. Трубецкого Григория А.А.Гирсу.
4. ГА РФ. Ф.1820. Оп.1. Д.3. Списки членов и посетителей С.-Петербургского клуба общественных деятелей. Черновик.
5. Бестужев И.В. Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса // Исторический архив. 1962. №5. С.113–147.
6. Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М.: АПКИППРО, 2010. 368 с.
7. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–1917 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 432 с.
8. Голос Москвы. 1908. №223. 26 сентября.
9. Голос Москвы. 1908. №224. 27 сентября.
10. Государственная дума. Третий созыв. Доклады Бюджетной комиссии. Сессия III. Т.1. СПб.: Гос.тип., 1910. 27 см.
11. Государственная дума. Третий созыв. Доклады Бюджетной комиссии. Сессия V. Т.2. СПб.: Гос.тип., 1912. 27–29 см.

12. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч.2. СПб.: Гос. тип., 1908. 2962 стб.
13. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Ч.1. СПб.: Гос.тип., 1908. 3152 стб.
14. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Ч.2. СПб.: Гос.тип., 1910. 3164 стб.
15. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия IV. Ч.2. СПб.: Гос.тип., 1911. 3722 стб.
16. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч.2. СПб.: Гос.тип., 1912. 3822 стб.
17. Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / Под ред. Т.А.Павловой, П.Брока, Р.М.Илюхиной, Л.Клиппенштейна и А.О.Чубарьяна. М.: ИВИ РАН, 1997. 374 с.
18. Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М.: Изд-во «Петроград», 1924. 192 с.
19. Кострикова Е.Г. Государственная Дума России и реформирование Министерства иностранных дел // Отечественная история. 2007. №1. С.40–62.
20. Кострикова Е.Г. «Мост через пропасть». Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века» // Российская история. 2010. №5. С.183–193.
21. Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914 гг. М.: ИРИ РАН, 2007. 410 с.
22. Ливен Д. Навстречу огню: Империя, война и конец царской России. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 431 с.
23. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1999. 528 с.
24. Новое время. 1908. №11690. 27 сентября.
25. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М.: Прогресс-Академия, 1994. Т.1. 528 с.
26. Речь. 1908. №49. 27 февраля.
27. Речь. 1908. №50. 28 февраля.
28. Речь. 1908. №52. 1 марта.
29. Речь. 1908. №230. 26 сентября.
30. Речь. 1908. №306. 13 декабря.
31. Речь. 1909. №302. 3 ноября.
32. Речь. 1911. №61. 4 марта.
33. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 511 с.
34. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Изд-тво соц.-эк. литературы, 1959. 416 с.

35. Тыркова А.В. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н.И.Канишева. М.: РОССПЭН, 2012. 1111 с.

36. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918. Ithaca; London: Cornell University Press, 1996. 379 p.

Кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти.

Никколо Макиавелли

Оценка нами кого-либо во многом зависит от того, как это лицо относится к нашим интересам и страстям.

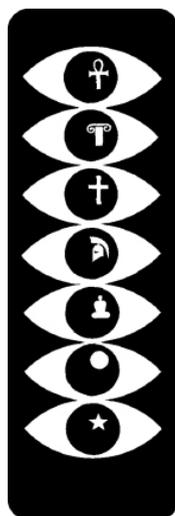
Томас Бабингтон Маколей

Государственный деятель
без партии – ничто.

Рональд Сайм

Ты вправе мыслить иначе,
чем твоя эпоха, но не вправе
одеваться иначе.

Мария фон Эбнер-Эшенбах

Сергей Новоточинов

**«ОН ВЕРИЛ В СВОЮ
ЗВЕЗДУ...»:**

**А.И.ГУЧКОВ
И ПРАВЯЩИЕ КРУГИ
В 1907–1911 гг.**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).083+328.183

Статья посвящена неформальным практикам взаимодействия лидера Союза 17 октября А.И.Гучкова с ключевыми политическими фигурами – премьер-министром П.А.Столыпиным и императором Николаем II. Рассматриваются процесс и результаты неформального взаимодействия, в котором Гучков видел способ укрепления как собственного политического авторитета, так и позиций партии. Несмотря на ряд достигнутых успехов, произошедший в 1910–1911 гг. провал проводимой Гучковым тактики стал началом заката сотрудничества между правительством и октябристами.

The article is devoted to informal practices of interaction between the leader of the Union of 17 October, A.I.Guchkov, and key political figures, Prime Minister P.A.Stolypin and Emperor Nicholas II. The article examines the process and results of informal interaction, in which Guchkov saw a way to strengthen his own political authority and the party's positions. Despite a number of successes achieved, the failure of Guchkov's tactics in 1910–1911 marked the beginning of the decline of cooperation between the government and the Octoberists.

Ключевые слова: неформальное взаимодействие; А.И.Гучков; Союз 17 октября; П.А.Столыпин; Николай II; Государственная Дума.

Key words: Informal Interaction; A.I.Guchkov; Union of October 17; P.A.Stolypin; Nicholas II; The State Duma.

E-mail: sergey21.149@gmail.com

Перспективным направлением исследования политической истории Российской империи после октября 1905 г. является анализ неформального взаимодействия между Государственной думой и правительством. Речь идет о контактах между депутатами и членами Совета министров, осуществлявшихся не на основе формальных процедур, а вне публичного пространства, в частном порядке («за чашкой чая») [13, с.83]. На этих встречах шел поиск компромисса по законодательным инициативам, заключались договоренности. Таким образом, думцы и чиновники имели возможность влиять на позиции друг друга [20, с. 128].

Одним из ключевых эпизодов в этом процессе является неформальное взаимодействие высшего исполнительного органа власти с партией Союз 17 октября и, прежде всего, ее лидером А.И.Гучковым. Он также возглавлял думскую фракцию октябристов (самую многочисленную в III Думе), которая поддерживала курс Столыпина. О тесных контактах Гучкова с премьер-министром было хорошо известно, что отражено в широком круге источников, включая дневники и воспоминания современников [9, с.59, 63, 72; 17, с.44, 78–82].

А.И.Гучков

**Выстраивание
взаимодействия**

Важную роль в складывании диалога с премьер-министром сыграли события, предшествовавшие 3 июня 1907 г. Как вспоминал Гучков, его

знакомство со Столыпиным состоялось еще в апреле 1906 г. благодаря брату последнего – А.А.Столыпину, сотруднику «Нового Времени» и члену партии октябристов [5, с.45–46]. Встреча не прошла бесследно. В июле того же года, сразу после назначения на пост председателя Совета министров, Петр Аркадьевич начал переговоры с общественными деятелями с целью привлечения их в правительство. Столыпин отмечал, что имя Александра Ивановича было первым, на котором он остановил свой выбор [1, л.59].

По мнению Гучкова, роковую роль в провале переговоров сыграло умонастроение Николая II. Еще в 1905 г., при первой встрече с императором, когда речь шла о революционных событиях в стране и ходе русско-японской войны, лидер октябристов был недоволен отсутствием у монарха твердой позиции [5, с.33–35]. 20 июля 1906 г., во время аудиенции в Петергофе, Александр Иванович был поражен спокойствием и уверенностью самодержца в спаде революционной волны, что предопределило отказ октябриста от вхождения в правительственный кабинет [5, с.48–49].

Однако на отношения Гучкова и Столыпина это не повлияло. Новый премьер-министр оставался при мнении, что сотрудничество между правительством и обществом в лице Государственной думы необходимо для подавления революционного движения и проведения необходимых стране реформ, а сама Дума как институт лишь укрепит монархию [24, р.23]. Гучков разделял идею «сильной руки» в борьбе с революционным движением. В интервью «Новому времени» он поддержал инициированное Столыпиным «Положение» о военно-полевых судах. Это привело к резким переменам в партии октябристов.

Основатели Союза 17 октября, Д.Н.Шипов, П.А.Гейден и М.А.Стахович, в знак протеста вышли из руководящего состава. В результате в верхах партии была исключена возможность противовеса Гучкову и его политике. Сам он заручился как лидер поддержкой рядовых членов организации. Это обеспечило поворот октябристов в сторону сотрудничества с правительством. Последним шагом на пути к сближению стала поддержка Союзом 17 октября третьеиюньского переворота, который был инициирован и осуществлен Столыпиным для сохранения представительства и в интересах партии октябристов [цит. по: 8, с.29].

П.А.Столыпин в своем рабочем кабинете в Зимнем Дворце

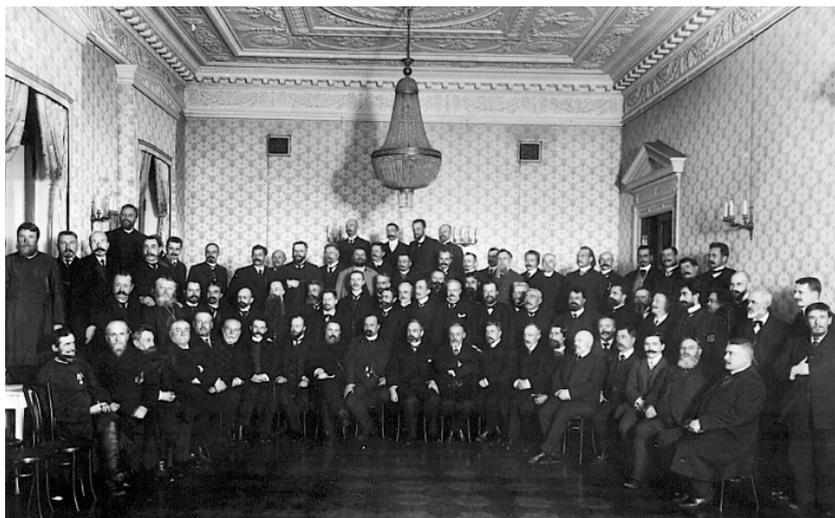
Думская работа

Показательным примером сотрудничества Гучкова и Столыпина в III Думе служит деятельность по решению задачи реформирования Морского ведомства. Здесь в одно целое сплелись две проблемы: 1) функционирование надведомственного Совета государственной обороны (СГО), членство в котором великих князей, по мнению Гучкова, усложняло систему управления и формировало вокруг царственных особ благоприятную для коррупции среду [6, с. 66], и 2) вопросы финансирования Морского ведомства. Думская Комиссия по государственной обороне (КГО) во главе с Гучковым отказывала в выдаче кредитов на новую крупную судостроительную программу, пока Морское министерство не проведет серьезные реформы внутри своего ведомства [17, с. 38–41].

Столыпин оказывался между двух огней: с одной стороны, это – Гучков и другие депутаты, требующие реформ в военных ведомствах империи, а, с другой, – Николай II, который считал недопустимым вмешательство Думы в работу правительства. Премьер понимал необходимость упомянутых реформ и сочувствовал умонастроениям депу-

татов Комиссии по государственной обороне. Вместе с тем Столыпин был серьезно ограничен в своих действиях волей монарха, который требовал скорейшего принятия решения по судостроительной программе [22, с. 79–81, 84]. В этой ситуации именно неформальное взаимодействие между премьер-министром и лидером октябристов позволяло найти точки соприкосновения. Так, Столыпин убеждал Гучкова и депутатов в том, что правительство и он лично не находятся в конфликте с народными избранниками и считают обоснованным их недоверие в отношении Морского ведомства. Гучков платил той же монетой. Понимая трудность положения премьер-министра, он смягчил свою речь по поводу ассигнований на флот [22, с. 82].

Эта история имела свое продолжение в 1910 г., когда на неформальном совещании Столыпин собрал у себя Гучкова с другими депутатами и морского министра Воеводского, чтобы направить в конструктивное русло работу ведомства и Государственной Думы [15, с. 98]. Позиция лидера октябристов по вопросу о необходимости реформы Морского ведомства была принята во внимание. Через несколько месяцев на собрании Совета министров Столыпин указал на целесообразность ревизии Морского ведомства. Премьер подчеркнул, что на этом настаивает Государственная дума, при поддержке которой министерство наконец сможет получить кредиты на свои нужды [15, с. 99].

Думская фракция Союза 17 Октября

Неформальное взаимодействие Гучкова со Столыпиным не исчерпывается упомянутой историей с военными ведомствами. Летом 1908 г. премьер-министр пригласил А.И.Гучкова вместе с другим депутатом-октябристом, П.В.Каменским, для обсуждения угрозы возникновения металлургической монополии в России [1, л.90]. В конце ноября на такого же рода совещании Столыпина и думского большинства в лице октябристов, посвященном предстоящему обсуждению аграрного законодательства, стороны пришли к компромиссу: Министерство внутренних дел не будет возражать против октябристских поправок, а думское большинство во главе с Союзом 17 октября проголосует за правительственный законопроект [цит. по: 16, с.67].

На председательском посту

Избрание Гучкова председателем Государственной думы в марте 1910 г. вывело его сотрудничество с представителями высшей бюрократии на новый уровень. Это событие было значимо для обеих сторон.

У Столыпина появился шанс стабилизировать думский центр в лице октябристов и националистов, на которых премьер делал ставку в условиях нарастания сопротивления правительственному курсу [17, с.37]. Что касается Гучкова, то пост главы нижней палаты открывал для него реальную перспективу для укрепления позиций Союза 17 октября, к тому времени пережившего несколько кризисов и страдавшего низкой партийной дисциплиной. Кроме того, новый статус лидера октябристов расширил возможности полуофициальных встреч и бесед. Так, по воспоминаниям помощника председателя Думы, Я.В.Глинки, Гучков мог целые дни посвящать переписке с министрами и самим премьером, а также вести с последним телефонные разговоры [9, с. 71, 80].

Можно говорить о том, что начало 1911 г. стало пиком подобного неформального взаимодействия. П.А.Столыпин приобрел способ напрямую влиять на регламент и характер работы Государственной думы, а А.И.Гучков – максимально близкий контакт с правительством и возможность узнавать всю информацию из первых рук. Так, в ходе переговоров между председателем Думы и премьером было достигнуто соглашение о плане законодательных работ в Думе и рассмотрении законопроектов, принципиально важных для правительства [14, с.389–390].

Кроме того, председательский пост предоставлял Гучкову ранее недоступную для него возможность установления постоянного контакта с Николаем II через право личного доклада. Важно понимать, что фор-

мальная, законодательная основа для такого контакта отсутствовала в принципе – ни Манифест 20 февраля 1906 г., ни Наказы Думы подобную процедуру не предусматривали. Председательский доклад появился как неформальный прецедент благодаря совместной работе секретаря II Думы М.В.Челнокова и министра императорского двора В.Б.Фредерикса, которые смогли устроить председателю Ф.А.Головину аудиенцию у императора [19, с.400]. В III Думе эта процедура уже стала стабильной практикой. При достижении личного расположения Николая II председатель мог оказывать влияние на отношение монарха к Думе и его позицию по вопросам, рассматриваемым в нижней палате. В таком русле действовал предыдущий председатель, Н.А.Хомяков, которому удалось смягчить позицию императора в связи с отказом Думы выделить средства на морское перевооружение [12, с.38]. Так планировал действовать и Гучков, надеясь в ходе докладов императору расширять рамки возможного.

Николай II

Выдвижение Гучкова на пост председателя Думы стало неожиданностью для его товарищей по партии. «Кандидатура Гучкова резала

нас насмерть», – такие настроения господствовали среди октябристов, отмечавших, что политик необходим им в первую очередь как лидер фракции. Тем не менее избрание Гучкова состоялось, а уже на следующий день (10 марта 1910 г.) он был удостоен аудиенции у императора [4, л. 8–9].

Прием прошел успешно: по рассказам самого лидера октябристов, Николая II интересовали вопросы введения в Западном крае земства, местного суда, устройства крестьян. Зашла речь и о флоте. Император признался Гучкову, что старая организация морского дела не заслуживала доверия, но даже после смены кадров, на которую пошел Николай II, ситуация кардинально не изменилась [11, с. 350; 15, с. 96]. Военная тема (вопросы реформирования и перевооружения сухопутной армии) неоднократно обсуждалась и на последующих аудиенциях. Этим был недоволен военный министр, Владимир Сухомлинов. Бывший с Гучковым в натянутых отношениях, он считал, что председатель Думы нарушает прерогативы власти правительства и самого монарха [18, с. 222–223].

Интересно, что уже через неделю после первой аудиенции Александра Ивановича у императора в Царское село прибыл помощник военного министра А. А. Поливанов со всеподданнейшим докладом. Разговор, в частности, зашел о недавно прошедшем военном концерте и об отказе Думы выделить средства на поддержание оркестра (балалаечников). Император закончил шуткой, что «потребуется от Гучкова выделить этих денег» [Цит. по: 15, с. 97].

Встречи с Николаем II и полученный от него кредит доверия глава нижней палаты, как уже отмечалось ранее, пытался использовать как возможность для расширения взаимодействия Союза 17 октября с монархом. Так, в ноябре 1910 г. аудиенции был удостоен председатель бюджетной комиссии Думы М. М. Алексеенко, что, видимо, произошло с подачи Гучкова. Появились слухи, что глава думской комиссии может заменить В. Н. Коковцова на посту министра финансов. «Алексеенко давно метит в министры... это дело Гучкова, а, может быть, и самого Столыпина...» – воскликнул по этому поводу граф А. А. Бобринский [10, с. 140]. Представляется, что упомянутый визит во многом был обусловлен энтузиазмом октябристов, возникшим после отчета Гучкова о собственной аудиенции 20 ноября 1910 г. Партийное собрание высказалось даже за то, чтобы в следующий раз представиться императору всей фракцией, причем это намерение планировалось осуществить в ту же думскую сессию, поскольку следующая – последняя, предвыборная – будет «не совсем удобна для такого представления» [3, л. 66–67]. Происходившее кор-

религовало как с изначальным стремлением Гучкова превратить право личного доклада императору в инструмент укрепления позиций Союза 17 октября, так и с ролью монарха в рамках октябристской идеологии, согласно которой император выполняет консолидирующую миссию, выходящую над классовыми интересами [19, с. 62].

Провал и разрыв

Однако в планах Гучкова произошел непредвиденный сбой. В ходе визита в Царское село 17 ноября 1910 г. он обсуждал с монархом очень широкий круг вопросов, в том числе явно не входивших в сферу компетенции Думы и прежде никогда не поднимавшихся на собеседованиях «самодержца всероссийского» с председателями Думы [19, с. 401]. Гучков отмечал, что Николай II встретил его очень милостиво, а прием продолжался один час двадцать минут. Император рассказал о результатах своей Потсдамской встречи с кайзером Вильгельмом II, высказав мнение о том, что «Германия теперь занята своими внутренними делами, и ей сейчас совершенно не до войны с нами».

Председатель Думы, в свою очередь, сетовал на беспорядки в сухопутном и морском ведомствах, которые потратили выделенные им деньги не на военное строительство, а на уплату старых долгов. Николай II отнесся к словам Гучкова с большим вниманием и на следующий день пригласил к себе военного министра В.А. Сухомлинова, сообщив тому о замечаниях, высказанных А.И. Гучковым, и попросив принять меры по исправлению этих недочетов [3, л. 65об].

Во время обсуждения итогов этой встречи с сопартийцами Гучков попросил их не передавать полученные от него сведения никому, включая корреспондентов. Однако сам он раскрыл подробности беседы с императором не только членам своей фракции, но и в заседании сенатор-конвента, как тогда называли представителей фракций при Президиуме Государственной думы. В результате информация ушла в печать и вскоре стала известна не только общественности [17, с. 81; 10, с. 139], но и Николаю II. С этого момента отношение царя к Гучкову круто изменилось. Император воспринял как личное оскорбление факт такой широкой огласки содержания его бесед с председателем Думы. Это сказалось на характере следующей аудиенции в феврале 1911 г., получить которую Гучкову удалось с трудом. Император встретил октябристского лидера холодно и формально, и, едва выслушав доклад о текущих вопросах, поспешил завершить общение [17, с. 82]. Былое доверие между ними было

утрачено навсегда. Впоследствии Николай II называл Гучкова подлецом и считал своим врагом.

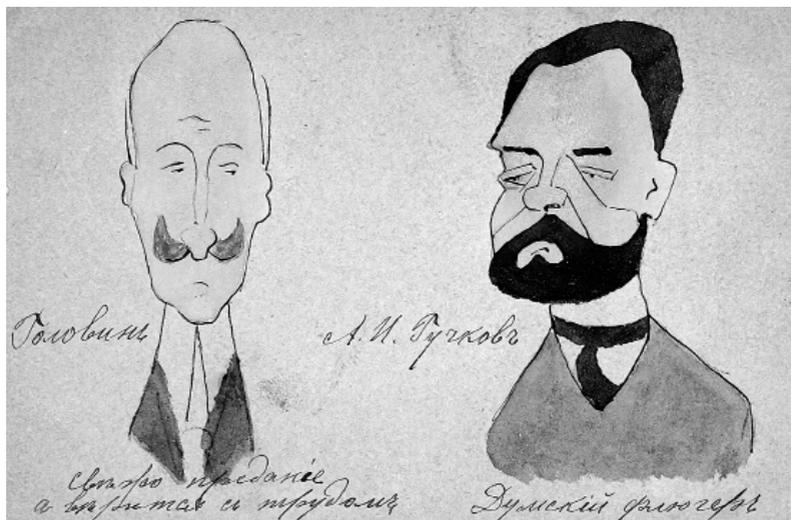
Вскоре произошел поворотный момент и во взаимоотношениях Гучкова со Столыпиным. Это случилось в связи с перипетиями законопроекта о введении земств в Западном крае. Октябристы и националисты стали главной опорой Столыпина в Думе, обеспечившей принятие законопроекта в Таврическом дворце и преодоление оппозиции слева [23, р. 42]. Отказ Государственного совета утвердить документ оказался полной неожиданностью для обеих партий, которые в тот же день, 11 марта, повторно поставили на обсуждение в нижней палате то же законодательное предложение. А уже на следующий день А.И.Гучков получил указ о перерыве в работе Думы на три дня. Среди народных избранников начали распространяться слухи о причине такого указа, а вероятность использования Столыпиным 87-й статьи¹ для прохождения закона вызвала возмущение у депутатов большинства фракций [9, с. 81].

Гучков попытался предотвратить шаг, на который решился премьер. Задействовав неформальный канал связи с главой правительства, лидер октябристов сразу же после ознакомления депутатов с упомянутым указом отправил Столыпину письмо. Председатель Думы подчеркивал, что использование 87-й статьи является нарушением самостоятельности законодательных учреждений и может «водворить в стране настоящий хаос». Он предупреждал о проблемах, которые неминуемо возникнут после принятия законопроекта в чрезвычайном порядке [2].

Гучков резко осудил действия Столыпина и в беседе с представителями печати. При этом он дал согласие на публикацию содержания разговора при обязательном соблюдении двух условий: чтобы текст был предъявлен ему предварительно для просмотра и чтобы его мнение было представлено с соблюдением анонимности. Такие требования объясняются политической тактикой Союза 17 октября. Решимость октябристов демонстрировать перед избирателями независимость от правительства (что приобретало все большую важность в свете грядущих выборов в Думу) октябристы сочетали с заботой о поддержании условий для переговоров с властью. Гучков продолжал сохранять надежду на то, что премьер-министр изменит свое решение. Однако Столыпин стоял на сво-

---

¹ 87-я статья Основных государственных законов предусматривала возможность принятия законопроекта в чрезвычайном порядке, когда не действует Государственная Дума. Законодательное предложение представлялось непосредственно императору, но при этом должно быть рассмотрено Думой в течение двух месяцев после возобновления ее работы.

Шарж на председателей Государственной Думы Ф.А.Головина и А.И.Гучкова (авт. В.Каррик)

ем и даже во время личной встречи с лидером октябристов дал понять, что не собирается отказываться от намеченного плана.

В этот раз компромиссного решения найдено не было: Гучков фактически выдвинул ультиматум, подчеркнув, что Государственная дума не примет закон, пройденный по 87-й статье. В ответ на это Столыпин заявил, что при таком исходе событий он уйдет в отставку [17, с. 74]. Последний шанс для Гучкова спасти ситуацию, используя свои неформальные связи с премьер-министром, был утрачен. Хотя политическая идея Союза 17 октября во многом предусматривала сотрудничество с правительством, тем не менее, имея в виду перспективы развития страны, октябристы ставили во главу угла правовой принцип, верховенство закона [19, с. 65–66]. Очевидно, что расширительное толкование этого юридического положения и применение верховной властью чрезвычайного законодательства (на основе 87-й статьи Основных государственных законов Российской империи, принятых в 1906 г.) наносило удар по упомянутому принципу, ставя под вопрос и продолжение сотрудничества октябристов с правительством [21, с. 293–295]. «Столыпин вновь победил, но это была его пиррова победа», – писал по этому поводу Н.Савич [17, с. 74].

14 марта законопроект о западных земствах был принят. В тот же день Гучков подал в отставку с поста с председателя Государственной думы в знак протеста против действий Столыпина. Это означало завершение

их совместной работы. В конце марта Александр Иванович отправился на Дальний Восток в продолжительное путешествие. В следующий (и последний) раз им довелось увидеться лишь в августе 1911 г., буквально за день до отъезда Столыпина в Киев.

Заключение

Неформальные контакты А.И.Гучкова с правящими кругами оказались значимым фактором российской политической жизни в период работы III Государственной думы. Полуофициальные встречи лидера октябристов (в качестве председателя нижней палаты) с главой правительства позволяли не только сглаживать острые углы в отношениях народных избранников и верховной власти, но и приходило к соглашению по ряду вопросов, обеспечивая достижение целей обеих сторон в законодательной работе. «Он (Гучков. – *Н.С.*) верил в свою звезду, в свое умение ладить с людьми, подчинять их своему влиянию» [17, с. 80], – это мнение современников не раз оправдывалось. Вместе с тем ряд неудач Гучкова во взаимодействии с ключевыми фигурами Российской империи (Николаем II и Столыпиным) сыграл роковую роль в закате его «звезды». Излишняя самоуверенность (в случае общения с императором) и отстаивание принципиальной позиции – защиты прав народного представительства (в период кризиса, связанного с прохождением законопроекта о введении земства в Западных губерниях), в итоге фактически свели на нет не только сотрудничество между правительством и Союзом 17 октября, но и политическую карьеру Гучкова. Уже после смерти Столыпина деятельность партии октябристов будет все больше приобретать оппозиционную направленность, а причастность Александра Ивановича к так называемой распутинской истории лишь усугубит неприязненное отношение Николая II к бывшему председателю Государственной думы.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.670.
2. ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.693.
3. РГИА, Ф.669. Оп.1, Д.3.
4. РГИА. Ф.1278. Оп.3. Д.158.
5. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Предисл. В.И. Старцев, коммент. и примеч. С.М.Ляндрес и А.В.Смолин. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.

6. Афанасьев Г.Ю. Вопросы реорганизации управления российскими вооруженными силами в деятельности А.И.Гучкова – председателя комиссии по государственной обороне (I сессия III Государственной думы, 1907–1908 гг.) // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: История и политич. науки. 2010. №1. С.65–68.
7. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. 604 с.
8. Гайда Ф.А. Идея и практика парламентаризма в политике П.А.Столыпина // Таврические чтения-2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г. Сб. науч. статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б.Николаева. СПб.: Астерион. 2021. Ч. I. С.27–33.
9. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста, биогр. словарь и коммент. Б.М.Витенберга. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 400 с.
10. Дневник А.А.Бобринского // Красный архив. 1928. №1(26). С.127–150.
11. Дневник А.А.Киреева. 1905–1910 / Сост., вступ. ст., коммент. К.А.Соловьева. М.: РОССПЭН, 2010. 472 с.
12. Куликов С.В. Николай II и парламентаризм (1906–1917) // Таврические чтения-2008. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 16 дек. 2008 г. Сб. науч. статей / Под ред. А.Б.Николаева. СПб: б. и.,, 2009. С.16–75.
13. П.А.Столыпин глазами современников / Под общ. ред. П.А.Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2008. 367 с.
14. П.А.Столыпин. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. 704 с.
15. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М.: Высший военный редакционный совет, 1924. Т. I. 240 с.
16. Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / Под ред. А.И.Миллера и К.А.Соловьева. М.: Квадрига, 2021. 788 с.
17. Савич Н.В. Воспоминания / Вступ. ст. Н.Рутыча, ред. И.Наровлянская. СПб.; Дюссельдорф: Логос; Голубой всадник, 1993. 421 с.
18. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1924. 438 с.
19. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
20. Соловьев К.А. За «чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906–1914 гг.: неформальные практики // Таврические чтения-2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 19 окт. 2012 г. Сб. науч. статей. / Отв. ред. А.Б.Николаев. М.: ЭлекСис. 2013. С.131–150.
21. Соловьев К.А. Союз 17 октября. Политический класс России: взлет и падение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 344 с.

22. Чирков А. А. Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.): Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2016. 270 с.

23. Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire // Transactions of the American philosophical society. Vol. 73, part 3. Philadelphia, 1983. 90 p.

24. Hosking G. A. The Russian Constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 281 p.

Мирон Малафай

**«ВМЕСТЕ С НИМИ ВЫ ИЗДАВНА
РАСПАТЫВАЛИ УСТОИ СВЯЩЕН-
НОГО ЦАРСКОГО ТРОНА...»**

**ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ
Г.Е.ЛЬВОВА НА СТРАНИЦАХ
ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ 1920–1930-х гг.**

УДК

930

В статье рассматриваются оценки политической и общественной деятельности председателя Временного правительства России и Главного комитета Всероссийского земского союза Г.Е.Львова, отраженные в печати Русского Зарубежья 1920–1930-х гг., формирование которого стало следствием Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Источниковую основу работы составляют такие периодические издания Белой эмиграции, как «Последние новости», «Русская газета», «Двуглавый орел», еженедельник «Высший монархический совет», «Русская летопись», «Воля России» и мемуары современников князя Г.Е.Львова. Также в статье затрагиваются оценки представителями Белой эмиграции работы Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей, сохранявшего преемственность по отношению к дореволюционным земским учреждениям, первым председателем которого был Г.Е.Львов.

The article examines the assessments of the political and social activities of the Chairman of the Russian Provisional Government and leader of the Union of Zemstvos Georgy Lvov, reflected in the press of the Russian Diaspora in the 1920–1930s, the formation of which was a consequence of the October Revolution and the Civil War. The sources of the article are such periodicals of the White émigré as «Poslednie novosti», «Russkaia gazeta», «Dvuglavyi orel», «Vysshii monarkhicheskii sovet», «Russkaia letopis'», «Volia Rossii» and memoirs of contemporaries of Prince Georgy Lvov. The article examines the assessments by representatives of the White émigré of the work of the Russian Zemstvos and Towns Relief Committee of Russian Citizens Abroad, which maintained continuity in relation to pre-revolutionary Russian zemstvo, the first chairman of which was Georgy Lvov.

Ключевые слова: Георгий Евгеньевич Львов; русская эмиграция; периодическая печать; Земгор; русское дворянство.

Key words: Georgy Yevgenyevich Lvov; Russian immigration; periodicals; Zemgor; Russian nobility.

E-mail: mir-97@mail.ru

Революционные потрясения 1917 г. в России, Гражданская война и победа в ней РККА с дальнейшим становлением советского политического режима привели к формированию Русского Зарубежья численностью 1,5–2 млн человек [29, с. 49], расселившихся преимущественно в странах Европы, США и на Дальнем Востоке. Русские беженцы в странах-реципиентах проходили новый этап социализации, в котором сохранение национальной идентичности и преемственности по отношению к дореволюционной России, осуществление коммуникации и консолидации происходило с помощью периодических изданий, которые затрагивали практически все аспекты жизни эмиграции. На страницах эмигрантской прессы 1920–1930-х гг. широкое освещение своей политической и общественной деятельности получил делегат Государственной Думы I созыва от партии кадетов, один из основателей и председатель Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земских и городских союзов (Земгора) и первый министр-председатель Временного правительства России князь Г.Е. Львов (1861–1925).

Биография князя Г.Е.Львова

Он родился 21 октября (2 ноября) 1861 г. в Дрездене, однако вскоре семья переехала в село Поповку, которое являлось имением князей Львовых в Алексинском уезде Тульской губернии, где и прошло его детство [13, с.20]. Род Львовых принадлежал к высшей аристократии и вел свое происхождение от Рюрика [13, с.25–26]. В результате Крестьянской реформы 1861 г. и последовавших за ней изменений положения российского дворянства в социальной структуре Российской империи его семья, несмотря на разорение после падения крепостного уклада, оказалась в «лагере новых сил» [13, с.25], представители которого приспособились к новым социально-экономическим условиям. В своих незавершенных воспоминаниях он писал о тех изменениях так: «Все воспоминания мои связаны не с защитой и отстаиванием уходящего прошлого, а с наступательным движением вперед, с борьбой во всех направлениях за новые формы жизни. На рубеже между старой и новой жизнью семья наша не была захвачена тою лавиной имущественного и духовного оскудения, которые описал так ярко Сергей Атава. Мы вступили в борьбу с трудностями новой жизненной обстановки и отстояли свою семейную культуру и достоинство, не прибегая к искательству, не полагая надежд на потомственные преимущества и привилегии и милости свыше, что стало обычной дорогой спасения для разорившейся массы поместного дворянства, не сумевшего

справиться с жизненным переворотом. Из всех сил мы карабкались и выдирались из развалин прошлого, выучились работать, узнали цену труда и постигли отраду творчества в нем» [13, с. 25].

Г.Е. Львов окончил Поливановскую гимназию, считавшуюся лучшей в Москве [13, с. 118], а в 1885 г. юридический факультет Московского университета, выбор которого был обусловлен «жизненными соображениями практического свойства» [13, с. 161]. С 1900 г. по 1906 г. он был председателем Тульской губернской земской управы, после чего оказывал помощь переселенцам в Сибири, на Дальнем Востоке, Приморском крае, а в период Русско-японской войны возглавлял отряд Красного Креста в Маньчжурии. В 1913 г. был избран московским городским головой, но его кандидатура была отклонена министром внутренних дел Н.А. Маклаковым.

В период Первой мировой войны князь Г.Е. Львов внес значительный вклад в деятельность Земгора, приобретя огромную популярность и уважение широких кругов общественности, а в 1917 г. стал первым главой Временного правительства России, однако в июле ушел в отставку. Т.А. Аксакова-Сиверс в своих мемуарах писала, что еще весной 1917 г. стало ясно, что «кн. Львов не справляется с ролью главы Временного правительства» [3, с. 284]. После Октябрьской революции он примкнул к Белому движению и стал частью русской эмиграции, где сконцентрировался на вопросах оказания помощи беженцам.

Князь Г.Е. Львов

Роль русской эмигрантской прессы в Европе

Рассматривая периодические издания Белой эмиграции, стоит выделить ежедневную газету правого крыла партии кадетов «Руль», которая была основана при участии И.В.Гессена, А.И.Каминки и В.Д.Набокова и являлась преемником «Речи». Она издавалась в 1920–1931 гг. в Берлине, ставшем в 1920-х гг. одним из важнейших культурных и политических центров Русского Зарубежья. В различные периоды ее редакторами были И.В.Гессен, Н.И.Радин, Г.В.Офросимов, Р.И.Штейн, А.А.Аргунов, А.Л.Бем, А.И.Каминка, А.А.Кизеветтер, С.С.Маслов и В.Е.Татионов. Главным конкурентом газеты «Руль» являлись «Последние новости», ежедневная газета левого крыла кадетской партии, основанная в 1920 г. журналистом М.Л.Гольдштейном и издававшаяся в Париже. В 1921 г. редколлегию, в ко-

торая рассматривая периодические издания Белой эмиграции, стоит выделить ежедневную газету правого крыла партии кадетов «Руль», которая была основана при участии И.В.Гессена, А.И.Каминки и В.Д.Набокова и являлась преемником «Речи». Она издавалась в 1920–1931 гг. в Берлине, ставшем в 1920-х гг. одним из важнейших культурных и политических центров Русского Зарубежья. В различные периоды ее редакторами были И.В.Гессен, Н.И.Радин, Г.В.Офросимов, Р.И.Штейн, А.А.Аргунов, А.Л.Бем, А.И.Каминка, А.А.Кизеветтер, С.С.Маслов и В.Е.Татионов. Главным конкурентом газеты «Руль» являлись «Последние новости», ежедневная газета левого крыла кадетской партии, основанная в 1920 г. журналистом М.Л.Гольдштейном и издававшаяся в Париже. В 1921 г. редколлегию, в ко-

Первая страница №97 газеты «Руль»

торую входили М.М.Винавер, А.И.Коновалов, В.А.Харламов, возглавил П.Н.Миллюков. С 1920 г. по 1940 гг. вышло 7015 номеров. Там же с перерывами в 1918–1922 гг. и 1928–1933 гг. выходила газета В.Л.Бурцева «Общее дело», отличавшаяся резкими антибольшевистскими публикациями и сочувствием к идеям Белого движения. В Париже под редакцией П.Б.Струве и Ю.Ф.Семенова в 1925–1940 гг. издавалась и газета «Возрождение», которая, по мнению Великого князя Николая Николаевича-младшего, должна была «способствовать объединению здорового ядра Зарубежной России вокруг основных начал, которые могли объединить широкие слои эмигрантской общественности» [4].

Значительное число периодических изданий русской эмиграции в Париже объясняется тем, что уже в начале 1920-х гг. он стал одним из основных политических центров Русского Зарубежья, а ко второй половине десятилетия местом сосредоточения философско-религиозной и литературной мысли диаспоры. К тому же число русских беженцев во Франции стремительно увеличивалось к началу 1930-х гг., а бывшие союзники России по Антанте «широко открыли двери своей страны», где, однако, формирование социального капитала осложнялось закрытым характером французского общества, в особенности его высших слоев [24, с. 128].

Из числа монархических изданий стоит отметить основанный в Берлине И.А.Ильиным журнал «Русский колокол» с говорящим подзаголовком «Журнал волевой идеи». В период 1927–1930 гг. вышло девять номеров периодического издания, а немалая часть статей в нем принадлежала его создателю, который выработал «программу журнала, тон его, необходимые темы» [30]. Среди авторов журнала были такие представители консервативной части Русского Зарубежья, как П.Н.Краснов, А.А.фон Лампе, Г.А.Шереметев, Л.И.Львов, И.С.Шмелев. Близкой к монархическим кругам являлась «Русская газета», издававшаяся под редакцией Г.А.Алексинского, Е.А.Ефимовского и А.И.Филиппова в 1923–1925 гг. в Париже. Кроме того, в столице Германии в 1921–1926 гг. выходил еженедельник Высшего монархического совета, созданного в результате деятельности Первого монархического съезда, прошедшего в мае 1921 г. в баварском местечке Рейхенгалль. Там печатались публикации Великих князей Александра Михайловича, Кирилла Владимировича и Николая Николаевича-младшего, Б.Л.Бразоля, П.Н.Врангеля, М.К.Дитерихса, Е.А.Ефимовского, Н.Е.Маркова, А.М.Масленникова, Е.К.Миллера, А.А.Мосолова, С.С.Ольденбурга, Н.Д.Тальберга и др. Также при участии членов Высшего монархического совета на средства А.Н.Крупенского (бывшего бессарабского губернского предводителя дворянства) издавался журнал

«Двуглавый орел» [?], выходявший в Берлине в 1920–1922 гг. и в Париже в 1926–1931 гг., где печатались Великие князья Александр Михайлович, Дмитрий Павлович и Кирилл Владимирович, русский общественный деятель князь Д. Д. Оболенский, князь Д. П. Голицын–Муравлин и др.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ

14 (27) СЕНТЯБРЯ 1921 г.
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая	
Свѣдѣя памяти Императора Николая II	Б. Арсеньев.
Севастополь	Г. Немировичъ Данченко.
Подѣйна понятій	А. Роговичъ.
Мертвая вѣра	Б. Туръ.
‘Спасайте еврея	Лукьяновъ.
Не съ того конца	В. Востоковъ.
Германія и Монархическая Россія	Т. Локоть.
О вертикальной войнѣ	Кн. Дм. Голицынъ Муравлинъ.
Все для отечества, все для социализма	Лондонецъ.
Открытое письмо	фанъ Зонъ.
Картини съ Дальняго Востока	Е. Семчевская.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ», BERLIN W. 62,
Courbièrestr. 16.

Типография ЛАНДС и КО, Берлинъ Штернштрассе, Вольмарштрассе 49

Содержание шестнадцатого выпуска журнала «Двуглавый орел»

Оценки князя Г.Е.Львова в печати Русского Зарубежья

Рассматривая деятельность князя Г.Е.Львова в Государственной думе I созыва, политический деятель и один из основателей газеты «Последние новости» М.М.Винавер охарактеризовал его как одного из парламентариев «самобытной русской складки», прослойка которых сформировалась в результате полувековой работы земств [8]. Среди сильных сторон личности Г.Е.Львова он отмечал его способность примирять людей с противоположными взглядами и организовывать политический

процесс, но подчеркивал при этом неумение князя работать с широкими слоями населения, в силу чего тот не справился с обязанностями главы Временного правительства [8]. По мнению М. М. Винавера, политические взгляды Г. Е. Львова стали более консервативными после работы над «обращением от лица Думы к населению», внесенным В. Д. Кузьминым-Каравасвым и ставшим одним из поводов для ее роспуска, а далее выразились в его отказе подписать «Выборгское воззвание» [8], изданное в ответ на Манифест 9 июля 1906 г. (О роспуске I Государственной думы).

Отражение деятельности Г. Е. Львова во Временном правительстве представлено на страницах журнала «Двуглавый орел» в отрывке воспоминаний “*La révolution russe*” [2] французского писателя Жана Шопфера, известного под псевдонимом Клод Анет, который был свидетелем революционных событий 1917 г. [28, с. 556]. Вспоминая встречу с князем Г. Е. Львовым, состоявшуюся 8 марта 1917 г., автор писал об оптимизме председателя Временного правительства насчет царившего в армии спокойствия и его оценках деятельности земских организаций после падения самодержавия [2]. По мнению Г. Е. Львова, земства, в силу масштабной деятельности в период Первой мировой войны, фактически заняли места губернаторов в деле организации продовольственной помощи армии и помогли Временному правительству рекрутировать кадры, которые заменили дореволюционных губернаторов и вице-губернаторов, в результате чего «огромный русский административный механизм не остановился ни на один день» [2]. Также князь утверждал, что в результате революционных потрясений число человеческих жертв было незначительным, объясняя это «неиссякаемой добротой русского сердца» [2].

В «Последних новостях» приводились строки из польского издания «Курьер польский», под которым, вероятно, подразумевалась популярная ежедневная газета «Курьер варшавский», выходившая в 1821–1939 гг. Там обвинения в адрес князя Г. Е. Львова в приходе большевиков к власти считали необоснованными, так как они игнорировали объективные обстоятельства, которые сложились к 1917 г. [18]. Особую роль среди них отводили национально-освободительным движениям на территории бывшей Российской империи [18]. В статье подчеркивалось, что для Польши имя князя Г. Е. Львова было связано прежде всего с изданием манифеста Временного правительства, признавшего ее независимость [18].

Значимым этапом в жизни князя Г. Е. Львова была его деятельность на посту председателя Российского Земско-городского комитета помо-

щи российским гражданам за границей (Земгор), который был создан путем слияния временных главных комитетов Земского и Городского союзов и Объединения земских и городских деятелей в 1921 г. в Париже [14, с. 550]. Важность последней организации в вопросе оказания помощи русским беженцам после Крымской эвакуации и их перемещения на территорию Франции подчеркивал русский общественно-политический деятель А.А.Титов, стоявший у ее истоков и занимавший в ней пост товарища председателя [16]. Совецание по вопросу создания заграничного Земгора произошло 22 января 1921 г., а приглашение на него было разослано в Земский и Городской союз и деятелям, которые принимали активное участие в его работе как до 1917 г., так и после [16]. В 1921 г. был открыт информационный отдел организации, заведующим которого был политический деятель и член партии социалистов-революционеров В.В.Руднев [7]. При участии членов Земгора в 1921–1930 гг. издавался «Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей». Комитет сохранял преемственность по отношению к Всероссийскому земскому союзу и занимал особое место среди общественных объединений Белой эмиграции. Хотя аполитичный характер организации и подчеркивался [14, с. 549], она вместе с ее председателем подвергалась критике с разных политических флангов русской диаспоры.

Так, в статье А.И.Гучкова и политического деятеля В.Д.Кузьмина-Караваева, принимавших участие в работе Временного правительства и Совета общественных деятелей в 1917 г., опубликованной в монархическом издании «Русская газета», рассматривалось обращение Собрания Земских и Городских Гласных во Франции и Русского Парламентского Комитета в Париже к председателю Совета Послов М.Н.Гирсу по поводу деятельности Земгора и князя Г.Е.Львова [12]. По мнению авторов статьи, Земгор оказывал незначительную помощь беженцам, растрачивая государственные деньги, а его учреждение являлось попыткой группы эсеров, образовавших Комитет Учредительного Собрания, получить доступ к распоряжению казенными средствами [12]. Лидеры организации рассчитывали, что демократическая и социалистическая окраска Комитета, прикрытая «флагом Земско-городской России», должна была способствовать притоку средств на помощь беженцам из иностранных источников. В то же время авторы утверждали, что поддержка благотворительных организаций, содержащихся на средства Земгора, должна сохраниться, хотя он окончательно и дискредитировал себя в глазах Русского Зарубежья, отколовшись от общерусского беженского дела в во-

просе репатриации [12]. Редактор этого же издания А.И. Филиппов обвинял князя Г.Е. Львова в соглашении с крупной фирмой “Gaston, Williams & Wigmore”, согласно которому 800 тыс. долларов, которые числились на счетах российского финансового агентства С.А. Угета, исполнявшего обязанности финансового атташе Российского посольства в США, переходили в личное распоряжение бывшего главы Временного правительства [27]. После революции фирма наложила арест на указанную сумму и подала иск в адрес Земгора на 370 тыс. долларов за поставленную в Россию сельскохозяйственную технику, однако пришла к взаимному соглашению с Г.Е. Львовым из-за отсутствия доказательств основательности претензий с ее стороны [27]. В связи с этим А.И. Филиппов требовал от председателя Земгора за границей предоставления полного отчета о всей эмигрантской деятельности организации, окруженной «обстановкой таинственного частного коммерческого предприятия» [27].

С критикой князя Г.Е. Львова выступал и глава Русского Национального Общества и Союза «Единство Руси» Б.Л. Бразоль, обвинявший его в присвоении 1 млн франков, направленных бывшим послом России в США Г.П. Бахметевым на нужды Врангелевской армии и финансирование эсеровской газеты «Воля России» [5]. Она выходила в Праге в 1920–1922 гг., а после была преобразована в журнал. Членами редколлегии издания были В.И. Лебедев, О.С. Минор, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, В.М. Зензинов и Е.Е. Лазарев. Двое последних входили в число учредителей Пражского Земгора [2], где действительно преобладали эсеры. В связи с этим на страницах издания встречаются негативные оценки монархических кругов эмиграции и требования разоружения Русской Армии П.Н. Врангеля [9], за влияние на которую боролись различные идейно-политические течения Русского Зарубежья первой половины 1920-х гг. с целью не допустить продолжение Гражданской войны «в угоду красной или белой диктатур» [9]. Там же отмечали и успехи в расширении деятельности Земгора, что выражалось в открытии ряда профессиональных школ и оказании содействия отправке безработных беженцев во Францию при участии Международного Бюро Труда при Лиге Наций [15].

Члены бюро Земского объединения, среди которых были князь А.М. Орбелиани, П.В. Семичов, А.Ф. Русинов, А.Н. Кармалин, Е.Д. Хлюстин и Л.И. Гальский и его председатель Ф.Д. Свербеев, на страницах еженедельника «Высший монархический совет» утверждали, что Земгор не был связан с русскими земствами и городскими учреждениями, в силу чего не мог защищать интересы бывших подданных Российской им-

перии, а его участники использовали наименование организации лишь в качестве рекламы [22].

Таким образом, одно из основных обвинений в адрес князя Г.Е. Львова, отразившихся на страницах эмигрантской прессы, касалось вопроса финансирования деятельности Земско-Городского комитета и присвоения его членами средств, принадлежавших иным общественно-политическим объединениям Белого движения. Как правило, подобная критика исходила от представителей крайне правых кругов эмиграции. Финансирование же Земгора изначально осуществлялось за счет Совещания Послов, средств различных благотворительных организаций и правительств иностранных государств, а также частных пожертвований [1].

В журнале «Двуглавый орел» жесткой критике князя Львова подверг бывший сенатор и член Государственного совета, потомственный дворянин А.П.Рогович, который в своей публикации приводил следующее письмо от русских беженцев в Югославии, адресованное князю Г.Е.Львову в связи с его визитом в Белград:

«Милостивый Государь Князь Георгий Евгеньевич! Считаю нужным осведомить Вас о настроении русских беженцев в Югославии, которое Вам, вероятно, неизвестно. Все находящееся здесь русское беженство, принадлежащее к самым различным классам общества, тесно объединилось на идее восстановления великой, национальной монархической России.

Нам глубоко ненавистны все, так называемые "общественные деятели", собравшиеся вокруг Вас в Париже.

Вместе с ними вы издавна расшатывали устои священного Царского Трона, погубили великое наше отечество и отдали несчастный русский народ в рабство Вашим преемникам-большевикам.

Завладев казенными русскими средствами, Вы кормите на них в Париже всех проклятых народом революционных главарей русской смуты.

Помните, для нас Вы родоначальник большевиков, не было бы Вашего преступления – не было бы и их.

К героической Русской Армии Вы отнеслись так же, как и они.

В стране, живущей светлыми воспоминаниями о Великой Святой Руси, Вам не место.

Мы предлагаем Вам немедленно покинуть пределы Югославии и передать своим сотрудникам Керенскому, Милюкову, Юреневу и другим, что мы не позволим им дотронуться нечистыми руками до души несчастного русского беженца» [23].

Ставя князя Г.Е.Львова в один ряд «своих и иностранных предателей, толкнувших Россию на путь гибели» вместе с М.В.Родзянко и послом Великобритании в России Джорджем Бьюкинемом, А.П.Рогович утверждал, что у бывшего главы Временного правительства не было смягчающих обстоятельств, каким-либо образом объясняющих его «предательство, совершенное ради достижения власти» [23]. Завершая статью, бывший сенатор подчеркнул, что после падения большевизма князю Львову в России не будет места [23].

Стоит заметить, что в публикации А.П.Роговича отражается характерное для правых кругов эмиграции обобщение роли ряда политических деятелей, среди которых Г.Е.Львов, лидер кадетов П.Н.Милюков, представители «Союза 17 октября» М.В.Родзянко и А.И.Гучков, в событиях 1917 г. Согласно утверждению одного из председателей Союза русских дворян П.П.Менделеева, всех их предали «анафеме» и обвиняли в предательстве России и поддержке революции [14, с. 549]. Рассматривая проблему аполитичности государственных служащих Российской империи начала XX в., князь Д.П.Голицын-Муравлин отмечал негативную роль этих политических фигур в разложении монархической идеи в «подготовительные к нашей революции годы», когда частью обществу Г.Е.Львов и А.И.Гучков воспринимались как государствен-

Князь Д.П.Голицын-Муравлин

А.П. Рогович

ные деятели будущей России [11]. В статье бывшего сенатора и члена Союза ревнителей памяти императора Николая II П. П. Стремоухова «Императрица Александра Феодоровна в ее письмах» [25], критика которой была опубликована в «Последних новостях» [6], автор не считал вмешательство императрицы в государственные дела Николая II предосудительным. И, доказывая его благоприятное влияние на развитие государства, был солидарен с Александрой Феодоровной, желавшей в целях укрепления монархии отправить Г. Е. Львова, П. Н. Милюкова, А. И. Гучкова и бывшего военного министра А. А. Поливанова в Сибирь за их критику в адрес самодержавия в период Первой мировой войны, что расценивалось как государственная измена [25]. Н. Д. Тальберг, сравнивая политические процессы эмигрантов во Франции и Германии 1921 г., характеризовал участников Торгово-промышленного съезда в Париже, среди которых были видные представители финансовых кругов дореволюционной России, отошедшими от «заветов исконной русской государственности» и принявшими Россию «Родзянко, Милюковых, кн. Львовых и Керенских», податливой к «хищническому использованию ее международным капиталом» [26].

Последние годы жизни и смерть

Согласно ряду публикаций в эмигрантской прессе князь Г. Е. Львов скончался 6 марта 1925 г., хотя в некоторой литературе фигурирует

7 марта. Бывший министр внутренних дел Южнорусского правительства В. Ф. Зеелер упоминал, что 6 марта председателю Земгора стало плохо на совещании, где решался вопрос о перевозке русских рабочих во Францию [17]. Похороны первого министра-председателя Временного правительства России состоялись 10 марта на парижском кладбище Батиньоль [20]. Отдать последний долг скончавшемуся пришли бывшие члены Временного правительства Н. Д. Авксентьев, М. В. Бернацкий, А. В. Карташев, А. И. Коновалов, П. Н. Милюков, С. Н. Третьяков и многочисленные представители общественности, среди которых – М. А. Алданов, граф Э. П. Беннигсен, М. В. Вишняк, Р. Г. Винавер, М. Н. Гирс и др. [21]. Соболезнования по случаю кончины Г. Е. Львова были направлены и получены Земгором от А. Ф. Керенского и редакции газеты «Дни», министра торговли США Герберта Гувера, участников Комитета Союза городов в Праге, Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже, представителя России в Англии Е. В. Саблина, а также

от Б.Е.Иваницкого и Г.Г.Витте, представлявших Главное управление Российского общества Красного Креста [10].

Фрагмент первой страницы №1494 газеты «Последние новости»

Фрагмент второй страницы №1297 газеты «Руль»

Князь Г.Е.Львов получил противоречивые оценки своей политической и общественной деятельности на страницах эмигрантской периодической печати 1920–1930-х гг. в зависимости от ее идейно-политической окраски. Это обуславливается его ролью в общественно-политической жизни России в дореволюционный период, когда он был близок к правому крылу партии кадетов, и последовавшим затем активным участием в событиях 1917 г., в силу чего значительной частью эмиграции Г.Е.Львов воспринимался как один из главных виновников прихода большевиков к власти.

Библиографический список

1. ГА РФ. Ф.5764. Оп.1. Д.149. Л.2.
2. ГА РФ. Ф.Р-5764. Оп.1. Д.87. Л.13.
3. Аксакова Т.А. Семейная хроника: в 2 кн. Кн. 1. Paris: Atheneum Paris, 1988. 371 с.
4. Беседа вел. кн. Николая Николаевича с редактором газеты «Возрождение» // Возрождение. 1925. №18. С.1.
5. Бразоль Б. Письмо князю Львову // Высший монархический совет. 1921. №13. С.5–6.
6. В защиту Распутина // Последние новости. 1924. №1181. С.2.
7. В Париже. Библиотека для беженцев // Последние новости. 1921. №258. С.2.
8. Винавер М. Кн. Львов в первой Думе // Последние новости. 1925. №1494. С.2.
9. Вопрос о беженцах // Воля России. 1921. №112. С.1.
10. Выражения соболезнавания // Последние новости. 1925. №1499. С.2.
11. Голицын-Муравлин Д. Об аполитичности // Двуглавый орел. 1921. №19. С.2–5.
12. Гучков А.И., Кузьмин-Караваев В.Д. Общественные деятели о Земгоре // Русская газета. 1923. №10. С.1.
13. Львов Г.Е. Воспоминания. М.: Русский путь, 2002. 376 с.
14. Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: обрывки воспоминаний. 1864–1933. М.: Кучково поле; Императорское Русское историческое общество, 2017. 752 с.
15. Новиков С. Земгор в Белграде // Воля России. 1925. №4. С.199–203.
16. Объединение Земских и Городских деятелей // Последние новости. 1921. №219. С.2.
17. Памяти князя Г.Е.Львова // Последние новости. 1925. №1499. С.2.
18. Памяти князя Г.Е.Львова // Последние новости. 1925. №1501. С.2.
19. Параллели // Двуглавый орел. 1921. №4. С.14–19.
20. Последние новости. 1925. №1495. С.1.
21. Похороны кн. Г.Е.Львова // Последние новости. 1925. №1496. С.3.
22. Протест против деятельности кн. Львова // Высший монархический совет. 1922. №21. С.4–5.
23. Рогович А. Письмо князю Львову // Двуглавый орел. 1921. №11. С.46–48.
24. Странники поневоле: воспоминания Елизаветы Родзянко, Марии Муравьевой, Ольги Толстой / Сост. Е.Н.Муравьева. М.: Ассоциация содействия развитию регионов «Столыпинский центр»; Центр ГРИНТ, 2020. 336 с.: ил.
25. Стремоухов П.П. Императрица Александра Феодоровна в ее письмах // Русская летопись. 1924. №6. С.61–117.
26. Тальберг Н. Париж–Рейхенгалль // Двуглавый орел. 1921. №9. С.1–3.
27. Филиппов А. Новая американская сделка кн. Львова // Русская газета. 1925. №225. С.1.

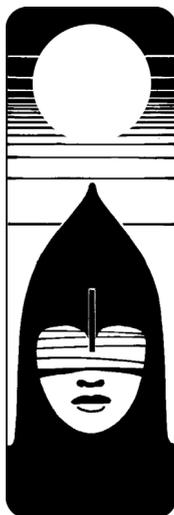
28. Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб.: Atheneum Феникс, 1998. 632 с.
29. Хрисанфов В.И. Российский «Исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции. 1917–1920 гг. СПб., 2014. 196 с.
30. ANM–Praha. F.K.Kramar. 2/5 1033–1035.

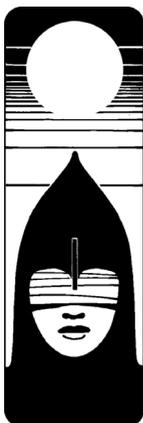
Истина и справедливость
превыше всего, ибо только
от них зависит величие наций.

Эмиль Золя

Всякий мужественный, всякий
правдивый человек приносит
честь своей родине.

Ромен Роллан

Владимир Лапин

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

ОБРАЗЫ ЛИДЕРОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ.

ПОЧЕМУ ЦАРЕВИЧ
АЛЕКСАНДР ИРАКЛИЕВИЧ
БАГРАТИОНИ
НЕ ПОПАЛ В ИХ ЧИСЛО?

УДК

930

Сын царя Ираклия II Александр в течение трех десятилетий являлся лидером тех, кто выступал против вхождения Грузии в состав Российской империи. Исторические источники 1799–1829 гг. свидетельствуют о том, что он был заметным участником военных и политических событий в Закавказье. Однако образ царевича Александра Ираклиевича не занял в памяти грузинского народа такого места, какое в Башкирии занял Салават Юлаев, имам Шамиль – на Северном Кавказе, Тадеуш Костюшко – в Польше, Лео Михелин – в Финляндии. В статье рассматривается вопрос о формировании государственных (национальных) пантеонов, составленные из образов тех людей, которые по консолидированному мнению сыграли самые важные роли в борьбе за свободу.

The son of King Irakli II, Alexander, was the leader of those who opposed Georgia's entry into the Russian Empire for three decades. Historical sources from 1799-1829 indicate that he was a prominent participant in military and political events in Transcaucasia. However, the image of Tsarevich Alexander Iraklievich did not occupy the same place in the memory of the Georgian people as Salavat Yulaev did in Bashkiria, Imam Shamil did in the North Caucasus, Tadeusz Kosciuszko did in Poland, and Leo Michelin did in Finland. The article examines the issue of the formation of state (national) pantheons, composed of images of those people who, according to the consolidated opinion, played the most important roles in the struggle for freedom.

Ключевые слова: Грузия; Российская империя; историческая память; национальные герои.

Key words: Georgia; Russian Empire; Historical memory; National heroes.

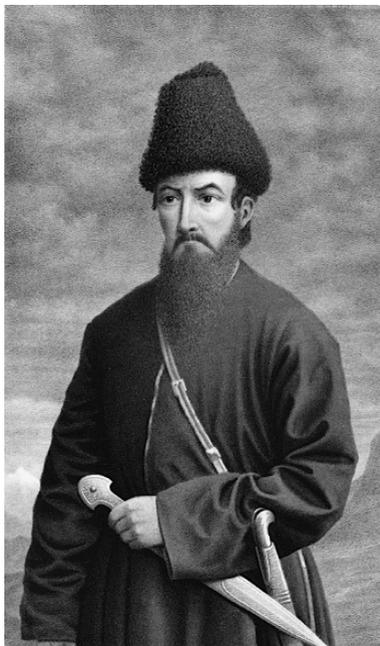
E-mail: lapin.ww@yandex.ru

«Злой гений Грузии»

Лица, возглавившие в XVIII–XIX вв. сопротивление имперской экспансии, сформировали небольшую группу признаваемых и узнаваемых

национальных героев, среди которых один занимает место безусловного лидера: Салават Юлаев – в Башкирии; имам Шамиль – на Северном Кавказе, Тадеуш Костюшко – в Польше, Лео Михелин – в Финляндии. Перечисление публикаций, посвященных жизни и деятельности этих людей, составляет солидные библиографические указатели. Но в этом историографическом изобилии не удалось обнаружить специальной работы, посвященной процессу превращения этих реально существовавших персон в культовые фигуры. Соответственно, нет и объяснений того, почему другим знаменитостям прошлого, также боровшимся за свободу своих народов, было отказано в праве занять столь высокие позиции в исторической памяти.

Один из таких персонажей имперского периода истории России – Александр Багратиони (груз. ალექსანდრე; 1770–1844), посвятивший свою жизнь восстановлению грузинской государственности.

Значимость человека, события или места действия характеризуется частотой упоминания в сборниках документов, в справочных изданиях, в учебных пособиях разного уровня, в художественной литературе. Разумеется, невозможно установить какой-то индекс «упоминаемости», преодоление которого позволяет говорить об известности (популярности) человека среди современников (потомков). Однако настойчивое присутствие в именных, географических, предметных указателях можно расценивать как настойчивую рекомендацию уделить ему особое внимание.

Документальная опора данной статьи – «Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией» (далее – АКАК). Подготовкой этого колоссального по информативности труда руководил А.П.Берже (1828–1886), известный востоковед, историк, сотрудник канцелярии наместников на Кавказе. Он много путешествовал и являлся истинным знатоком этого края. В I–VIII томах, где нашли свое отражение события 1799–1837 гг., имя Александра Ираклиевича занимает заметное место в алфавитно-предметных указателях. В общей сложности он упоминается почти на 800-х страницах. В V томе, материалы которого охватывают период с сентября 1811 по декабрь 1816 года, царевичу посвящена целая структурная единица в оглавлении, что уравнивает его персону с такими рубриками как «пути сообщения» или «горная часть». Его поступки описаны на 44 страницах, что примерно соответствует объему, выделенному описанию ситуации во всех мусульманских провинциях Закавказья [2, т. V, с.355–399, 1126].

Материалы показывают, как российские генералы и чиновники увещевали его, грозили ему, организовывали его поимку, выработывали способы противодействовать его агитации. Непокорный сын Ираклия вел сложную игру, в которой довольно четко прослеживается стремление повысить значимость своей персоны за счет демонстрации внимания, какое уделяли ему «главноначальствующие» в Тифлисе.

О значительности фигуры царевича Александра Ираклиевича бесспорно говорит тот факт, что редкий мемуарист, вспоминая о делах кавказских первой трети XIX столетия, обходился без упоминания о нем [13]. Испанский офицер Хуан Ван-Гален (1790–1864), служивший на Кавказе в 1818–1820 гг., в своих мемуарах «Два года в России», называл причиной конфликтов в Грузии интриги, «разжигаемые из Персии пресловутым Александром» [7, с.388]. Генерал-майор Сергей Алексеевич Тучков (1769–1808) был очень информированным человеком, поскольку занимался не только военными, но и административными вопросами. В своих записках он называет царевича организатором нападений на Грузию [27, с.254]. Не забывали об Александре Ираклиевиче и мемуаристы, писавшие о Русско-персидской

войне 1826–1828 гг. Командир Грузинского гренадерского полка И.О.Симо-нич (1794–1851) свидетельствовал, что одно только появление этого мятеж-ника сразу меняло оперативные планы русского командования [24].

В письмах А.П.Ермолова, получившего неофициальный титул «покори-теля Кавказа», неоднократно упоминается царевич. Тональность и словарь позволяют говорить о личной ненависти генерала к нему. Ермолов фак-тически признавал, что даже спустя четверть века после присоединения Грузии к России, единственный из прямых потомков грузинских царей по-прежнему в состоянии организовать масштабное восстание [10, с.46, 141, 280, 392, 495]. Эта личная неприязнь сквозит и в «Записках» Ермолова [11, с.280], причем автор проявил присущую ему пристрастность, обви-няя своего противника в трусости. Очень вероятно, что это – последствия жгучей досады. В 1818 году тогда еще новый главнокомандующий, еще веривший в свое всемогущество, организовал операцию по поимке царев-ича. Пешие и конные пикеты действительно перекрыли все пути вокруг аула, где тот укрылся. Но Александр Ираклиевич ушел от облавы так, как это делают герои приключенческих фильмов. Он неторопливо, без боль-шой свиты поехал белым днем прямо по большой дороге, разговаривая со встречными патрулями, и даже заглянул в село, где располагался штаб казачьего полка, выделенного для его захвата. И далее, демонстрируя по-трясающее хладнокровие, беглец благополучно добрался до персидской границы. Такие «пощечины» начальники помнят всю жизнь.

В работе П.Зубова, которая до выхода сочинений Н.И.Дубровина и В.А.Потто выглядела самым фундаментальным трудом, имя царевича Александра Ираклиевича встречается уже на четвертой странице повест-вования о событиях рубежа XVIII–XIX вв. Его «происки» представлены едва ли не главной причиной неурядиц в Восточной Грузии, и затем его имя мелькает при описании важнейших событий Русско-персидской войны 1804–1813 гг. [12, с.18, 79, 110, 115, 117, 119]. А в четырехтомной публикации документов «Утверждение русского владычества на Кавказе», которая может претендовать на представление официальной точки зрения на Кавказ-ские войны России, царевич уважительно назван «злым гением Грузии»¹.

Таким образом, Александр Ираклиевич Багратиони оставил более чем заметный след в истории Закавказья первой трети XIX столетия, когда произошли главнейшие события, связанные с включением этого региона в состав Российской империи. Он был активным противником превра-щения Картли-Кахетии в Тифлисскую губернию.

¹Этот четырехтомный труд был создан усилиями сотрудников Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа под руководством В.А.Потто [28, с.150].

Превращение в мятежника

На рубеже XVIII–XIX столетия Грузия находилась в глубоком политическом и социально-экономическом кризисе. В последние годы своей

жизни некогда деятельный Ираклий II фактически выпустил из рук бразды правления, а сменивший его на престоле Георгий XII по причине болезненности и административной бездарности эти бразды и не брал. В стране царил анархия, поскольку глубокий династический кризис парализовал управление. В правящей фамилии было достигнуто соглашение о том, что после кончины Ираклия II корона перейдет старшему сыну Георгию, но затем его сменил не сын Георгия, а следующий «ираклиевич», т.е. Иулон. Однако договоренность не была соблюдена, и наследником объявили царевича Давида Георгиевича. Это разожгло тлевшую до того феодальную междоусобицу, в которой смешались династические и политические мотивы, поскольку борьба кланов происходила одновременно с процессом принятия Грузии в российское подданство [1; 8; 30]. На момент кончины Георгия XII насчитывалось почти два десятка царских сыновей и повзрослевших внуков, не очень ладивших друг с другом. Всем им для содержания предоставлялись уделы, где они чувствовали себя всевластными государями. Своими браками и браками своих ближайших родственников они были связаны с влиятельными княжескими фамилиями, которые конкурировали и даже враждовали между собой. Все участники междоусобиц искали поддержки у соседей, что только добавляло сложности в турбулентную внутривнутриполитическую обстановку.

Александр был пятым сыном Ираклия II и не рассчитывал занять престол. Он с 1780-х гг. настороженно относился к сближению с Россией, но окончательно в лагерь врагов империи царевича привела логика династического конфликта. Он считал законным наследником своего брата Иулона Ираклиевича и отказывал в том племяннику Давиду Георгиевичу. Но последнего в 1800 г. еще до ликвидации грузинской монархии таковым признали в Петербурге. Александр в глазах российских властей оказался дерзким ослушником со всеми вытекающими последствиями.

Он имел солидный боевой опыт, был образован, его письма написаны рукой человека, искусного в политической борьбе. Генерал-майор И. П. Лазарев, сыгравший большую роль в событиях 1799–1803 гг. в Грузии, с военной четкостью сказал о нем: «...почтен за храбрость и неусыпность, большую поддержку имеет во всех народах, окружающих здешнее царство» [2, т. 1, с. 185], хотя обычно имперские чиновники давали противникам уничижительные характеристики.

Браками братьев и сестер Александр был связан с влиятельными кланами князей Амилахвари, Андроникашвили (Андрониковых), Орбелиани, Цицишвили (Цициановы), Челокашвили (Челокаевы), Эристави. Множество документов начала 1800-х годов свидетельствуют, что практически все члены царской фамилии находились в переписке или в личных контактах с ним. Глава грузинской церкви с 1788 года патриарх-католикос Антоний II – родной брат царевича и до своей депортации в 1811 г. «был в сильном подозрении» у русских властей из-за его контактов с вдовствующей царицей Дарьей, которая в свою очередь вела оживленную переписку с Александром.

До 1801 г. он не имел возможности мобилизовать большие силы, поскольку соперничающие кланы, не осознавая в полной мере опасности ликвидации грузинской государственности, находились в состоянии перманентного конфликта. Его главный противник царевич Давид Георгиевич к тому же опирался на русские войска, которые вошли в Тифлис в 1799 г. В те времена дагестанский правитель Умма-хан (Омар-хан) Аварский сумел установить свою власть на большой территории Северо-Восточного Кавказа. Для него утверждение России в Закавказье являлось прямой угрозой, и он охотно откликнулся на просьбу Александра о помощи. Опора на воинственных соседей в былые эпохи являлась обычной практикой в междоусобицах, но в этом случае царевич оказался в сложном положении. Военные действия в кавказском регионе всегда сопровождались нещадным грабежом населения, поскольку возможность такового являлась главной мотивацией для воинов. Царевичу же приходилось вести отряды иноверцев и иноплеменников в земли, населенные грузинами-христианами. Поэтому он писал 24 октября 1800 г. митрополиту Бодбели, что пришел не разорять и грабить, а восстанавливать справедливость. Он просил иерархов грузинской церкви уговорить паству отказаться от сопротивления, иначе она сама будет виновна в том, что царевич «впадет в грех и в кровопролитие» [2, т. 1, с. 282].

Это первое большое военное предприятие царевича закончилось полным провалом. 7 ноября 1800 г. отряды Умма-хана и Александра были наголову разбиты у реки Йори, на границе Кахетии и Дагестана отрядом генералов И. П. Лазарева и В. С. Гулякова, при поддержке грузинского ополчения. В подробном и цветистом рапорте Лазарева о сражении специально выделен сюжет о царевиче: «...он очень опасно ранен пулей в бедро, так что оная внутри к животу в нем осталась» [2, т. 1, с. 174].

Хотя опора на иностранных союзников в междоусобицах являлась обычной политической практикой, грузины не могли питать добрых чувств к персам, туркам и дагестанцам. Во все время его военно-поли-

тической активности были живы люди, помнившие о чудовищных злодеяниях персов во время нашествия 1795 года под предводительством Ага-Магомед-Хана. Даже бесчинства русских солдат и офицеров, спровоцировавших восстание в Кахетии в 1812 г., меркли перед тем, что приходилось десятилетиями терпеть жителям этого края от набегов дагестанцев. Грузинский фольклор, являющийся хранителем образа врага, о русских умалчивал, но был наполнен информацией о бедствиях, которые доставляли народам Картли-Кахетии, Имеретии, Мингрелии и Гурии «хищные» соседи, приходившие из-за южной, восточной и северной границы.

После того, как всех членов правившей династии к концу 1803 года вынудили уехать в Россию, предоставив им весьма щедрое содержание в виде недвижимости и пенсий, Александр Ираклиевич оказался лидером тех, кто выступал за восстановление независимости Картли-Кахетии и правления Багратионов. По всему Кавказу разлетались десятки его агитационных писем с обещанием явиться с огромным персидским войском, озолотить сторонников и жестоко покарать противников [2, т. 1, с. 147, 150, 152, 157, 204–258, 286–288, 292–293, т. 2, с. 137–138, 160–162]. Он обращался ко многим влиятельным князьям и священнослужителям, заставляя власти нервничать и подозревать всех и вся. При этом документы свидетельствуют: среди знати царевич пользовался гораздо большей поддержкой, чем среди простых крестьян [2, т. 2, с. 77, 96, 130–131, 151].

Почти три десятилетия на Кавказе шла азартная охота на Александра Ираклиевича, поскольку за его поимку или физическое устранение была объявлена щедрая награда. Весомые призы ждали и тех, кто брал в плен его соратников. Выдача царевича властям или, по меньшей мере, решительный отказ от сотрудничества с ним, было одним из условий, на которых в 1803 г. Джаро-Белоканское общество получило амнистию за разгром русского отряда и убийство генерала Гулякова. В 1805 г. такие же требования предъявили персам, желавшим заключить мир, и Ахмед-хану Аварскому, претендовавшему на денежное вознаграждение за принятие присяги на подданство. В 1802 г. Аббас-Кули-хану Карадагскому обещали простить все провинности, если он выдаст скрывавшихся в его владениях грузинских царевичей [2, т. 2, с. 94].

Царевич часто менял место своего пребывания. Власти, получая сигналы об этом, приводили в движение войска, что нередко только усиливало напряженность. В 1802 году отправка отрядов в мусульманские провинции настроила тамошнее население против русских, хотя до того оно прохладно относилось к призывам, исходившим из Персии. Аналогичная ситуация возникала и в других регионах, поскольку появление

вооруженных иноземцев было крайне провокационным. Марши и стоянки в полевых условиях изматывали войска, несбывшиеся ожидания притупляли бдительность. Создание атмосферы постоянной тревоги было весьма эффективным ходом еще и потому, что подрывало доверие местного населения к новой власти, важнейшим козырем которой было уверение в том, что Грузия отныне находится в полной безопасности. Генерал Лазарев отмечал в связи с этим в своих рапортах «...негодование на правительство и явный почти против нас ропот» [2, т. 1, с. 361].

**Из феодальной
междоусобицы –
в большую войну**

У народов Кавказа война не являлась тем, что русский хирург Н.И. Пирогов называл «травматической эпидемией», т.е. событием, сопровождающимся множеством жертв и катастрофическими разрушениями. Боевые действия были ритуализированы, нацелены не на убийства и разрушения, а на захват трофеев и достижение более высокого общественного статуса. Поездки в окружении вооруженных слуг и публичное неподчинение властям в глазах местных жителей уже считалось «настоящей» войной. Это отчасти объясняет, почему российское правительство уделяло столько внимания царевичу, который своими эффектными демонстрациями непокорности вызывал восхищение у противников России и страх у ее сторонников. Он как магнит притягивал к себе тех, для кого молодчество являлось образом жизни вне зависимости от мотивации – сопротивление иноземцам или расчет на добычу. Этим во многом объясняется его поддержка в грузинских провинциях, населенных тюрками-мусульманами, а также у осетин, дагестанцев и хевсуров, поскольку они его уважали за личную храбрость и всегда были готовы идти в поход, приносящий славу удальца и материальные ценности.

Обострение отношений России и Англии после 1807 года в Закавказье проявилось в разговорах о том, что британцы вступили в союз с персами и турками, послали огромный флот в Черное море. В связи с этим многие верили прокламации Александра от 31 августа 1809 года о его скором появлении в Грузии с английским золотом.

Состояние войны России с Турцией в 1806–1812 гг. позволило Александру без затруднений со стороны местной администрации жить зимой 1809/1810 гг. в Ахалцыхе и формировать там отряд, чтобы «в нужный час» вторгнуться в Грузию. В 1810 году в Стамбуле его явно рассматривали как политическую фигуру, поскольку его имя стоит в одном списке кавказских владетелей, призываемых султаном на борьбу с Россией

(Дербентский, Ширванский, Казикумухский, Карабагский, Бакинский, Каракайтагский ханы) [2, т. 4, с. 771].

Когда началась Русско-персидская война 1804–1813 гг., ему доверили корпус, сыгравший важную роль в развитии событий. Окружив Эривань, имевшую огромное стратегическое значение, русские войска, которыми руководил сам главнокомандующий П. Д. Цицианов, испытывали острую нехватку продовольствия и боеприпасов. Для встречи и конвоирования обоза, шедшего из Тифлиса, был отправлен отряд подполковника И. О. Монтрезора, окруженный и уничтоженный 21 августа 1804 года корпусом под командованием Александра. Это был его самый яркий и значимый военный успех. Осаду Эривани пришлось снять, вследствие чего война с Персией затянулась еще на девять лет.

В 1812 году в Кахетии вспыхнуло восстание, в ходе которого правительственные войска понесли тяжелые потери. Причинами массового выступления крестьян и дворян были провокационные меры властей в условиях тяжелого экономического положения, а также бесцеремонное поведение русских офицеров и солдат в отношении всех слоев местного населения. Разумеется, в этих обстоятельствах Александр Ираклиевич попытался возглавить борьбу соотечественников, но не преуспел в этом, поскольку стихийность и традиционная крестьянская разобщенность воспрепятствовали созданию повстанческой армии, способной на согласованные действия. К концу 1812 года в Кахетии сочетанием жестких мер к «зачинщикам» и милостью к «увлеченным» было установлено спокойствие. Царевичу пришлось укрываться в горах, где выпавший снег исключал движение войск [21].

После заключения в 1813 г. Гюлистанского мирного договора между Россией и Персией, укрываться он мог только в Дагестане, находясь под постоянной угрозой как со стороны правительственных войск, так и со стороны тех горцев, которые могли соблазниться наградой за его голову. С 1806 г. ее оценивали в 500 голландских червонцев (1550 граммов золота). Он обоснованно опасался и персов, поскольку в мирное время превратился из важного союзника и агента в докучливую помеху российско-иранским отношениям.

В начале Русско-иранской войны 1826–1828 гг. под его командой собралось большое ополчение дагестанцев, собиравшееся ворваться в Грузию, но известие о поражениях персидских войск заставило горцев отказаться от похода. Тем не менее во всеподданнейшем рапорте от 29 августа 1826 года Ермолов сообщал о высокой вероятности «смуты» в Кахетии и в Дагестане из-за того, что персы посылают туда Александра [2, т. 6, ч. 1, с. 304]. Главнокомандующий лично вникал в детали операций по по-

имке царевича и эмоционально реагировал на неудачи в этом деле. Он допускал даже рейды в Турцию и Персию отрядов из «татар» под командой переодетого в восточное платье русского офицера. При этом кавказское начальство считало лучшим вариантом дать награду за голову смутьяна, чем брать его в плен, поскольку во втором случае придется выплачивать ему солидную пожизненную пенсию. Ближайший сотрудник Ермолова генерал А. А. Вельяминов – начальник штаба Кавказского корпуса вел переписку о приобретении «микстуры, которая лишила бы его (Александра. – В.Л.) надежды выздороветь» [2, т. 6, ч.1, с. 306].

Заключение Туркманчайского мирного договора с Персией в 1828 г. и Адрианопольского договора с Турцией 1829 года, закрепивших позиции России на Кавказе, означали конец существования Александра Ираклиевича как политической фигуры. Он стал помехой в налаживании отношений между Петербургом и Тегераном, ему даже запретили возвращаться из Турции, где он, как впоследствии выяснилось, вместе с имеретинским царевичем Вахтангом вел подготовку к мятежу в Западной Грузии. Но политическая конъюнктура стала еще хуже в начале 1830-х гг., когда произошло сближение России и Турции. Опасным сделалось даже пребывание в приграничном Ахалцыхе, издавна игравшем роль убежища для всех, у кого были проблемы в своих государствах.

Несмотря на противостояние, длившееся уже три десятилетия, в России допускали амнистию царевича, потерявшего опору и среди турок, и среди персов. Дагестанцы испытывали сильный нажим со стороны русских войск и утратили интерес к походам в Грузию, внутри которой все большая доля национальной элиты ощущала себя бенефициаром включения Картли-Кахетии в состав России. 28 сентября 1833 года Розен писал министру иностранных дел К. В. Нессельроде, что склонение царевича Александра к возвращению в Россию стало бы большим благом, поскольку «сим кончились бы все насчет его сношения нашей миссии с персидским правительством, иногда весьма затруднительные, а вместе с тем прекратились бы все несбыточные надежды и проски людей неблагонамеренных...».

В 1832 году группа дворян, создавших тайное общество с целью совершения государственного переворота и возвращения независимости Грузии, предложила ему в случае успеха принять престол предков. Александр Ираклиевич отказался, ссылаясь на возраст и болезни. Он к тому времени отошел от активной деятельности и до своей смерти в 1844 г. жил более чем скромно в одном из пограничных районов Персии, так и не согласившись на принятие российского подданства. Непокорившийся царевич был похоронен в Тегеране на кладбище при местной армянской церкви.

Он был женат на дочери влиятельного эриванского мелика Агамалова, которая вместе с сыном Ираклием после взятия Эривани в 1827 г. русскими войсками оказалась на территории России. Правительство опасалось, что отец «завещает» сыну борьбу за независимость Грузии. По личному повелению императора в 1834 году восьмилетний мальчик был отправлен в Москву. Его сначала определили в Александровский сиротский институт, а затем перевели в Петербург в Пажеский корпус. Он был произведен в офицеры, воевал на Кавказе с горцами, служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку и вышел в 1855 в отставку в чине полковника.

Александр Ираклиевич был предметом пристального внимания всех, кто занимался вопросами, связанными с Кавказом в первой трети позапрошлого века. Его поведение вызывало раздражение и тревогу девяти российских главнокомандующих в этом регионе с 1799 до 1837 года – Ф.К.Кнорринга, П.Д.Цицианова, И.В.Гудовича, Ртищева, Тормасова, Паулуччи, А.П.Ермолова, И.Ф.Паскевича, Г.В.Розена. Это была своеобразная эстафета «неразрешенной проблемы», передававшейся от одного старшего военачальника другому. Царевич искал и находил опору в Персии и Турции, что автоматически превращало его в фигуру международного значения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Об этом борце против России знали главы внешнеполитического отечественного ведомства за этот же период, военные министры, император Александр I и его младший брат Николай.

В российской научной и художественной литературе как дореволюционного, так и советского периода национально-освободительное движение в основном сводилось к вооруженному противостоянию властям, оставляя без внимания бескровные методы сопротивления. О том, что сохраняется «жар под золой», что в Грузии не угасают мечты о возвращении к былым временам, свидетельствовали различные прошения, с пожеланиями сохранения «прежних порядков» в администрировании, налогообложении и судопроизводстве [21, с. 163]. В сентябре 1812 года (Наполеон в Москве, война с Персией, восстание в Кахетии) император получил проект царевича Давида Георгиевича «О лучшем устройстве Грузии», который невозможно расценить иначе как попытку легальным путем восстановить Багратионов на престоле [22, вып.1, с. 128–138; 139–159]. Таким образом, власти никак не могли считать мятежного царевича безумным одиночкой.

Еще при жизни царевича была заложена такая трактовка его действий, которая прекрасно укладывалась в парадигму традиционного представления политического противника морально ущербной персоной. Александр Ираклиевич назывался бунтовщиком (выступил против законного

государя, который был еще и его родным братом!). Он представлен врагом православия, поскольку вел отряды мусульман на своих христиан соотечественников. При этом умалчивалось о том, что царевич сначала действовал в интересах своего брата Иулона, который согласно договоренности между Ираклием II и Георгием XII должен был занять трон [12, с. 21–26]. Только после депортации Юлона царевич стал требовать восстановления Багратионов на престоле, не называя конкретного претендента на корону. При отсутствии свидетельств того, что сам Александр видел именно себя царем, в российском нарративе заметно стремление выставить его честолюбцем, мечтающим о личной верховной власти.

В советской литературе отчетливо просматривается тенденция умалчивать о грузинском сопротивлении как факторе развития событий в Закавказье в первой трети XIX века. В полном соответствии с этой тенденцией не находится места и царевичу Александру Ираклиевичу. Он не упоминается в работах о русско-персидском и русско-турецком противостоянии, в сочинениях о взаимоотношениях империи и народов Дагестана в этот период [5]. В советской литературе решительно отрицались какие бы то ни было сепаратистские мотивы в народных восстаниях 1804, 1812, 1819–1820, 1841 гг. в Грузии и даже в заговоре грузинских дворян 1832 года [5, с. 11–13]. В целом для советской историографии характерно замалчивание роли Александра Ираклиевича Багратиона, а в случае невозможности такового – щедрое использование черной краски для описания его деятельности и личности [5, с. 39, 77].

В литературе советского периода наибольшее число страниц посвящено царевичу в монографии О.П. Марковой «Восстание в Кахетии. 1812 г.», опубликованной в 1951 году. Принимая во внимание время издания, когда за слова, признанные «идеологической ошибкой», можно было поплатиться не только карьерой и свободой, но даже жизнью, нелегко определить – что у автора является результатом академических усилий, а что – проявлениями самоцензуры. Маркова четко обозначила свои задачи: «...дать представление об Александре Багратионе, как о живом историческом лице, и устранить попытки к созданию образа национального героя» [21, с. 186]. Последние слова заслуживают именованья руководящего и направляющего тезиса, «лицом» борьбы за независимость Грузии мятежный царевич не стал.

В официальной истории Грузии сказано следующее: «Александр Батонишвили вовсе не был против союза Грузии с Россией. Но он требовал, чтобы этот союз был основан на покровительственном Георгиевском трактате 1783 года. [...] Он заблуждался, возлагая надежды на восстановление Грузинского (Картли-Кахетинского) государства пу-

тем противопоставления сильной и прогрессивной России и отсталого Ирана» [23, с. 55]. При этом очень заметно умаление роли непокорного царевича в грузинском сопротивлении, не упомянуто даже то, что заговорщики в 1832 г. хотели видеть его своим вождем [23, с. 51–56].

В зарубежной литературе царевичу «отдают должное» не в силу ангажированности авторов, а по той причине, что игнорирование этой фигуры, столь заметной в первые два десятилетия XIX века, ущербно для научных трудов по истории Кавказа [28, т. 1, с. 89, 94, 96, 100, 150, 157–158 и др.; 31, р. 21, 37, 152].

Есть основания полагать, что в современной Грузии память об А.И.Багратионе является символическим ресурсом тех политических сил, для которых пребывание Грузии в составе Российской империи – беспросветно темная полоса истории [14; 3]. Его имя открывает список «Выдающихся борцов за свободу Грузии в XIX–XX вв.», состоящий из 43-х персон, которые, по мнению его составителя, «приложили большие усилия для защиты прав грузинского народа, грузинского языка, традиций и культуры». То, что царевич в своей борьбе против России искал и находил поддержку у дагестанцев, некоторые современные авторы пытаются использовать для формирования образа человека, который хотел сплотить вокруг себя различные народы Кавказа. В связи с этим оживляется информация о том, что знаменитый имам Чечни и Дагестана Шамиль был его внебрачным сыном [20].

Имя царевича поместили на знамени грузинской патриотической организации «Белый Георгий», сформировавшейся в эмиграции в 1920-е годы. Звучали голоса о перенесении праха царевича из Тегерана в Тбилиси. После 1991 года представители Грузинской церкви, политики, деятели науки и культуры поддерживали эту идею, однако до ее воплощения дело не дошло.

Символом борьбы за независимость Грузии стал образ Кайхосро Иосифовича Чолокашвили (груз. ქაიხოსრო ცოლქაშვილი; 1888–1930). Этот выходец из знатного княжеского рода, боевой офицер, ветеран Первой мировой войны активно занимался созданием армии Грузинской Демократической Республики. Он участвовал в боевых действиях в Закавказье в 1918–1921 гг., а затем стал руководителем партизанского движения в Грузии, лидером антисоветских восстаний 1922 и 1924 гг., жестоко подавленных ВЧК и Красной Армией [33]. Его портреты несли участники демонстраций и митингов в конце 1980-х гг., а знамя, под которым он сражался, стало национальной реликвией. В 2005 г. прах национального героя перевезли из Франции и захоронили

в пантеоне Мтацминда, Государственный банк Грузии выпустил самую крупную банкноту (200 лари) с его портретом. Имя Чолокашвили носят несколько улиц в грузинских городах.

В исторической политике современной Грузии внимание к Первой республике заметно выше, чем ко времени, когда страна входила в состав России. Уже по одной этой причине актуализация образа борца против империи не может соперничать с памятью о защитнике демократического грузинского государства. Важным является то обстоятельство, что А.И.Багратион был героем не всей Грузии, а только ее восточной части (Картли-Кахетии). Жителям западных регионов (имеретам, мегрелам, гурийцам, сванам) сложно принять такой пароль борьбы за национальную независимость. Кроме того, не в пользу А.И.Багратиони действует одна из особенностей коммеморации: конкурирующие образы угрожают стройности героического мифа, а неизбежное ранжирование знаковых фигур провоцирует политически деструктивные столкновения в символическом пространстве.

Обращение к образу царевича Александра, его актуализация неизбежно оживляет картины состояния Грузии в начале XIX века, которые в состоянии смутить самые патриотические натуры. Профессиональные историки, гораздо менее эмоционально принимающие политические и социально-экономические реальности былых времен, составляют меньшинство современников, для которых эти реальности совершенно несовместимы с конструктами идеального прошлого.

Пропуск в пантеон

Некоторый свет на причины забвения мятежного царевича проливают обстоятельство превращения в культовые фигуры других «бор-

цов с царизмом».

Салават Юлаев (башк. Салауат Юлай улы; 1754–1800), был вождем башкир в ходе крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева в 1774–1775 гг. Жизнь свою он закончил на каторге в Эстляндии, где четверть века строил дамбу в морском порту Рогервик (совр. – Палдиски) в жутких условиях, что придало ему ореол мученика. Из длинного списка предводителей башкирских восстаний 1662–1664, 1681–1684, 1704–1711, 1735–1740, 1755–1756 гг. его выделяет феномен «последнего героя» в фактически столетней войне с российской экспансией. Вокруг имени Салавата Юлаева еще в дореволюционную эпоху сложился мощный пласт фольклора, исключаяющий стирание его имени из памяти [29].

В формировании образа Салавата Юлаева особую роль сыграла русскоцентричность отечественного исторического нарратива. Он был не предводителем выступления «инородцев», а видным участником одного из важнейших событий русской политической истории – «пугачевщины», ставшей метафорой социальных потрясений. Одним из лозунгов башкирских восстаний XVIII века был протест против насильственной христианизации. Тем самым Салават Юлаев стал защитником «веры отцов», что является вечной и великой заслугой для мусульманского мира [16; 4]. Наконец, нельзя забывать об особой милитаризованности «общероссийского» исторического нарратива, в связи с чем самые почетные места в нем занимают фигуры, в руке которых обнаженный меч выглядит очень органично.

В современном Башкортостане существует подлинный культ Салавата Юлаева (изображение памятника на гербе республики, многочисленные посвященные ему топонимы, название главной хоккейной команды и т. д.). Соратник Е. Пугачева – единственный представитель башкирского народа, которому посвящена отдельная «именная» энциклопедия [26].

Имам Дагестана и Чечни Шамиль (авар. Шамил, 1797–1871) приобрел всемирную известность как вождь кавказских горцев, сумевший в течение четверти века противостоять стремлению России установить контроль над Северо-Восточным Кавказом, совмещая роль военачальника и духовного лидера. Правительство и официальная историография также приложили руку к тому, чтобы имам занял достойное место в российском национальном историческом мифе. Наличие такого серьезного противника и «религиозный фанатизм», возбужденный им, позволяли объяснять длительность «покорения горцев» [6; 25].

Значимость фигуры Шамиля иллюстрируется тем, что в 1835–1859 гг. его имя не сходило со страниц газет, сообщавших о событиях этого периода на Кавказе. Нет ни одной книги или пространной статьи о Кавказской войне без упоминания Шамиля, а его портрет является таким же знаком этой войны, как портрет М. И. Кутузова связан с эпопеей 1812 года. В Кавказских письмах А. П. Ермолова имам конкурирует по числу упоминаний с самим Николаем I [10, с. 817, 821]. День его пленения в ауле Гуниб 25 августа 1859 г. считается окончанием войны на Северо-Восточном Кавказе.

Образ имама Шамиля был и остается символом борьбы народов Северного Кавказа за свою свободу в XIX веке, важнейшим элементом национального мифа Чечни и Дагестана. Об этом свидетельствует среди прочего колоссальный пласт фольклора, множество художественных произведений на языках всех народов этого региона.

Финляндия трижды в своей истории становилась полем боя Швеции и России, подвергаясь при этом тотальному разорению (во время трех Русско-шведских войн 1700–1721, 1741–1743 и 1808–1809 гг.). Память об этих катастрофах в финляндском обществе очень сильна и травматична [15, с. 177–178]. В последней трети XIX – начале XX вв. мемориализация событий 1808–1809 гг. привела к росту популярности образа генерала Ю.А.Сандельса (Johan August Sandels; 1764–1831), храбро дравшегося с русскими. В настоящее время в Финляндии один из самых популярных сортов пива – «Сандельс» с портретом бравого военного на этикетке. Однако стать «знаменем» генерал, пусть даже и самый заслуженный, никак не мог, поскольку идея завоевать независимость была совершенно иллюзорной. К тому же гипотетическое поражение России в той далекой войне означало бы для Финляндии сохранение статуса шведской провинции с призрачными перспективами на независимость.

Финляндцы навязали имперскому центру борьбу в правовом поле. Поэтому лидером движения за национальный суверенитет, идеологом расширения прав Финляндии в рамках автономии стал профессор-правовед Гельсингфорского университета, блестящий оратор Лео Михелин (фин. – Leopold (Leo) Henrik Stanislaus Mechelin; 1839–1914). Он был автором нескольких фундаментальных трудов по международному праву, в которых доказывал, что его родина является государством, соединенным с Россией унией, а не группой губерний.

Михелин не дожидаясь утверждения финляндским парламентом 6 декабря 1917 года декларации о независимости, но в последующую четверть века остался в сознании сограждан человеком, который был главным среди тех, кто привел страну к этому великому событию. Особенность образа Л. Михелина как символа национального освобождения состояла в том, что в политической культуре Финляндии до Советско-финской войны 1939–1940 гг. военный вождь не был востребован так, как на Северном Кавказе, в Польше и в Башкирии. Позиции Михелина как «символа свободы» не сумел поколебать даже блестящий военачальник и дальновидный политик К.Г.Маннергейм (Carl Gustaf Emil Mannerheim. 1867–1951). Этот бывший царский генерал был победителем в жестокой братоубийственной борьбе красных и белых финнов в 1918 г. и вооруженного противостояния с Советской Россией в 1918–1920 гг.

Война 1939–1940 гг. стала основой «второго тома» финляндского героического нарратива. Заслуги перед отечеством маршала Маннергейма перевесили заслуги профессора-правоведа Михелина [19]. Тем не менее последний остается в числе образов-символов движения за обретение национальной

независимости, поскольку, по мнению многих финляндцев, их государство возникло не в 1917 г., когда это санкционировал своей подписью В.И. Ленин, а гораздо ранее, еще в XIX веке, что в своих трудах по международному праву доказывал самый известный юрист «страны тысячи озер».

Тадеуш Костюшко (польск. – Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko; 1746–1817) – национальный герой Польши, возглавивший восстание в 1794 г. и давший последний бой за независимую Речь Посполитую до ее исчезновения более чем на столетие с политической карты Европы. Для имперских историков он – персона «золотого века» Екатерины Великой, человек, без упоминания которого невозможно писать об имперском триумфе – собирании русских земель. Для либеральных дореволюционных историков он – борец за свободу. Советские ученые особое внимание обращали на упоминания в трудах классиков марксизма-ленинизма, а К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах много писали о польском вопросе [9, с. 20–21]. Поэтому Т. Костюшко было гарантировано место в советском историческом нарративе. Можно даже говорить о советизации образа Т. Костюшко, который оказался «мобилизован» для конструирования картины мирового освободительного движения.

В постсоветское время имя генералиссимуса Польши активно используется в войнах памяти. В поисковике «Яндекс» первые три статьи, представленные по запросу «Культ Тадеуша Костюшко» озаглавлены «Культ Костюшко – таран польской «мягкой силы»; «Культ Костюшко: польская культурная экспансия»; «Польша насаждает культ Костюшко в Белоруссии» [17; 18]. Это говорит о высочайшем градусе актуализации его образа.

Для самой Польши образ Тадеуша Костюшко стал паролем борьбы за свободу. Этот человек сражался за независимость США в 1776–1783 гг. в рядах американской армии, за боевые заслуги получил звание бригадного генерала. Он выступил в роли защитника конституции 1791 года, которая обозначила путь к укреплению польской государственности и прогрессивному развитию страны. В 1792 г. успешные действия его войск против российской армии принесли молодому генералу мировую славу. Во время восстания 1794 г. он сыграл настолько выдающуюся политическую и военную роль, что это выступление поляков за сохранение независимости традиционно называют «восстанием Костюшко». До конца своих дней он оставался авторитетным и активным борцом за польскую государственность, за интересы народа, а его либеральные тезисы сохраняют современное звучание, что оберегает его образ от устаревания [32].

Таким образом, четыре вышеупомянутых лидера национального сопротивления XVIII– начала XX вв. заняли свои высокие места в символических пантеонах Башкирии, Северного Кавказа, Польши и Финляндии благодаря как своим действительным заслугам перед отечеством, так и благоприятным обстоятельствам формирования их образов. Главным оказалось то, что надписи на их знаменах сохранили гораздо большую актуальность, чем лозунги Александра Ираклиевича Багратиони.

В Грузии не оказалось акторов, способствовавших формированию его образа в культурной памяти, сродни тем, которые превратили Салавата Юлаева, Тадеуша Костюшко, Лео Михелина, имама Шамиля в национальных героев и закрепили их образы на самых почетных местах в пантеонах. В Башкирии, Польше, Финляндии, Чечне и Дагестане сложились социокультурные условия, при которых национальные элиты и народные массы были едины в своих оценках заслуг вышеуказанных лиц. В Грузии, за исключением краткого периода Кахетинского восстания 1812 года, царевич Александр был вождем, прежде всего, дворян. Более того, разделение грузинского благородного сословия на конкурирующие и даже враждующие кланы автоматически делало его «другим» для большого числа влиятельных лиц. Он был также «чужой» для жителей Западной Грузии, а также для всех обитателей Закавказья, у которых в основе собственной стратегии лежала приверженность курсу на сближение с Россией. Большое значение имел укоренившийся еще в дореволюционное время тезис о «добровольном» и, как следствие, мирном характере вхождения Грузии в состав империи Романовых, что сразу табуировало упоминание об Александре Ираклиевиче.

Стать главным героем национально-освободительного движения наибольшие шансы имел тот, чей образ был связан с идеальным образом отечества. В тех случаях, когда представления о таковом меняются, или в обществе возникают конкурирующие (или даже противостоящие друг другу) ментальные конструкции, происходит ревизия пантеона с возможными переменами в положении кумиров. На Северном Кавказе многое из того, что приводило горцев под знамена имама Шамиля, никогда не теряло ценности для них и сохранило эту ценность до сегодняшнего дня. То же самое можно сказать о ситуации вокруг образа Салавата Юлаева. Дорогу к независимости Финляндия до 1917 года пробивала пером юриста-законника, и здесь вне конкуренции был Лео Михелин. Когда же для сохранения независимости потребовался меч, на пьедестал поставили фигуру Густава Маннергейма. Александр Багратиони был «реставратор», и призыв к восстановлению Грузии образца 1801 года не мог по многим причинам стать мобилизующим лозунгом.

Библиографический список

1. Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. М.: Вече, 2011. 306 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1–12 / Архив Главного управления наместника кавказского. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1866–1904.
3. Александр Якобидзе. Присоединение Грузии к России – Александр Батонишвили // URL: https://ladoch.blogspot.com/2014/08/blog-post_81.html?m=1 (дата обращения: 16.03.2025).
4. Асфандияров А. З. Религиозная политика царизма в Башкортостане в эпоху феодализма // Башкирский край. Вып.1. Б.м.: б. и., 1991. С.3–9.
5. Балаян Б.П. Дипломатическая история Русско-Иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 279,[1] с.
6. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 184 с.
7. Ван-Гален Х. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. С.349–455.
8. Дубровин Н.Ф. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1867. VI, [2], 243, [2] с.
9. Дьяков В.А. Маркс, Энгельс и Польша. Польская тема в творческом наследии основоположников научного коммунизма, их личные контакты с поляками. М.: Наука, 1989. 216,[2] с.
10. Ермолов А.П. Кавказские письма, 1816–1860. СПб.: Журн. «Звезда», 2014. 830 с.
11. Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией // Записки А.П.Ермолова, 1798–1826 / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.А.Федорова]. М.: Высш. шк., 1991. С.267–429.
12. Зубов П.П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. СПб., 1835–1836. Т.1. Ч.1. 1835. 222 с.
13. Кавказская война: истоки и начало: 1770–1820 годы / [Сост. Я.А.Гордин и Б.П.Миловидов]. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. 549, [1] с.;
14. Константин Гамсахурдия о решении Ираклия II // URL: <https://kvisripalitra.ge/article/93030-arc-aleksandre-batonishvili-arc-solomon-lionize-ar-iziarebdnen-traktatis-dadebis-ideasigi-aseve-gadaapases-iliam-da-akakim-ras-cers-konstantine-gamsaxurdia-mepe-erekle-meores-gadacqvetilebaze/> (дата обращения: 16.03.2025).
15. Кувая Х. Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. М.: Ин-т российской истории РАН, 2006. С.177–178.
16. Кулбахтин Н.М., Сергеев Ю.Н. Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье.. Уфа: БГУ, 1988. С.34–43.

17. Култ Костюшко – таран польской «мягкой силы» // URL: <https://dzen.ru/media/id/59b92ed777d0e6b8fac17f65/kult-kostiushko-taran-polskoi-miagkoi-sily-59e887d-d1aa80c2691597b5d> (дата обращения: 16.03.2025).
18. Култ Т.Костюшко: польская культурная экспансия в Беларуси // URL: <https://skeptimist.livejournal.com/2020671.html?amp=1> (дата обращения: 16.03.2025).
19. Лео Михелин // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura), 2004.
20. Манана Нозадзе. «Беспокойный Батонишвили никогда не слышал поднятого на русских меча» // URL: <https://for.ge/view/50766/mousvenar-batoniSvils-rusebis-winaaR-mdeg-aRmarTuli-xmali-sikvdilamde-qarqaSSi-ar-Caugia.html> (дата обращения: 16.03.2025).
21. Маркова О.П. Восстание в Кахетии. 1812 г. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 335 с.
22. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 1. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1942. 167 с.
23. Очерки истории Грузии. Т. V. Грузия в XIX веке. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 362 с.
24. Персидская война. Кампания 1826 года, из записок графа Симонича // Кавказский сборник, издаваемый по указанию Главнокомандующего Кавказской армией. Т. 22 / Под ред. ген.-майора Потто. Тифлис: тип. Штаба кавк. воен. округа, 1901. С. 1–44.
25. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.
26. Салават Юлаев: энциклопедия. Уфа: Башкирская энцикл., 2004. 479 с.
27. Тучков С.А. Записки 1766–1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. С. 218–339.
28. Утверждение русского владычества на Кавказе. К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901 / под руководством начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н.Белявского, составлен в Военно-историческом отделе под редакцией генерал-майора Потто. Тифлис: Тип. Я.И.Либермана, 1901–1908.
29. Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. (XVIII–XIX в.). Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1973. 312 с.
30. Gvosdev N.K. Imperial Policies and Perspectives towards Georgia, 1760–1819. Basingstoke (Hants.): Macmillan press; London: St. Martin's press, 2000. XXI, 197, [1] с.
31. Riegg S.B. Russia's Entangled Embrace. The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca: Cornell University Press, 2020. XIV, 314 pp.
32. Storozynski A. The Peasant Prince: Thaddeus Kosciuszko and the Age of Revolution. New York: St. Martin's Press. 2009. 370 p.
33. Urushadze L.Z. For the biography of Kaikhosro (Kakutsa) Cholokashvili // Amirani. XIV–XV, Tbilisi-Montreal, 2006. P. 147–166.

Настоящая педагогика –
это та, которая повторяет
педагогiku всего общества.

А. С. Макаренко

Признак хорошего
образования – говорить
о самых высоких предметах
самыми простыми словами.

Ральф Уолдо Эмерсон

Евгений Пономарев

РЕВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ:

СОЮЗ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

37

В статье рассматривается деятельность учителей частных школ – членов Союза учителей средней школы в Санкт-Петербурге в начале XX века. Их деятельность с 1906 года заключалась в создании частных Новых школ – свободных, автономных, демократических. После поражения революции 1905–1907 гг. открытие таких школ было альтернативной формой профессионально-политической деятельности и реализацией программы Союза об идеальной школе. На основе архивных материалов анализируется организационная культура этих школ и практики, заимствованные из учительских союзов.

The article examines the activities of private school teachers who were members of the Union of Secondary School Teachers in St. Petersburg at the beginning of the 20th century. Since 1906, their activity has been to create private New schools – free, autonomous, and democratic. After the defeat of the revolution of 1905–1907, the opening of such schools was an alternative form of professional and political activity and the implementation of the Union's ideal school program. Based on archival materials, the organizational culture of these schools and practices borrowed from teachers' unions are analyzed.

Ключевые слова: учителя; союз учителей средних школ; Новые школы; частные школы; профессионализация; организационная культура; Санкт-Петербург.

Key words: teachers; union of secondary school teachers; New schools; private schools; professionalization; organizational culture; St. Petersburg.

E-mail: evgeniy.ponomarev1997@mail.ru

В ходе первой русской революции 1905–1907 годов учителя Санкт-Петербурга участвовали в забастовках, создавали нелегальные профессионально-политические союзы [24], спорили по политическим вопросам на заседаниях педагогических советов. Образование в этот период было ареной политической борьбы, к которой было приковано внимание государства и общества. Учительское протестное движение во второй половине 1906 года было практически разгромлено властями. За участие в забастовках или в деятельности профессионально-политических организаций учителей из казенных учреждений часто увольняли группами, навсегда закрывая путь в государственную школу. Некоторые ученики, писавшие им прощальные стихи о том, что научились у своих учителей «пред вражеским мечом главы не преклонять, / Всегда идти вперед тяжелую тропую, / И убеждения на плату не менять» [9, л. 1], за это исключались целыми группами без права возвращения в казенные учреждения. Единственный разрешенный учительский союз – Лига образования тоже подвергался давлению правительства: министерство народного просвещения стремилось изолировать его, запрещая земствам обсуждать законопроекты, предложенные Лигой [18, л. 7–10]. Значит ли это, что революция в образовании была полностью разгромлена?

Представленная выше безрадостная картина не вполне точна: уволенные неблагонадежные учителя находили работу, отчисленные ученики продолжали учебу, а требование «свободной, автономной и демократической школы» неофициально реализовывалось вопреки надзору властей. Последнее стало возможным благодаря тому, что в Санкт-Петербурге возник феномен «Новых школ» – частных средних учебных заведений со специфической организационной культурой, основанных в 1906 году выходцами из запрещенных профессионально-политических учительских союзов.

В настоящей статье речь пойдет о Новых школах как воплощении идей Союза учителей средней школы. Анализ истории Новых школ в 1906–1914 годах показывает, что проекты свободной школы, лежавшие в основе политических требований профессиональных учительских союзов, воплощались в жизнь активными участниками Союза в Санкт-Петербурге даже под надзором министерства народного просвещения и зачастую не вполне легальным образом. Изучение этого сюжета позволяет понять, куда была перенаправлена политическая активность учительства после первой русской революции.

В историографии, посвященной участию учительства в революции 1905–1907 годов, сложилось устойчивое мнение, что наиболее активными участниками политических протестов среди представителей этой профессиональной группы были народные учителя сельских начальных школ [32, с. 680–681]. Такие выводы делаются на основе того, что во Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию они составляли большинство. Собственная профессионально-политическая организация педагогов, работавших в городах, – Союз учителей средней школы – описывается историками как незначительная [32, с. 681]. Тем временем учителя частных учебных заведений играли главную роль в обоих союзах, так как пользовались авторитетом в педагогической среде, были авторами множества публикаций и обладали значительными ресурсами для своей профессионально-педагогической деятельности, а также оказали значительное влияние на педагогическую жизнь столицы в начале XX века.

В качестве профессионально-политической деятельности учителей в историографии рассматривается их участие во всероссийских учительских союзах. Программа Союза учителей средней школы предполагала «борьбу за свободную, автономную и демократическую школу» [1, л. 1]. Автономная школа должна была характеризоваться «коллегиальным ведением дел в школе, с выборными на срок должностными лицами и с пополнением педагогического состава путем кооптации» [1, л. 1]. Под понятием «свобода» участники союза понимали в том числе «свободу от полицейско-бюрократического воздействия» [1, л. 1]. Демократической школа должна была стать «по месту, по плате, по устранению всяких препятствий поступлению в школу – сословных, вероисповедных, национальных, различиях пола» [1, л. 1]. Именно в соответствии с этой теоретической программой учителя-члены Союза учителей средней школы Санкт-Петербурга создавали в начале XX века Новые учебные заведения.

Деятельность Союза учителей и деятелей средней школы была кратко описана Б.К. Тебиевым, который, говоря о педагогическом творчестве масс, не связывал его с учителями средних школ [34]. И.В. Зубков утверждал, что Союз учителей средней школы «не пользовался значительным влиянием» [32, с. 681], но при этом не рассматривал деятельность участников союза и их состав. Анализируя деятельность учительства в начале XX века с точки зрения профессионализации, Х.Д. Балзер отмечает, что для учителей этого периода было характерно ощущение себя российскими интеллигентами [23, с. 201] и «профессиональное месси-

анство» [23, с.220]. В таких условиях осознание себя как группы профессионалов влияло на их участие в революционных событиях и подталкивало их к требованиям расширения профессиональной автономии и усилению влияния на педагогические процессы, а сами требования постепенно радикализировались. Указанные исследователи останавливались на создании союзов, проведении съездов и издании профессиональных журналов, но не анализировали создание новых учебных заведений как реализацию стремления к профессиональной автономизации [23, с.214–215].

Исследователями предпринимались попытки проанализировать создание частных школ в начале XX века как явления педагогической жизни [28]. Впервые очертила круг «Новых школ» М.В. Михайлова, включившая в их число российские школы, открытые в 1905–1907 году, на основе «передовых» педагогических методов, которые в них применялись. Исследователь указывала на «ограниченность, а зачастую и бесплодность... многих интересных начинаний» [28, с.10], а влияние учительских союзов рассматривала только в контексте применения педагогических новаций – экскурсий, всестороннего развития ученика и т.д. [28, с.12–13]. Современные авторы в ряде педагогических работ продолжают следовать этим тезисам и ставят «Новые школы» столицы в один ряд с открывшимися в это же время школами в сельской местности и в других регионах, в то время как эти школы и формировавшееся вокруг них педагогическое сообщество были явлением исключительно петербургской жизни. Некоторые исследования содержат фактические ошибки, причисляя к открытым после событий 1905 года более ранние, но известные школы [37], и продолжая воспроизводить советские штампы о «Новых школах» как «демократических» в смысле разрыва оплаты обучения, что не подтверждается архивными данными [27].

Среди «Новых школ» Санкт-Петербурга, созданных после революции 1905 г., в историографии проанализирована лишь гимназия, открытая на имя И.А. Смирнова и Л.Д.Лентовской [30]. Автор статьи Т.И. Пашкова на основе этого кейса не ставит цели рассмотреть профессионализацию столичного учительства и его связь с Союзом средней школы.

Новые школы в начале XX века

Таким образом, в историографии отсутствует описание в целом «Новых школ» как явления столичной жизни, тесно связанного с профессионально-политическими учительскими союзами и обладавшего особенной

организационной культурой и практиками. Для того, чтобы восполнить этот пробел, нужно ответить на вопросы: как Союз учителей средней школы представлял идеальную школу? Какие из идей легли в основу практик Новых школ? Какие из них однозначно можно идентифицировать как передовые? В чем заключались особенности организационной культуры Новых школ? Как эти практики уживались с требованиями к учебным заведениям, предъявляемыми министерскими бюрократами? В основу статьи легли источники личного происхождения – дневники, воспоминания и личная переписка создателей и сотрудников «Новых школ», а также делопроизводственные источники: протоколы собраний и заседаний, уставы учреждений.

В фокусе исследования – открытые в 1906 году частные «Новые школы». Слово Новый для них было самоназванием, так как должно было помочь отличать их «от казенных (отсутствием тенденциозности воспитания) и от школ частных (для которых дело воспитания является доходной статьей)» [7, л. 6].

Попробуем очертить круг таких учебных заведений в столице. Предложенная в педагогических исследованиях [28] классификация на основании только педагогических идей плохо подходит для такой задачи, так как объединяет школы, созданные с разными целями, составом учеников, коллективом, стоимостью и т. д. Для того, чтобы школу можно было отнести к Новой, важна самоидентификация педагогического коллектива и позиционирование в информационном пространстве. Такие учебные заведения демонстрировали свою приверженность прогрессивным, с их точки зрения, идеям «свободного воспитания» и взглядам на будущее устройство школы, которые транслировались существовавшими учительскими союзами. Кроме самоидентификации, все новые школы обладали особой организационной культурой – ценностями, поведением внутри педагогических коллективов и системой управления. В таких школах педагогический коллектив к 1905 году придерживался радикальных общественно-политических взглядов, часто участвовал в политических забастовках в полном составе [24]. Новые школы стремились сделать учебный процесс отличным от государственных школ и приблизить его к идеям свободного воспитания настолько, насколько позволял устав учебного заведения [31], а также нередко нарушали устав там, где он противоречил их идеям и программе Союза о свободной, автономной и демократической школе.

Новые школы выбирали ведомство, которое должно было контролировать их деятельность – министерство народного просвещения или

учебный отдел министерства торговли и промышленности. Государство не препятствовало открытию Новых школ, но степень контроля этих ведомств была различна: в то время как министерство народного просвещения требовало неукоснительного соблюдения правил, программ, систем оценивания и т. д., учебный отдел министерства торговли утверждал более либеральные уставы, допускал расхождение в учебных программах и практически не тревожил подведомственные школы проверками.

Для учителей создание Новых школ было формой гражданского активизма и стремления к автономии своей профессиональной группы в условиях, когда участие в нелегальных профессионально-политических организациях несло значительную угрозу безопасности, а существующая педагогическая деятельность в казенных школах не отвечала общественно-педагогическим идеям, сложившимся в кругу учителей частных школ. Прагматический смысл участия заключался в том, что оно позволяло найти учителям заработок в сложных условиях, когда их не могли взять на работу в государственные учреждения, так как требовалось утверждение кандидатур попечителем учебного округа с точки зрения «благонадежности» учителя.

Всего в 1906 году в Петербурге было открыто новых 15 средних учебных заведений в ведении Министерства народного просвещения [29] и 3 коммерческих училища, находившихся в ведении учебного отдела Министерства торговли и промышленности [33]. Вместе с Новыми школами

Открытка с видом здания восьмичлассного коммерческого училища в Лесном. Здание не сохранилось

в Петербурге существовала группа школ, которые воспринимались как «родственные по духу» и «старшие товарищи» [5, л. 5].

Участие педагогов Новых школ и школ-«старших товарищей» в деятельности Союза учителей средней школы было массовым. Сопоставление списка делегатов Второго делегатского съезда Союза, состоявшегося 4–7 июня 1906 года, со списками сотрудников Новых школ позволяет выделить 1–2 делегата от каждого Нового учебного заведения [26]. Это доказывает, что в каждой из школ была ячейка Союза, часто группировавшая вокруг одного из руководителей, который, как правило, возглавлял инициативную группу, создававшую Новую школу. От общего числа делегатов (141) на съезде учителя Новых школ составляли около 10%. Вовлечение в деятельность профессионально-политического союза предопределяло формирование особой организационной культуры, характерной для этих учебных заведений.

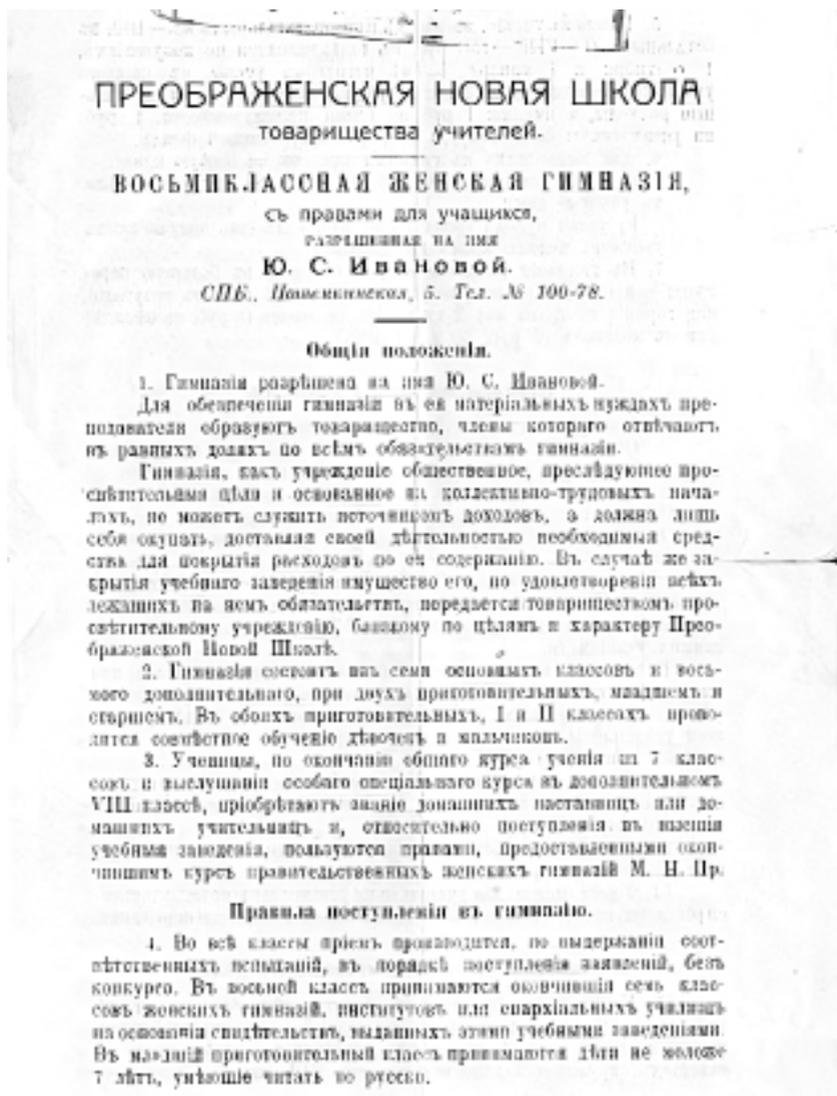
Выборы в Новых школах

В Новых школах формировалась особая система управления. Учебные заведения открывались инициативной группой единомышленников,

уволенных из государственных или частных школ, составлявших товарищество в юридическом смысле и бывших законными учредителями школы. Например, так было основано товарищество учредителей Выборгского восьмиклассного коммерческого училища (ВВКУ) [21, л. 1].

Нетипичным для остальных школ было то, что дела вел педагогический совет, а также правление – несколько наиболее активных участников жизни школы, которые брали на себя решение материальных вопросов. Правление включало в себя учредителей и тех, кого они приглашали в него вступить. В создаваемой гимназии Ивановой правление должно было состоять из трех человек: «заведующей (самой Ивановой. – *Е.П.*), председателя [педагогического] совета и секретаря» [19, л. 2]. Учитель Новой Василеостровской школы К. Бойко-Радзевич (Афанасьева) указывала, что ее пригласили в правление Василеостровской школы после недолгой работы заметив ее организаторские способности [10, л. 4]. Главной задачей правления был поиск финансирования. Например, члены правления гимназии Могилянской «ездили с просьбой о помощи к барону Гинсбургу» [10, л. 4]. Самоуправление, в том числе в финансовых вопросах, соответствовало идее автономной школы с коллегиальным ведением дел [1, л. 1].

Еще одной практикой, направленной на создание автономной школы, было предоставление особых расширенных полномочий педагогическому совету. Совет имел право самостоятельно решать вопрос о школе-

Положение о восьмиклассной женской гимназии Ю.С.Ивановой
Преображенской новой школы товарищества учителей

ных кадрах «с пополнением педагогического состава путем кооптации» [1, л. 1.Об.]. На всем протяжении существования ВВКУ была принята процедура баллотировки новых учителей. Если учитель первоначально приглашался директором и беседовал с ним, то после представления педагогическому совету происходила процедура голосования, где из нескольких кандидатов на должность выбирался тот, кто набрал большинство голосов. Спустя год все коллеги должны были пройти «перебаллотировку», после чего оставались работать в училище. Выборы учителей были формализованы, голосование было тайным. Материалы фонда ВВКУ содержат примеры бюллетеней, в которых учителя ставили «+» или «-» напротив фамилий коллег [22, л. 3]. Вскрытие урны и подсчет голосов проходили публично в присутствии не менее трех педагогов [22, л. 10. Об.]. Аналогичные выборы с перебаллотировкой каждые 4 года проходили в Восьмиклассном коммерческом училище в Лесном. Сохранились фирменные конверты с указанием фамилий учителей и записками с подсчетом голосов [16, л. 14–17]. В проекте устава товарищества Преображенской Новой школы говорилось, что «все дела новой школы ведет школьный совет» [19, л. 44]. В его полномочия входило «избрание и увольнение лиц учебно-воспитательного персонала» [19, л. 44]. Остается неизвестным, был ли утвержден проект данного устава Преображенской школы, но их намерения в общем соответствовали идее Союза об автономной школе.

В коммерческом училище в Лесном была процедура выборов директора. Сведения об этом содержатся в уставе, с текстом которого знакомы «Новые школы» [7, л. 18]. Ежегодник Лесного училища описывает процедуру выбора директора В.И.Обреимова в 1907 году следующим образом: «педагогический комитет на заседании избрал в качестве кандидата» [15, л. 157 Об.], а попечительский совет в свою очередь «избрал» его, т.е. фактически утвердил избрание педагогическим советом. В ВВКУ должность директора тоже была выборной, а сами выборы были формализованной процедурой тайного голосования, аналогичной выборам учителей. До 1917 года директора выбирали каждые четыре года, но авторитет основателя училища П.А.Германа был так велик, что его переизбрание происходило единогласно [22, л. 49].

Сравним проект устава коммерческого училища в Лесном, представленный в 1907 году и сохраненный П.А.Германом, и устав, утвержденный министерством торговли и промышленности 1904 года. Проект устава содержит следующий пункт: «Должности директора, помощника его (инспектор. – *Е.П.*), ... преподавателей... суть выборные, причем

все вышеозначенные лица ответственны за свои действия перед педагогическим комитетом» [7, л. 18]. В свою очередь утвержденный устав содержит однозначное указание, что «директор училища избирается попечительским советом» [36, л. 11], а «инспектор училища избирается директором» [36, л. 1]. Так же решался вопрос с новыми учителями: «преподаватели... избираются директором» [36, л. 13]. Преподаватели могли выбрать из своего числа лаборантов и заведующего библиотекой, только если их не назначил директор [36, л. 13]. Таким образом, мы видим, что в училище в Лесном существовали два устава – реальный, соответствующий идеям автономности, декларируемой Союзом учителей средней школы, и подложный, утвержденный учебным отделом МТиП.

Сопоставим данные о системе выборных должностей с уставом ВВКУ, который был сдан в учебный отдел МТиП. По утверждению П. А. Германа, создатели ВВКУ «встретили большое сочувствие даже (в) нашем уставе, который построен на автономных началах» [8, л. 1]. Устав был утвержден дважды в 1906 году при открытии училища и в 1910 году при повышении платы за обучение [2]. В уставе за 1906 год было указано, что «преподаватели и преподавательницы избираются директором училища» [2, л. 9–9 об.], хотя и с одобрения «инспектора, педагогического комитета» [2, л. 8], а «кандидат на должность директора избирается попечительским советом» [2, л. 8]. Без изменений эти положения остались и в уставе в 1910 году [2, л. 43–44 об.].

Таким образом, существование выборных должностей было прямым нарушением устава училищ. Учителя и администрация ВВКУ и училища в Лесном сознательно нарушали устав, сохраняя ту практику, которая была, с их точки зрения, более соответствующей идее Новой школы, пусть и не закрепленной в документах. Сходство описанных практик обусловлено подведомственностью училищ учебному отделу МТиП, а также тесным взаимодействием указанных школ. О. В. Яфа в воспоминаниях регулярно указывала Никонова, бывшего в то время директором Лесного училища, как участника встреч правления школы, а инспектор Лесного училища А. Я. Зак приглашался на собрания педагогического комитета в гимназию Ивановой во время подготовки открытия школы весной 1906 года [19, л. 7]. На сегодняшний момент не удалось обнаружить аналогичных практик реализации принципа выборности учителей и администрации в обход устава в учебных заведениях, подведомственных МНП.

**Третейский суд
учительской корпорации**

Еще одной из демократических практик, перенесенных из учительских союзов, стал третейский суд.

Члены учительских союзов с момента основания наделяли себя правом судить представителей корпорации. Подтверждением этого служит такая форма протеста как бойкот места, на котором запрещалось работать, или конкретного человека. Так группа Енисейских учителей отказалась подавать руку «инспектору народных училищ Н.К.С.» [25, с. 10] «за отношения его к учителям, носящие характер ярко выраженного полицейского сыска, грубого начальственного произвола и неуважение к личности учителя» [25, с. 10].

Бойкот был формой порицания, если вина была очевидна, а в случаях необходимости разбора дела по существу существовала практика третейского суда. Так, сын С.И.Шохор-Троцкого – Александр, состоявший в легальном всероссийском учительском союзе, Лиге образования, и его торговый партнер Александр Григорьевич (фамилию обнаружить не удалось) вызывали на третейский суд преподавателя ручного труда Выборгского, Тенишевского училищ и училища в Лесном Николая Михайловича Васильева [5, л. 103]. Васильев выступал в этом случае не как учитель, а как предприниматель – в решающий момент он отказался от участия в открытии книжного магазина, чем «очень сильно подвел» своих партнеров, между которыми не был заключен договор [5, л. 103]. Это свидетельствует о том, что требования профессиональной группы распространялись за пределы профессиональной деятельности.

В 1907 году возник конфликт между ВВКУ и учителем биологии Ю.И.Менжинской. Опираясь на практику общего голосования при выборе преподавателей, педагогический совет отказался предоставить Менжинской уроки в одном из классов, что, с точки зрения учительницы, выглядело «незаслуженной и некорректной забаллотировкой» [19, л. 5] и повлекло ее отказ от преподавания в училище. Таким образом, процесс выборов новых учителей не был формальностью, раз порождал такие конфликты. Педагогический совет предложил Менжинской решить дело в третейском суде, выбрав своего представителя. Суд состоял из трех «судей»: ВВКУ выбрало в качестве представителя директора гимназии К.Мая, председателя Союза учителей средней школы А.Л.Липовского, Менжинская – Н.М.Соколова, члена центрального бюро Всероссийского Союза учителей и деятелей по народному образованию, преподавателя училища в Лесном. Они оба избрали в качестве третьего члена товарищеского суда В.И.Чарнолуцкого – известного теоретика педагогики,

члена бюро Лиги образования [19, л. 5]. Выбор этих трех людей в качестве судей неслучаен. Свою известность в педагогических кругах Липовский и Соколов приобрели во время работы в учительских союзах, они придерживались схожих взглядов на школу, а их воззрения в свою очередь были близки преподавателям ВВКУ. Широко известный теоретик образования Чарнолуцкий был компромиссной фигурой, так как при схожей педагогической позиции не состоял в одном союзе с кем-либо из судей.

Третейский суд не был формальностью: судьи сочли, что мнение Менжинской о несправедливом решении педсовета «неприложимо к коллегиальному органу, действовавшему при соблюдении обычной формальностей», а ее «тягостное впечатление» признали ее «личным делом» [19, л. 5], так что учительница покинула училище. Этот случай не закрыл для Менжинской путь в круг Новых школ. С 1908 года она перешла на работу в коммерческое училище в Лесном [14, л. 5], пройдя аналогичную процедуру баллотировки.

Таким образом, суд, хотя и предложил ВВКУ скорректировать процедуру, не принял аргументов Менжинской, а остался привержен идее, реализовавшейся в педагогических союзах, где решения принимались голосованием, так как в идеальной школе должна была реализовываться процедура коллегиального принятия новых коллег. Такой третейский суд, как и процедура баллотировки, был внутренней договоренностью учителей и напрямую нарушал утвержденный устав ВВКУ.

Общественно-политические взгляды учителей

Учителей, работавших в Новых школах, объединяли общие политические взгляды. Их сближение происходило в ходе совместной политико-профессиональной деятельности в учительских союзах. Так, О. В. Яфа в своих воспоминаниях рассказывала о том, что за два года работы в школе Таганцевой не узнала даже имен своих коллег и избегала их, и только во время участия в митингах учительского союза впервые обратила на них внимание [3, л. 44].

Будущая общность учителей формировалась не только внутри союзов, но и внутри государственных или частных школ, где в процессе реагирования на революционные события выделялась наиболее активная группа педагогов, стоявшая в оппозиции к правительству и школьному начальству. Происходившая в обществе поляризация затрагивала педагогические коллективы. Как отмечали участники, «революционная волна

переметнулась в самые стены богоспасаемой гимназии» [3, л.44 об.]. Совместная деятельность полярных групп была невозможной, даже если открытого конфликта не было. О.В.Яфа в воспоминаниях писала, что, хотя она не была активной участницей дебатов в Таганцевской гимназии, «третьей дороги для меня не было...» [3, л. 14]. Из ее воспоминаний становится ясно – все члены педсовета должны были выбрать сторону конфликта. Таким образом, поляризация достигла своего предела к концу 1905–1906 учебного года и жизнь враждующих групп внутри одной школы становилась невозможной.

В дискуссиях учителя «невольно стали приглядываться друг к другу, отмечая единомышленников» [3, л. 14]. Именно так и случилось в гимназии Таганцевой в 1906 году, где, по воспоминаниям участницы событий, педагоги «особенно солидаризировались» [3, л.45] и перед уходом подавали заявление уже как единая группа [3, л.45]. Их объединяло чувство общего дела, чувство того, что они «товарищи, только что во имя солидарности принесли довольно большую жертву» [3, л.45]. Если О.В.Яфа утверждала, что первоначально в ходе дискуссий держалась позиции «моя хата с краю» [3, л. 14 об.], то были и другие коллеги, имевшие за плечами опыт активной деятельности в учительских союзах, например, О.А.Добиаш-Рождественская. Идея общего заявления от имени группы принадлежала ей: в бумагах Германа [6, л. 1] и Яфы содержатся письма от Добиаш-Рождественской с проектом заявления и предложением встречи. Учителя, подобные ей, оказывали влияние на своих коллег, втягивая тех, кто, как им казалось, придерживался схожих взглядов, в происходившую борьбу.

Говоря о политических взглядах коллег, К.А.Бойко-Радзевич указывала, что «политический состав был пестрым» [11, л.4] и «учителя считали необходимым перемену режима и верили в революцию» [11, л.4]. Таким образом, при всей «пестроте» учителей объединяла оппозиционность к существовавшей власти. О.В.Яфа писала, что в ходе продолжавшихся революционных событий, которые обсуждались в ВВКУ, педагоги оказывались единодушны: «все были солидарны – тут споров не возникало» [4, л.4 об.], в отличие от, например, гимназии Таганцевой, где политические разногласия по-прежнему раскалывали педагогический коллектив [4, л.4 об.]. Об общей солидарности педагогов свидетельствуют факты создания Новых школ группами учителей, которые раньше были коллегами в старых школах и выходили из них одновременно по политическим мотивам.

5 выпуск, 1917 год Выборгского восьмиклассного коммерческого училища.
В центре сидит директор училища П.А.Герман. Слева – Л.П.Трейфельд

Дополнялся коллектив людьми схожих политических взглядов из уже существовавших школ, реализовывавших на практике идеи свободного воспитания. К 1913–1914 учебному году в коллективе ВВКУ, состоявшем из сорока двух преподавателей и воспитателей, сохранялись учителя, совмещавшие работу в нескольких школах, реализовывавших идеи свободного воспитания, что свидетельствует о тесном сотрудничестве учебных заведений такого типа, а также о том, что школы-«старшие товарищи» материально поддерживали учителей из Новых школ, предоставляя им работу.

Администрация Новых школ была готова принимать на работу и тех учителей, у которых были проблемы с формальными отзывами о политической благонадежности. Одна из учительниц ВВКУ, названная О.В.Яфой в записях «Маруся», поступая на работу, в разговоре с ней интересовалась взаимодействием училища и министерства, сказала, что дала «не тот адрес, где действительно прописана» [11, л.4], и предупредила, что могут возникнуть трудности, если «полиция будет наводить

справки о... благонадежности» [11, л.4]. В свою очередь учительница Новой Василеостровской школы К.А.Бойко-Радзевич свидетельствовала, что, «очень часто приходя к началу занятий, во дворе, я заставляла конную полицию, что означало арест одного из преподавателей» [13, л. 10]. Таким образом, подбирая людей схожих политических и педагогических взглядов, Новые школы закрывали глаза на политическую благонадежность, а точнее, проблемы с ней, ставя во главу угла идейную общность.

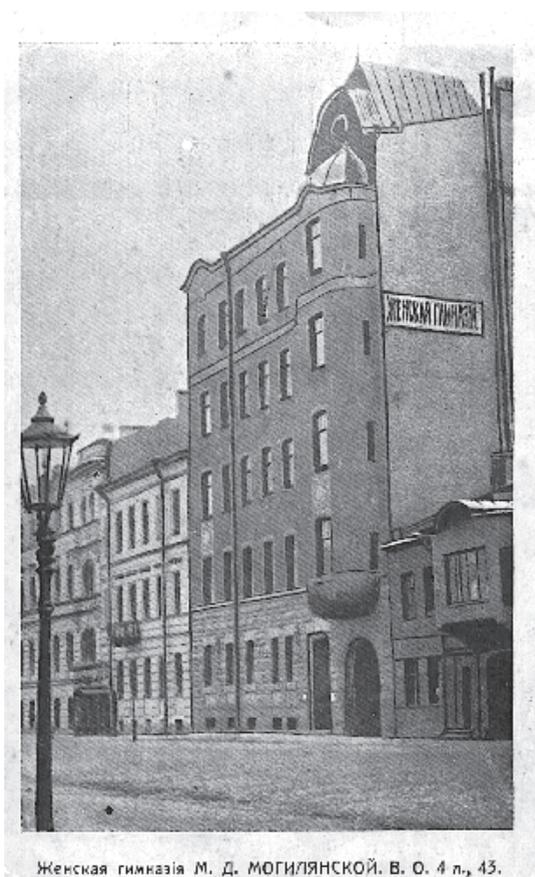
Руководство школ не следовало и другим негласным ограничениям Министерства народного просвещения. Я.А.Вейнерт (в девичестве – Влядих) писала, что во время поиска работы в 1913 году «шансов попасть туда (в казенную гимназию. – *Е.П.*) было немного» [17, л.4], так как вряд ли директор захотел бы видеть в качестве учителя русского языка польку, которая была замужем [17, л.4]. Во время беседы директор училища в Лесном Г.Н.Боч в ответ на сообщение Вейнерт о национальности и семейном положении успокоил ее, сказав: «у нас работают даже евреи и есть замужние преподавательницы» [17, л. 10].

При поиске учителей учредители пользовались существующими личными и профессиональными связями. Директор гимназии и реального училища Мая А.Л.Липовский в своем письме П.А.Герману «очень рекомендовал... как воспитательницу для... училища – О.К.Перион» [20, л.8]. Примечательно, что Липовский указал в письме, что «опыт у нее не очень большой, но думаю, что для новой школы нужны скорее охота и способность работать» [20, л.8], что еще раз свидетельствует, что критерием отбора в Новую школу было наличие схожих педагогических воззрений, которые у учителей неизбежно смыкались с оппозиционными политическими взглядами.

Типичный процесс приема на работу в «Новую школу» можно проследить на примере Вейнерт, устраивавшуюся на работу в 1913 году в коммерческое училище в Лесном. Она вспоминала, что в поиске работы «помогли мои друзья по педагогическому институту» [17, л.4]: о ней рассказали Менжинской и та обещала «поговорить обо мне с администрацией» [17, л.4]. После чего она была приглашена на разговор к директору училища Бочу. Для директора разговор был важным этапом при приеме на работу, так как после он сообщил, что будет «поддерживать... кандидатуру на педагогическом совете» [17, л. 11] т.е. несмотря на демократичность выборов, первичный отбор учителя проходил через собеседование с директором.

Важной частью организационной культуры было нарушение тех государственных предписаний, которые преподаватели Новых школ считали

необязательными к выполнению. Часто это была открытая демонстрация пренебрежения требованиями, известная в том числе и ученикам. Одним из ярких примеров такого нарушения правил было отсутствие молитвы перед уроками. Конечно, ученикам, учившимся в государственных учебных заведениях, было известно, что «во всех гимназиях перед учением была молитва» [12, л. 13], а «у нас (в гимназии Могилянской. – Е.П.) ее не было...» [12, л. 13]. Ученицы гимназии знали, что «руководители нашей школы были сами не очень-то и набожны, и считали, что это совершенно не нужно» [12, л. 13], а молитва, даже если и вводилась на какое-то время после очередной проверки, со временем снова отменялась.

С.-Петербург. Женская гимназия М.Д.Могилянской на 4 линии Васильевского острова

К числу нарушений установленных государством правил следует отнести вопрос об ученических организациях. Изданный в январе 1906 года циркуляр министра народного просвещения И.И. Толстого предписал педагогическим советам устранить ученические собрания, а также ликвидировать ученические организации с различными выборными лицами [35]. В Новых школах продолжали существовать элементы запрещенного самоуправления. Учащиеся Новой Василеостровской школы «работали в классных библиотеках, шефствовали старшие над младшими» [13, л.22]. Проект устава коммерческого училища в Лесном предполагал «допущение двух... представителей от 3-х старших классов (6, 7, 8) с правом совещательного голоса» [7, л.22] на заседаниях педагогического совета по некоторым вопросам. Все эти открытые нарушения законодательства, с точки зрения учителей, работавших в этих школах, соответствовали идее «свободной школы», то есть на практике демонстрировали «свободу от полицейско-бюрократического воздействия» [1, л. 1].

Все Новые школы существовали, сохраняя свои практики, до 1917 года и в октябре были национализированы и продолжили свою деятельность в качестве советских школ. Наиболее активные участники первоначально смогли встроиться в советскую систему образования не только учителями, но и, например методистами экскурсионного дела и сотрудниками отделов образования.

Открытие Новых школ было типичной чертой Петербурга после окончания первой русской революции. Если во время революции деятельность столичного учительства выражалась в открытом протесте, то позже она стала реализовываться в повседневных педагогических и управленческих практиках, сами учителя оставались революционизированы. Они продолжали учить детей в эталонных, с их точки зрения, школах, основанных на идеях свободы, демократии, автономии. В Новых учебных заведениях они создавали среду, в которой открыто нарушались министерские предписания, при этом такая деятельность Новых школ в основном оставалась невидимой для чиновников.

Новые школы были схожи по своей организационной культуре, так как основой их коллективов становились участники политико-профессиональных союзов с общностью оппозиционных взглядов, которые оказывали влияние на менее политизированных коллег. Для учителей-членов учительских союзов создание таких школ было тактикой, позволявшей продолжить педагогическую деятельность. В Новых школах получали распространение практики учительских союзов – избрание

коллег и руководства, третейский суд, а отношения внутри педагогических коллективов имели демократический характер.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р.6862. Оп.1. Д.31. Объяснительная записка к уставу. Устав всероссийского союза учителей и деятелей средней школы. Приложение к журналу 7 дней.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.25. Оп.2. Д.636. Об учреждении Трейфельдом Выборгского коммерческого училища в Санкт-Петербурге.
3. Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.163. Второвы И.А., Н.И., Синакевич О.В.Ед. хр. 339. Синакевич (Яфа) О.В. «Жили-были». Воспоминания. Тетрадь 24. «Зрелые годы». Март–декабрь 1906 г.
4. ОР РНБ Ф.163. Ед.хр.340. Синакевич О.В. «Жили-были». Воспоминания. Тетрадь 25-я. «Зрелые годы». Январь–май 1907 г.
5. ОР РНБ Ф.163. Ед.хр. 341. Синакевич Ольга Викторовна. «Жили-были». Воспоминания. Тетрадь 26-я. «Зрелые годы». Июнь 1907 – май 1908 г.
6. ОР РНБ Ф.254. Добиаш-Рождественская О.А.Ед. хр. 267. Письмо Петру Андреевичу Герману. С приложением проекта письма преподавателей гимназии Л.С.Таганцевой.
7. ОР РНБ Ф.1091. Герман П.А, Ед. хр. 125. Междушкольная комиссия. Протоколы заседаний комиссии и извлечения из них.
8. ОР РНБ Ф.1091. Ед. хр.731. Письмо Андрею Андреевичу Граншелю.
9. ОР РНБ Ф.1091. Ед.хр.736. Стихотворение Петру Андреевичу Герману по случаю его последнего урока в гимназии. Текст написан ученицей Воланс и подписан другими.
10. ОР РНБ Ф.1434. Собрание материалов школьного музея "Ленинградский учитель" Ед. хр.1. Аврова (Демкина) Наталия Михайловна, педагог. Автобиографическая справка.
11. ОР РНБ Ф.1434. Ед. хр. 10. Афанасьева (Бойко-Родзевич) Ксения Александровна, педагог. Воспоминания о Василеостровской Новой школе в 1906–1909 гг.
12. ОР РНБ Ф.1434. Ед. хр. 48. Могиланская Софья Николаевна. Воспоминания о Василеостровской Новой школе.
13. ОР РНБ Ф.1434. Ед. хр. 90. Щукарева (Липовская) Татьяна Александровна. Новая Василеостровская школа (гимназия М.Д.Могиланской). Воспоминания учениц (1906–1918 гг.).
14. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) Ф.1029. Д. 1. Список преподавателей училища.
15. СПбФ АРАН Ф.1029. Д.3. Ежегодник С.-Петербургского Восьмиклассного коммерческого училища в Лесном. 1908 г.

16. СПбФ АРАН Ф. 1029. Д. 4. Баллотировочные листы преподавателей при переизбрании на должность.
17. СПбФ АРАН Ф. 1029. Д. 21. Вейнерт-Влядих Я. А. Мои воспоминания о коммерческом училище в Лесном 1913–1920.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф.Р-6276. Оп.270. Д. 355. Переписка Главного управления по делам местного хозяйства с Санкт-Петербургским градоначальником, Департаментом полиции, департаментом народного просвещения о деятельности лиги образования.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 143. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦГИА СПб. Ф.324. Оп. 1. Д. 13. Копии исходящих бумаг.
21. ЦГИА СПб. Ф.324. Оп.2. Д.5. Дела преподавателей.
22. ЦГИА СПб. Ф.324. Оп.2. Д. 24. Дела кандидатов на воспитательские и преподавательские должности.
23. Балзер, Харли Д. Интеллигентные профессии и интеллигенты-профессионалы. Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р.Лейкиной-Свирской. Отв. ред. Ганелин Р.Ш. СПб, 2003. С.201–222.
24. Без автора. Учительская забастовка в дни 14–21 окт. 1905 г. / Без автора // Вестник всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. № 1. 1905. Стр.2.
25. Без автора. Бюллетень всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию / Без автора // Вестник всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. 1905. №1. С.10.
26. Второй делегатский съезд Всероссийского Союза учителей и деятелей средней школы в С.-Петербурге 4–7 июня 1906 г. СПб. 1907. 141 с.
27. Войтеховская М.П. Движение за новую школу в России в конце XIX – начале XX в. / М.П.Войтеховская, О.В.Мартиросьян // Научно-педагогическое обозрение. 2019. №2(24). С. 162–167.
28. Михайлова М.В. Передовые школы нового типа, созданные общественной и частной инициативой в России в начале XX века: автореф... дис. кан. пед. наук. М.: 1966. 23 с.
29. Пашкова Т.И. Гимназии и реальные училища дореволюционного Петербурга 1805–1917 гг. Исторический справочник. СПб: Серебряный век. 2015. 340 с.
30. Пашкова, Т. И. «Новая школа» И.А.Смирнова и Л.Д.Лентовской как альтернатива казенной гимназии начала XX века / Т.И.Пашкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. №3(78). С.65–69.
31. Пономарев Е.В. Сходство теоретических и практических взглядов сторонников экспериментальной педагогики столицы в поздний пореформенный период (на примере гимназии Стоюниной и училища Тенишева) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина. 2021. №2 (71). С.46–55.

32. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX века / Отв. ред. Туманова А.С. М., 2011. 887 с.

33. Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1910–1911 уч. год. СПб, 1912. 391 с.

34. Тебиев Б.К.-Г. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – нач. XX в. М., 1996. 249 с.

35. Тебиев Б.К.-Г. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг. // Высшее образование в России. №2. 2017. С. 157–168.

36. Устав восьмиклассного коммерческого училища в Лесном. СПб.: Тип. Шредера. 1904. 21 с.

37. Фейзрахманова, Т.Б. Классификация авторских школ в России в конце XIX – начале XX века / Т.Б.Фейзрахманова // Преподаватель XXI век. 2014. №1–1. С. 149–155.

Наши авторы

Эйриян Вартан Арсенович

преподаватель кафедры международных отношений
и внешней политики России. МГИМО (У) МИД России

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва

Стамова Ирина Ивановна

старший преподаватель МГИМО-Университета

Хайлова Нина Борисовна

доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX – начале XX в.»,
Институт российской истории Российской академии наук

Вартазарьян Даниил Георгиевич

Студент 1 курса магистратуры программы
«История современного мира» НИУ ВШЭ.
Место работы: Государственный архив
Российской Федерации, ведущий специалист

Новоточинов Сергей Борисович

Магистр, НИУ ВШЭ

Мирон Сергеевич Малафай

аспирант ФИПИП ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»

Лалин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории
Санкт-Петербургского института истории РАН,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Пономарев Евгений Витальевич

аспирант, факультет истории АНООВО ЕУ СПб

Our authors

Eiriyar Vartan Arsenovich

Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO, Moscow

Bogdanov Andrey Petrovich

D.Sci., historian, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Stamova Irina Ivanovna

senior lecturer, Moscow State Institute of International Relations-University

Khailova Nina Borisovna

D.Sci., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at the Center «History of Russia in XIX – early twentieth century», FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Vartazaryan Daniil Georgievich

1st year student of the master's program «History of the Modern World» at the National Research University Higher School of Economics.
Place of work: State Archives of the Russian Federation, leading specialist

Novotochinov Sergey Borisovich

historian, master's degree

Miron Sergeevich Malafai

PhD student of FIPiPiP FGBOU VO “State University of Education”

Lapin Vladimir Vikent'evich

D.Sci, historian, Professor of European University (Saint Petersburg), the Head of department New history of Saint Petersburg Institute of History (RAS)

Ponomarev Evgeny Vital'evich

post-graduate student, historian, European University at St Petersburg, St Petersburg, Russia

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2024.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.04.2025. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,25 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 215862**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

1. 2025 January-March

Geopolitics and International Policy Issues

Vartan Eiriyanyan

Shusha Declaration:

Strategy for the Development of the Turkic

World and the National Interests of Russia _____ 6

Labels and Myths

Andrey Bogdanov

Princess Sophia and her Favourites _____ 30

Russia in the World

Irina Stamova

Princess Daria Lieven and
Russian-European Relations _____ 60

Nina Khailova

Children's World in China at the Turn
of the 19th and 20th Centuries. (Based
on materials from the journal "Vestnik Evropy") _____ 74

Daniil Vartazaryan

Practices of Interaction between the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Empire and the
Cadet faction in the III State Duma (1907–1912) _____ 86

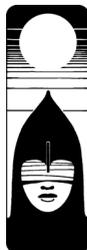
Pages of History

Sergey Novotochinov

A.I.Guchkov and the ruling circles
in 1901–1911: informal interaction _____ 102

Miron Malafay

“Together with them, you have long been
shaking the foundations of the sacred Tsar’s
Throne...” Assessments of the Activities
of Prince G.E.Lvov on the Pages
of the Emigré Periodical Press _____ 116

National Doctrine

Vladimir Lapin

How to Become a Hero
of National Resistance _____ 134

Resources of Nation

Evgeny Ponomarev

Revolution in Education:
The Union of Secondary School Teachers
and the Transformation of the Education
System in St. Petersburg in the Early 20th
Century _____ 156

РОССИЯ XXI